

9,5 п.н.⁰²⁽⁰⁶⁾
Л.А.5

Мир.

1000 экз

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

90 коп.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н. К. КРУПСКОЙ

ТРУДЫ

Том XXXII

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК 2

ЛЕНИНГРАД

1976

м.к 2012

и 2010

К/Х
0/к

**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока**

Тип. им. Котлякова. 3 — 5 000 000. 1988 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шт.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

Т Р У Д Ы
Том XXXII

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК 2

Научный редактор — проф. И. Е. БАРЕНБАУМ

ЛЕНИНГРАД
1976

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Е. Я. Зазерский (отв. редактор), *Н. И. Сергеева* (зам. отв. редактора), *М. К. Архипова*, *В. А. Ефимова*, *М. М. Коронен*, *А. И. Новиков*, *Н. Г. Чагина*, *Г. М. Шарпило* (отв. секретарь)

Сборник подготовлен к печати *Л. А. Итигиной*

5/8

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1973 г. вышел первый выпуск сборника «История русского читателя», явившийся результатом работы коллектива авторов (сотрудников ЛГИК им. Н. К. Крупской и ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Сборник вызвал к себе интерес. Появился ряд рецензий и статей о сборнике, опубликованных как в советской прессе, так и за рубежом.* Их авторы, положительно оценивая первый выпуск «Истории русского читателя», высказывали и критические соображения. Была отмечена одновременно важность продолжения начатой работы.

Второй выпуск «Истории русского читателя» продолжает и развивает начатую традицию. Как и первый, он состоит из статей, посвященных различным аспектам изучения читателей дореволюционной России и СССР. Предлагаемые статьи, как и в предыдущем выпуске, имеют своей целью не только проследить историю читателя и чтение определенной социальной среды, но также характер воздействия книги на читателя, на его психологию, мировоззрение, на формирование его общественных, эстетических, профессиональных и иных интересов. Хронологически он охватывает период с начала XIX в. до нашего времени. Соответственно этому статьи сборника размещены в историко-хронологической последовательности.

Открывает сборник статья Ж. О. Комарницкой, характеризующая чтение декабристов, в частности их отношение к французской книге. Впервые эта проблема исследуется столь полно, с привлечением широкого и разнообразного круга источников.

* Добрынина Н. Е. Книга по истории русского читателя. — «Книга. Исследование и материалы». Сб. 31. М., 1975, с. 190—194; Миловидова Н. Разговор о читателе. — «В мире книг», 1976, № 7, с. 73; Осипова И. П. История русского читателя. Вып. 1. Труды ЛГИК им. Н. К. Крупской, 1973, т. 25. 191 с. — «Советское библиотековедение», 1975, № 5, с. 132—133; Свойский М. История читателя. — «Книжное обозрение», 1974, 13 дек. с. 12; Migoń K. Historia russkiego czytatiela (...). — «Studia o książce». Т. 6. Wrocław, 1976, s. 171—175; Пепкова Д. Малкий читатель в-началоть на века. — «Деца искусство книги», 1975, № 3-4, с. 78—79.

Статья И. Е. Баренбаума продолжает изучение читателя-разночинца, начатое еще в предыдущем выпуске. В ней раскрывается круг чтения разночинцев-демократов, место в нем сочинений Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена, нелегальных изданий, произведений Вольной Лондонской типографии.

По своему характеру к ней примыкает статья Б. Т. Уткина, содержащая интересные и свежие наблюдения над «географией» распространения в демократической среде журнала «Современник».

Пролетарскому читателю марксистской литературы 70—80 гг. XIX в. посвятила свое исследование Н. А. Костылева. Статья расширяет наше представление о чтении марксистской книги в России, содержит новые данные и обобщения.

Впервые в нашей книговедческой литературе ставится вопрос о читателе русских средних учебных заведений. Об этом пишет в своей работе Н. Н. Житомирова.

Читателю начала XX в. посвящена статья А. В. Блюма. Написанная на архивных источниках, она раскрывает интересную страницу борьбы за распространение «знаниевской» литературы в среде массового читателя, стремление правительственных сфер регламентировать чтение произведений А. М. Горького и писателей-«знаньевцев».

Таким образом, все статьи, характеризующие читателя дооктябрьской поры, «нацелены» на изучение чтения в демократической среде, позволяют полнее и глубже представить читательскую психологию, восприятие литературы различного содержания и тематики, роль и место книги в формировании общественных интересов читателя.

Читателю советского периода посвящены статьи В. А. Фокеева, И. А. Шомраковой, В. Д. Разовой. Во втором выпуске особое внимание уделено крестьянскому читателю первых лет Советской власти. В статье В. А. Фокеева речь идет об отношении крестьян-читателей к произведениям В. И. Ленина. И. А. Шомракова рассматривает обращенные к крестьянской среде издания Госиздата — ведущего советского издательства 20-х годов.

Как и в предыдущем выпуске, в новом сборнике помещен читательский «портрет». В. Д. Разова пишет в своей статье о С. Я. Маршаке, о роли в его жизни и творчестве книги и чтения, их влияния на формирование личности писателя — выдающегося художника слова.

Таково содержание очередного выпуска «Истории русского читателя».

О важности изучения истории читателя говорят и пишут в последнее время все больше и больше. Читатель в его ретроспекции изучается с разных сторон представителями различных наук. Одно из перспективных направлений — книговедческое изучение читателя, как в настоящем, так и в прошлом, Необ-

ходимость его становится особенно ясна в свете постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». В нем вновь и вновь подчеркивается настоятельная потребность «глубже изучать и полнее удовлетворять запросы читателей». Главную задачу библиотек ЦК КПСС видит и «в более полном использовании огромных книжных богатств для образования и воспитания нового человека, ускорения научно-технического прогресса»*.

Указаниями ЦК КПСС в области библиотечного дела руководствуется и авторский коллектив «Истории русского читателя». В этом направлении продолжаются и его новые поиски.

* «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». Постановление Центрального Комитета КПСС 8 мая 1974 г. — «Справочник партийного работника. Вып. пятнадцатый». М., 1975, с. 351—352.

КОМАРНИЦКАЯ Ж. О.

РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Обзор состояния русской общественно-политической и литературной мысли второй половины XVIII и начала XIX в. говорит о том, что движение декабристов подготавливалось и созревало на протяжении десятилетий. В России кризис феодально-крепостнической системы влек за собой обострение классовой борьбы, рост крестьянских волнений. Передовая часть дворянства стала сознавать, что основной причиной политической, экономической и культурной отсталости России является крепостное право и самодержавие. Поэтому определяющие идейные истоки взглядов декабристов и их деятельности нужно искать в России, но формирование революционной мысли, русского освободительного движения также не может быть понято вне связи с общеевропейским революционным процессом. Огромную роль в росте сознания передового мыслящего русского дворянства, подготовленного событиями российской крепостнической действительности, сыграл опыт французской буржуазной революции 1789 года, значение которой подчеркивал В. И. Ленин, утверждая, «что все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от великой французской революции, все ей обязано»¹. Война 1812 года и заграничные походы русской армии, воспринятые с позиций национальных интересов, обогащали политический опыт передовой русской молодежи, будили критическую мысль и явились одним из источников развития передовых идей в России. «Когда пробил последний час пребывания во Франции, — записывал позднее в своем дневнике декабрист А. Е. Розен, — то цвет офицеров Гвардейского корпуса вернулся домой с намерением пересадить Францию в Россию»².

Для декабристского поколения из всех национальных культур Запада самой близкой продолжает быть французская, оказавшая глубокое и длительное воздействие на все стороны русской жизни. Блестящее знание французского языка, знакомство

с культурой, искусством, литературой Франции, поездки за границу, личные, интеллектуальные, родственные контакты — все это, конечно, способствовало тесным связям с жизнью этой страны.

В показаниях декабристов следственной комиссии, в их мемуарах и письмах имеется множество указаний о том, какое влияние имело на них чтение. На чтение, особенно на чтение французской литературы, как на одну из важных причин, обусловивших «вольномыслие» членов тайных обществ, указывает известный историк декабризма В. И. Семевский³, глубоко освещая этот вопрос.

На седьмой «вопросный пункт» следственной комиссии, который задавался всем участникам восстания на Сенатской площади: «С какого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно...», К. Ф. Рылеев отвечал: «Свободомыслием заразился я во время походов во Францию в 1814 и 1815 годах; потом оно постепенно возрастало во мне от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие»⁴.

М. П. Бестужев-Рюмин на этот вопрос отвечает: «Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера»⁵.

Показания декабриста поручика Н. А. Панова: «Время начала свободным мыслям я не могу наверное назначить. Основание же им я получил от чтения книг о Революциях»⁶.

Пространно отвечая на этот вопрос, декабрист Н. А. Крюков называет имена авторов, которые «обогатили» его «ум познаниями философическими и политическими»⁷. Среди них Монтескье, Лакретель, Детю де Траси, Гельвеций, Гольбах и другие.

И. В. Поджио в своем ответе указывал на то, что он «наиболее прилежал к литературе французской» и «первые вольнодумческие и либеральные мысли заимствовал не по внушению других, а собственно от чтения книг и журнала «Constitutionnel»⁸.

Об увлечении французскими газетами и журналами и об осведомленности передовых русских людей в вопросах текущей французской политики говорили в своих показаниях многие декабристы: С. Г. Краснокутский, А. В. Поджио, который «следовал всем прениям палаты депутатов во Франции и всем суждениям издателей «Constitutionnel»⁹, В. Л. Давыдов, который «черпал либеральные мысли... в политических французских журналах»¹⁰, и многие другие.

Регулярное чтение французских газет и журналов, детальное знакомство со всеми нюансами политической жизни Франции — характерный признак передового русского человека в течение всего периода накануне 14-го декабря. Несомненно, русско-французские связи были «наиболее продуктивными журнальными связями этого периода»¹¹. В книге «Россия

и русские», вышедшей в 1847 году, декабрист Н. И. Тургенев, заочно осужденный царским правительством на смертную казнь, вспоминает: «Периодическая печать также участвовала в этом движении умов. Предметы, до сих пор остававшиеся недоступными для публичного обсуждения, разбирались в серьезных сочинениях. Пресса больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах, и особенно во Франции, где производился опыт введения новых учреждений. Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как у себя на родине, и русские офицеры... сроднились с именами Бенжамена Констана и некоторых других ораторов и писателей, которые как будто предприняли политическое воспитание европейского континента»¹².

Идейные связи декабристов и всего их круга с Западом начали складываться задолго до войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Передовые деятели французской либеральной оппозиции были преемниками и продолжателями дела просветителей, энциклопедистов XVIII века. Литература французского просвещения — подготовительного этапа Французской революции сыграла огромную роль в оформлении идеологии декабризма.

Произведения французских просветителей наводняли Россию последних десятилетий XVIII в., просветительская литература становилась законодательницей общественного мнения. В этот период из каждых четырех человек, читающих иностранную литературу, трое читали французские книги, и не было ни одного сколько-нибудь значительного произведения французских просветителей, которое в подлиннике не встречалось бы на книжных рынках России¹³. Объявления в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях говорят о том, что русское дворянство знакоилось со всеми сочинениями энциклопедистов в подлиннике.

Конец царствования Екатерины II и правление Павла I ознаменовались гонениями на литературу французского просвещения. Екатерина II запретила Энциклопедию, несмотря на то, что принимала у себя Дидро, книги которого теперь «покрывались плесенью на чердаках Эрмитажа...»¹⁴. Издание перевода полного собрания сочинений Вольтера, предпринятое Рахманиновым, было арестовано и конфисковано. Жан-Жака Руссо тоже не пощадили.

Крайне радикальные идеи равенства Руссо были страшны для Екатерины II. В своем послании Академии наук еще в 1763 г. она писала: «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона и доброго нрава направлены и которые во всем свете запрещены, как, например, «Эмил» Руссо. Приказываю накрепчайшим образом смотреть, дабы в книжной лавке Академии наук такие непорядки не происходили»¹⁵.

В борьбе с «заразой» французской революции русская императрица обрушивает на Россию гнет цензурно-полицейского произвола¹⁶. Павел I продолжает поход против всего французского, которое является для него символом «якобинского». Книги из революционной Франции для него — «мерзкие сочинения, коих развращение умов есть целью».

В пограничных таможнях и при портах установлена цензура для проверки сочинений, поступающих из-за границы. Специальные цензурные управления, созданные при Рижском и Одесском портах и Радзивилловской таможне, имели строгий приказ распечатывать всю ввозимую иностранную литературу и сжигать на месте все, что казалось неблагонадежным¹⁷. Для усиления контроля над книготорговлей со всех книгопродавцов была взята подписка о том, что они будут представлять списки всех поступающих в их адрес иностранных книг и тюки этих книг будут распечатывать по их прибытию только в присутствии представителя полиции¹⁸.

Но преследования не давали желаемого результата. Общественные образованные слои русского общества с Францией никогда не прекращались, и последняя треть XVIII в. в России была ознаменована значительным влиянием французской литературы. На полках книжных лавок Клостермана, Ридигера, Эверса, Куртене, братьев Ге, торговавших в Петербурге и Москве, можно было купить почти все издания, печатающиеся в Париже.

«В Москве Лаво и Куртене могут снабдить книжными новинками, даже запрещенными цензурой; у каждого дворянина, даже если он имеет только 500 рублей дохода, вы можете позаимствовать французских классиков; а у некоторых магнатов вы смогли бы встретить редкую книгу, которой больше не найдете нигде, даже в Париже»¹⁹, — сообщает Эмиль Оман в своей книге «Французская культура в России (1700—1900)», опубликованной в Париже в 1910 г. В мае 1792 г. главнокомандующий города Москвы князь Прозоровский писал Екатерине II: «Осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, всеподданнейше просить вашего величества, чтобы повелеть изволили положить границы книготорговцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобные сему книги вывозить, а паче из расстроенной ныне Франции, служащие только к заблуждению и разврату людей, не основанных на правилах чести. Я хотя все меры к сему взял, но довольно способов не достает совершенно сие удержать, паче потому что... таковые книги продают скрытно... и без ошибки сказать, всемилостивейшая государыня, можно, что все, какие только во Франции печатаются книги, здесь скрытно купить можно»²⁰.

В первый относительно либеральный период «дней Александровых прекрасного начала» французские культурные и литературные влияния хлынули широкой волной. Произведения

французских просветителей начали было выходить из-под запрета. В 1802 г. появилось в переводе трехтомное собрание сочинений Вольтера. Но уже в сентябре 1805 г. был высочайше утвержден доклад князя А. Чарторыйского, в котором тот писал: «Поверхность, какую приобретает французское правительство над общенародным мнением, употребляя газеты и разные периодические сочинения к распространению зловердных правил своих, побуждает меня представить вашему императорскому величеству о необходимости учредить секретную цензуру, посредством которой... таковые сочинения не могли бы свободно проникать внутрь России»²¹.

В своих письмах из крепости декабрист П. Г. Каховский, трезво и вдумчиво оценивая обстановку в стране накануне восстания на Сенатской площади, духовные устремления передовой части русского общества и действия правительства, стремящегося задушить всякое проявление свободной мысли, пишет Николаю I: «Не гремит оружие, но умы действуют. Народы не пошатнулись, твердо идут вперед к просвещению, несмотря на все заклепы, жажда сведений распространяется и находит источник к утолению. Строгая цензура со всеми способами полиции и таможи никак и нигде не может остановить ни ввоза книг, ни внутренних сочинений. И стоит только какое сочинение запретить, то оно делается для всех интересным и даже писанное разоидется по рукам. Во Франции запретится книга — и в самом скором времени в России она явится»²².

Цензура не могла служить препятствием к проникновению в Россию крамольной литературы, и для образованной части русского дворянства характерно знакомство с французской литературой в подлинниках.

Декабристское поколение воспитывалось на книгах просветителей XVIII в., имея возможность брать их с полок библиотек своих отцов, также переживших это увлечение великими французами. С особым вниманием читались и изучались произведения Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Рейналя, Мабли и других философов и писателей Франции. Знание сочинений французских просветителей было одним из условий приема в члены Общества соединенных славян²³.

Глубокое и длительное влияние на развитие русской передовой мысли и культуры оказало творчество Жан-Жака Руссо, идеи которого живо откликались на вопросы, выдвинутые суровой самодержавной действительностью. Социально-политические выводы «Общественного договора» имели в России революционное влияние на передовую дворянскую молодежь начала XIX века²⁴.

А. Н. Муравьев на следствии показал, что вольнодумчество свое заимствовал от чтения «разных политических книг», среди которых назвал и «Contrat social de J.-J. Rousseau»²⁵.

В. Ф. Раевский сообщал: «...Contrat social Руссо я вытердил как азбуку»²⁶. Он же, не без влияния «Эмиля» Руссо, стремился при воспитании детей избегать всякой изнеженности. Для декабристов «Эмиль» стоял рядом с «Общественным договором» по своему значению и выводам, эта книга «питала душу и размышление»²⁷, — подтверждает Н. И. Тургенев. Настольной книгой дворянских революционеров была и «Новая Элоиза», прочитанная ими, конечно, впервые на грани детского и юношеского возраста, но перечитывавшаяся по многу раз в различные периоды жизни «с сердечным наслаждением»²⁸. О необыкновенной силе воздействия этой книги на читателя говорят записи в дневнике Николая Тургенева²⁹ и старшего его брата Андрея³⁰.

Несмотря на то, что социально-политические выводы и революционный пафос произведений Руссо постоянно привлекали к себе декабристов, некоторые из них считали, в применении к современной им политической обстановке, наивными идеи этого «независимого чудака»³¹. Более восторженное отношение к философии Руссо характерно для деятелей декабристского Юга³². Для А. С. Пушкина, идейно тесно связанного с южными декабристами, «Руссо — Апостол наших прав»³³.

К мыслителям, оказавшим значительное влияние на мировоззрение декабристов, необходимо отнести Монтескье, Дидро, Гельвеция, Гольбаха и некоторых других. Но необходимой принадлежностью и украшением каждой библиотеки был Вольтер. Он глубоко владел умами русских читателей³⁴. В Москве и Петербурге издавалось большим по тем временам тиражом почти все, что выходило из-под пера французского философа. Его произведения выдерживали по множеству изданий³⁵ и печатались не только в столицах, но и в Смоленске, Владимире, Орле³⁶ и других городах.

Среди переводчиков Вольтера были Княжнин, Майков, Тредьяковский, разночинцы С. Башилов и И. Виноградов, крепостной графа Шереметева Никитенко-Черевик и другие. Значение переводов произведений Вольтера для передового русского читателя было чрезвычайно велико, на их читательское воздействие указывал близкий к декабристам поэт К. Н. Батюшков: «Не должно из виду упускать, ... какое действие имели переводы романов Вольтера»³⁷.

В обширной преобразовательной программе Вольтера передовое русское дворянство видело оружие, которое оно могло применить в своей борьбе. Просветительские идеи французского философа попали в России на благоприятную почву и были быстрее других восприняты декабристами и их предшественниками.

Выписки из сочинений Вольтера встречаются в записной книжке П. И. Пестеля, который советовал своим товарищам изучать французского философа, так как без этого нельзя быть

полезным «ни себе, ни обществу, ни отечеству»³⁸. В стихотворении К. Ф. Рылеева «Пустыня» имеются указания на чтение произведений Вольтера. И. И. Борисов, организатор и идейный вдохновитель Общества соединенных славян, по свидетельству декабриста И. И. Горбачевского, «...научившись в один год французскому языку так, что мог всякую книгу легко переводить, давал нам читать свои переводы из Вольтера и Гельвеция некоторые статьи»³⁹. В записной книжке декабриста Н. А. Крюкова, дошедшей до нас в следственных делах, имеются выписки из сочинений Вольтера, Дидро, Гельвеция.

Книги Вольтера находились на полках богатых библиотек декабристов Ф. Шаховского, Н. Муравьева, Г. Батенькова, братьев Бестужевых, отец которых, старый вольтерьянец екатерининских времен, наблюдая за жадным, быстрым чтением «прилежного Саши», вынужден был, по свидетельству М. А. Бестужева, «отнимать у него на время ключи от шкафов и осуждал его на невольный отдых»⁴⁰. Для «прилежного Саши», будущего декабриста А. А. Бестужева, Вольтер навсегда остался «трибуном своего века, представителем своего народа»⁴¹.

Каталог библиотеки П. А. Вяземского, найденный в бумагах Остафьевского архива, красноречиво свидетельствует о том, как богато было представлено творчество Вольтера в этом собрании⁴². Несомненно, чтение произведений великого француза сыграло большую роль в развитии мировоззрения «декабриста без декабря»⁴³. О блестящем знании произведений Вольтера говорят и записные книжки Вяземского, значительная часть которых посвящена фернейскому патриарху, многочисленные цитаты и выписки, переписка с А. И. Тургеневым. Взгляды Вяземского на Вольтера с течением времени претерпевали изменения в связи с отходом от революционных позиций первой четверти века, но интерес к французскому философу оставался неизменным.

Большое влияние на мировоззрение декабристов имели антиклерикальные воззрения Вольтера. Под их влиянием декабрист А. П. Беляев становится атеистом⁴⁴. В письме А. А. Елагину, с которым декабрист Г. С. Батеньков сдружился еще во время походов русской армии за границу, он пишет: «Вольтер давно уже открыл целому свету, что беззакония, происки, коварство, властолюбие и все ужасные грехи были свойством особ духовных; архиереи всегда грешили более простых попов, а попы более каждого из овец духовных»⁴⁵.

В бумагах декабриста А. П. Барятинского, принадлежавшего, по свидетельству Беляева, к «систематически ярым материалистам»⁴⁶, было обнаружено стихотворение «О боге» — своеобразная полемика с Вольтером, говорящая о превосходстве точки зрения дворянского революционера, стоявшего на позициях атеизма. В то время как Вольтер говорит, что «если бы бог не существовал, его бы следовало выдумать», декабрист

утверждает, что бога необходимо отвергнуть, даже если бы он существовал.

Еще более чем борьба с церковью и религиозным мракобесием, декабристов привлекало в творчестве французского философа признание человеческого разума критерием общественной жизни человека, острый критицизм, боевой революционный дух, сокрушительная сила идей. Н. И. Тургенев утверждал, что «Вольтер и Руссо были причинами Французской революции. Это быть очень может. Я заметил из сочинений Вольтера, что он много по крайней мере способствовал к сему»⁴⁷.

Литература французского просвещения представляла собой громадную политическую силу, покоряющую власть которой испытали на себе все декабристы. Продолжавшая и развивавшая основные тенденции, основные идеи и темы просветительского искусства, литература Французской революции была хорошо знакома декабристам. Красной нитью через нее проходит антифеодальная направленность, враждебность политической системе абсолютизма, религиозным предрассудкам.

Продолжая просветительские идеи, революционно-плебейская литература Французской революции обнаружила в своем методе и реалистические тенденции, являясь в то же время своеобразным прологом к прогрессивным литературам XIX века.

Колоссальное идейное значение для политической программы Общества соединенных славян имели сочинения крупнейшего поэта революции Сильвена Марешаля, активного участника «заговора равных». Шеститомный труд Марешаля «Путешествие Пифагора» выходил в переводе на русский язык в 1804—1810 годах и был широко известен образованному дворянскому читателю. Подобрал 325 выдержек и сентенций из этого сочинения, В. С. Сопиков выпустил в 1808 г. «Пифагоровы законы и нравственные правила». (Перевод с французского В. Сопикова. СПб., 1808). В форме высказываний древних авторов в брошюре Сопикова подвергалась резкой критике самодержавно-крепостническая действительность России во всех ее проявлениях.

«Пифагоровы законы и нравственные правила» были положены в основание устава «Общества первого согласия», выросшего через пять лет в Общество соединенных славян⁴⁸. Демократические взгляды Марешаля имели огромное значение для политического воспитания членов этого тайного общества. Знание произведений Марешаля было одним из условий приема в члены Общества.

Иным было отношение к взглядам революционно-плебейского поэта умеренного крыла Северного общества. Декабрист В. И. Штейнгель в письме из крепости к Николаю I, характеризуя важную роль книг о государственном переустройстве в политическом воспитании дворянских революционеров, противопоставляет произведения просветителей и французских ли-

беральных писателей сочинению Марешаля, как «непосредственно развивающему другие понятия и развращающему нравы»⁴⁹.

Но, независимо от степени революционности взглядов декабристов, «Пифагоровы законы» были хорошо известны им и имелись в личных библиотеках. В каталоге библиотеки Ф. П. Толстого указаны все шесть томов «Путешествий Пифагора»⁵⁰, а также «Пифагоровы законы и нравственные правила» В. С. Сопикова, оказавшие, несомненно, влияние на формирование его политических взглядов.

Воспитанные на великих образцах просветительской и революционной литературы, члены тайных обществ прекрасно знакомы с расстановкой социальных и литературных сил во Франции в первой трети XIX века. Это один из наиболее сложных периодов французской истории. В условиях постоянно меняющейся социально-политической ситуации происходит зарождение и постепенное становление романтизма как особого литературного направления. Французский романтизм, отражая в своем идейном содержании борьбу основных социальных сил эпохи, распадается на два различных течения — реакционное и прогрессивное. Реакционно-аристократический романтизм, возникающий в конце XVIII в., оформляется в развернутое и довольно мощное направление в первые 10 лет реставрации Бурбонов, выдвигая в качестве своих лидеров Шатобриана, Ламартина, Виньи. Самым ярким по своему таланту среди консервативных романтиков был Шатобриан, но его слава в России была недолговечной, он не вызывал симпатий у декабристов своей проповедью католицизма и призывами к реставрации. «Конечно, Шатобриан — красноречивейший из французских писателей нынешнего времени, — писал П. А. Вяземский. А. И. Тургеневу, — но голос его не убеждает, потому что он совестью не управляет, или совестью, но не чистою, а отуманенною предрассудками или чадом озлобленного самолюбия... Он и братья так восстают против полезнейших и священнейших завоеваний нашего века; что усилия их благие против оных злоупотреблений издыхают в их бешеных судорогах... Впрочем нет худа без добра; торжество никогда на их стороне не будет»⁵¹. Делая в своем дневнике извлечения из 1-го и 2-го томов контрреволюционного трактата Шатобриана «Исторический, политический и нравственный опыт в революциях», Н. И. Тургенев убеждается в том, что французский писатель «заключает свои рассуждения о революции вздором»⁵².

В начале XIX в. тема о Шатобриане была довольно популярной в России. «Вестник Европы» часто рекомендует читателям его произведения, романы переводятся на русский язык. Судя по смирдинской росписи и по данным В. Сопикова, «Атала» переводится трижды за 1801—1803 гг., «Рене» издается не только в столице, но и в провинции⁵³.

Но по мере роста подпольного революционного движения в России популярность Шатобриана быстро падала. Его «Гений христианства», апология католицизма, направлен против идейного наследия просвещения. Призыв к смирению человеческого разума, к отказу от борьбы вызывал резкий отпор со стороны декабристов.

Познакомившийся с ним в Париже в 1814 г., С. Г. Волконский описывает впоследствии впечатление от личного знакомства с Шатобрианом и свои читательские впечатления: «Конечно, следует отдать должную дань дару слова его, но этот дар слова, в то время приправленный изысканностью, а не убеждением, имел своим предметом защищать тогда начала вовсе мне не симпатичные, не современные, уже пораженные временем и общими убеждениями, пахнувшими так сильно обветшалостью, что я не мог понять, как такой умный человек мог стать защитником оных»⁵⁴.

Читательскую известность Альфонса де Ламартина, творчество которого являлось наиболее последовательным воплощением эстетических положений реакционных романтиков, подтверждает высказывание П. А. Вяземского: «Ламартин из новейших поэтов французских более других знаком читателям нашим»⁵⁵. На заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, одного из литературных отделений Союза Благоденствия, члены его в 1822 г. знакомились с переводами из Ламартина⁵⁶. Но религиозные мотивы, воспевание католической церкви и проходящая лейтмотивом мысль о тленности всего сущего не могли внушить симпатий декабристам. «Я никогда не любил Ламартина, — вспоминает в ссылке М. И. Муравьев-Апостол, — так как он вызывает безнадежность, как и нетерпимость»⁵⁷.

Что касается наводнившей книжный рынок своими безвкусицейми слащавыми сентенциями мадам Жанлис, то ее нападки на просветителей и ненависть к французской революции получали уничтожающие отзывы со стороны декабристских журналов. Пушкин относил ее к разряду «бездарных писак» и такой же презрительной иронией дышит высказывание В. К. Кюхельбекера о ней в письме к племяннице Ю. Г. Глинке: «Madame de Genlis препотенная старушка, но смею думать, что в ином случае каждая из вас умнее ее»⁵⁸.

Прогрессивное течение в романтизме, идейно продолжая литературу просветителей, идет к подъему в 20-х годах XIX века. Творчество Нодье, Сенанкура и особенно Жермены де Сталь и Бенжамена Констаны вызывало постоянный и неослабевающий интерес со стороны дворянских революционеров. Декабристам близки произведения прогрессивных французских романтиков, посвященные критике современных государственных систем. Для участников декабрьского восстания и лиц, близких к ним, характерна связь с политической мыслью либеральной

оппозиции. Их привлекает своеобразная фигура французского романтизма первых лет XIX века — фигура Шарля Нодье, уничтожающая критика современного состояния французского общества и мечты об идеальном, гармоническом общественном строе в его самом значительном произведении «Жан Сбогар». Афоризмы, заполняющие записную книжку Жана Сбогара, этого «благородного разбойника», мстящего обществу за несправедливость, были в духе передовой дворянской русской молодежи.

Заметки о чтении «Жана Сбогара» имеются в дневнике Н. И. Тургенева⁵⁹. П. А. Вяземский, прочитав в октябре 1818 г. этот роман, опубликованный без имени автора, восторгается его главным героем: «Есть ли у вас «Jean Sbogar», новый роман и не русским ли он сочинен? Тут есть характер разительный, а последние две или три главы — ужаснейшей и величайшей красоты. Я, который не охотник до романов, проглотил его разом»⁶⁰.

Пылкие социальные и философские мечты героя Нодье были близки членам тайных обществ, мечтающим об общественных переменах, но искусственность этого образа, разбойничий сюжет на фоне революционных теорий, непонимание автором дальнейших путей развития главного образа — все это, конечно, отмечалось декабристской критикой. Для А. И. Тургенева Жан Сбогар — это «Шиллеров Карл Моор, переодетый madame Krudener или тем, кто хотел подражать ей, прежде ее возрождения»⁶¹.

Отход Нодье в середине 20-х годов с позиций прогрессивного романтизма был воспринят декабристской критикой как естественное продолжение и развитие некоторых его социально-политических воззрений, весьма пессимистических. Критическое чутье А. А. Бестужева помогло ему с самого начала предугадать поворот в творчестве Нодье: «В Нодье я сроду ничего не находил и не постигаю дешевизны похвал французской публики...»⁶². О «ложной системе» французского писателя говорит в 30-х годах и А. И. Тургенев⁶³.

Влияние в России Бенжамена Констана, главного теоретика либеральной партии эпохи Реставрации, было чрезвычайно велико. В показаниях многих декабристов имя его звучит как имя одного из идейных учителей. Его политические статьи и высказывания были известны большей части декабристов, о его влиянии говорят показания Рылеева, Бестужева-Рюмина, Оболенского, Митькова и других. Во время следствия высочайше утвержденная Комиссия старается выведать, не имели ли французские публицисты и, в частности, Бенжамен Констан отношения к составлению русской конституции и не возил ли Трубецкой в Париж проект Конституции ему на отзыв⁶⁴.

С. Г. Волконский, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Кривцов, Н. М. Муравьев были лично знакомы с Констаном. Лидер французской либеральной оппозиции помогал Кюхельбекеру

организовать в парижском «Атене» лекции о русской литературе и языке, вызвавшие гнев царского правительства. С. Г. Волконский в своих записках рассказал о впечатлениях от встречи в Париже в салоне мадам де Сталь с Констаном, этим «великим оратором, великим мыслителем»⁶⁵. На Н. М. Муравьева, постоянно встречавшегося в Париже с Констаном, большое влияние оказала его работа «О сущности захвата и узурпации власти»⁶⁶. Часто виделся и беседовал с Констаном, Гизо и другими видными либералами и С. И. Тургенев⁶⁷. А. И. Тургенев был с Констаном в дружеских отношениях и имел возможность одним из первых получать в дар от французского писателя его политические сочинения. Он провожал Констанана в последний путь 12 декабря 1830 г.

Влияние политических брошюр Констанана, в которых он обосновывал необходимость парламентарной системы и ратовал за народное представительство, было весьма значительным для развития мировоззрения русских дворянских революционеров. Увлеченный идеями теоретика французского либерализма, М. Ф. Орлов писал П. А. Вяземскому 28 февраля 1820 г.: «В кого влюблен? В представительное правление, во все благородные мысли, во всех благородных людей... живу с Бенжаменом Констаном, с Бентамом и прочими писателями сего рода»⁶⁸.

В целях политического воспитания членов тайных обществ Н. И. Тургенев использовал «...только что появившиеся «Комментарии к Filangieri», издание которых предпринял Бенжамен Констан. Первый том этого сочинения раздобыли во многих экземплярах и некоторые из молодых членов общества читали и изучали его очень усердно»⁶⁹.

Роман Констанана «Адольф» появился в русском переводе в 1818 г. под названием «Адольф и Елеонора, или опасность любовных связей. Истинное происшествие». Второй перевод вышел в «Московском телеграфе» в 1831 г., а в июне того же года появился в продаже и перевод Вяземского, который долго не пропускаться цензурой.

Будущие декабристы читали «Адольфа» во французском оригинале. Выписки из романа в дневнике Н. И. Тургенева датированы февралем 1817 г., до появления русского перевода⁷⁰. Указания на живое удовольствие от чтения «Адольфа» имеются в бумагах И. И. Пущина⁷¹. Высокую оценку произведению и его русскому переводу дал А. С. Пушкин⁷². В каземате Свеаборгской крепости читает роман В. К. Кюхельбекер, записывая 4 апреля 1834 г. в дневник: «...в этой повести богатый запас мыслей, много познания сердца человеческого, много тонкого, сильного, даже глубокого в частностях... В отдельных мыслях и замечаниях, которые выпишу, заметно что-то Сталевское; в них видно, как много необыкновенная женщина, бывшая для белоккурого Бенжамена чем-то вроде Адольфовою Елеоноры,

споспешествовала обогащению его познаниями, идеями, наблюдениями и опытами, подчас стать может, довольно горькими»⁷³.

Эта действительно необыкновенная женщина — Жермена де Сталь, автор многочисленных произведений, общественный деятель, философ, страстный борец за свободу сыграла большую роль в оформлении мировоззрения декабристов.

Декабрист Н. В. Басаргин в своих показаниях следственной комиссии из авторов прочитанных им и оказавших на него огромное влияние политических книг первой назвал мадам де Сталь. За несколько дней до восстания на Сенатской площади декабрист Г. С. Батеньков изучал ее книгу «Взгляд на главные события Французской революции»⁷⁴.

Эта книга была особенно близка декабристам, которые читали ее несмотря на строгий цензурный запрет. Их привлекало безусловное осуждение «старого порядка» и убежденность автора в том, что революция не случайное событие, что она справедлива и неизбежна. Н. И. Тургенев, заметив эту, только что вышедшую книгу на столе в квартире И. И. Пущина, предложил ему написать статью о своих впечатлениях. Сам он изучает ее как кропотливый исследователь, заносая мысли по поводу прочитанного в дневник: «...читаю теперь М-тё де Сталь. Она живо представляет ненависть деспотизма и прелесть свободы и просвещения... Главная же черта, отличающая эту книгу от многих сего рода, есть: постоянная и пылкая любовь к свободе, любовь и уважение к человечеству»⁷⁵. Именно эти особенности работы французской писательницы сделали ее настольной книгой всего декабристского круга⁷⁶.

Романы Сталь — «Дельфина» и «Коринна» были восторженно встречены российской публикой. Н. М. Карамзин в «Вестнике Европы» назвал «Дельфину» «чрезвычайным явлением европейской литературы». Вышедший в русском переводе в 1803 г., этот роман, восстававший против духовного рабства, пользовался в России колоссальным успехом⁷⁷. В дневнике Н. И. Тургенева имеется указание о том, что и в «Сибири читают «Дельфину» в русском переводе»⁷⁸. Но, очевидно, будущими декабристами роман читался в оригинале, как и «Коринна», появившаяся в русском переводе в 1809—1810 гг. и служившая для многих русских «своеобразным посредником в знакомстве с итальянской культурой»⁷⁹.

Пробыв три месяца в России в тяжелый для народа период войны 1812 года, Жермена де Сталь стала свидетельницей мужественной борьбы русского народа с захватчиками и изложила позднее впечатления от посещения страны в книге «Десятилетнее изгнание», вышедшей посмертно в 1821 г. Книга была запрещена в России, но разными путями она попадала к дворянским революционерам, и они читали ее в подлиннике.

Несомненно, всему декабристскому кругу были близки высказывания писательницы о деспотическом правлении: «Когда

государь имеет неограниченное право высылать, заключать в тюрьму, ссылать в Сибирь и т. д., его могущество становится непосильным для человека»⁸⁰. Идя еще дальше в своих выводах, Сталь восклицает: «До чего дошла бы страна, управляемая деспотом, если бы тирану помимо всех законов не угрожал кинжал»⁸¹. У декабристов их «умышление на царубийство» находило еще одно подтверждение в книге Сталь. Известный советский литературовед Б. В. Томашевский считает, что не без влияния произведений Жермены де Сталь Пушкин написал стихотворение «Кинжал»⁸².

Одной из характерных черт декабризма являлось преклонение перед Новгородской «вечевой» республикой. Эта тема была символом борьбы против самодержавия. Через Новгород по пути из Москвы в Петербург проезжала Жермена де Сталь. «Этот город, — пишет она в «Десятилетнем изгнании», — шестьсот лет тому назад был республикой. . . , которая на протяжении многих веков сохраняла свой гордый дух республиканской независимости. Привычно думать, что свобода провозглашена в Европе в последнее столетие; мне же кажется, что оно принесло нам не свободу, а деспотизм»⁸³. Этот вывод привлекает внимание декабриста М. А. Фон-Визина, который опирается на него в своих исторических исследованиях: «Г-жа Сталь сказала где-то, — пишет он, — что в жизни народов свободе во всех ее видах (политической, гражданской, личной) неоспоримо принадлежит законное право давности перед самовластием (*C'est le despotisme qui est nouveau et la liberté qui est ancienne*). Эта мысль гениальной писательницы верна относительно Европейского человечества и подтверждается древнею и даже среднею историей России, которая только в новейшие времена (с Петра Великого) стала классическою почвою для самодержавия»⁸⁴.

Но не только политические высказывания французской писательницы близки декабристам, их интересовали ее взгляды на литературу и искусство. Побывав в России, Сталь встречалась с литераторами, бывала в театре. Посмотрев трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской», она утверждала, что пьеса написана в соответствии с правилами французской драматургии: «Все — французское; единственная черта, находящаяся в связи с русскими нравами, это — глубокий страх молодой девушки перед проклятием своего отца»⁸⁵. Жермена де Сталь считала, что русские не должны подражать чужим образцам, а черпать литературные образы только в глубинах своей души. Для развития самобытной литературы нужно отказаться от подражательства. Это был и один из важнейших тезисов декабристов. За самобытность русской литературы боролся в своих критических статьях А. А. Бестужев: «Слишком много пострадала от французской словесности наша русская оригинальность и слишком много слепок парижского мира завелось в России»⁸⁶. Через год после выхода «Десятилетнего изгнания» о трагедии Озе-

рова «Дмитрий Донской» пишет в «Письме к издателю «Сына Отечества»⁸⁷ П. А. Катенин, тесно связанный с будущими декабристами, автор гимна, призывающего к свержению «трона и царей». В его высказываниях по поводу трагедии звучит та же мысль, что и у Сталь. Катенин упрекает Озерова в «подражании французам, особливо Вольтеру... разговор, совершенно перенятый у французов, стихи александрийские...»⁸⁸. На эту же тему П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «...отыщи мою статью об Озерове: мне ее хочется дополнить. Я и то, кажется, в ней нападаю на французский покров нашего драматического искусства; теперь хочу разорвать на клочки французские фижмы нашей Мельпомены»⁸⁹.

Кроме огромного значения своих прямых непосредственных контактов с Россией, французская литература имела еще одну немалую заслугу — являться посредницей между русской и европейской литературами. Через французскую литературу приходят к декабристам произведения английских, немецких, испанских и других писателей.

По смирдинской росписи и по указателю переводных произведений⁹⁰ можно проследить за наплывом в первой четверти XIX в. произведений английских писателей во французских переводах. Сочинения Байрона, Фильдинга, Шекспира, Ричардсона, «Чувственное путешествие во Францию» Стерна появлялись в России на французском языке или в переводах с французского. Роль Франции в ознакомлении русского читателя с книгами Вальтер Скотта огромна, до 1830-х годов его переводят на русский язык почти всегда с французского⁹¹. А. А. Бестужев в одной из критических статей упоминает о том, что «появилось также несколько переводов романов Вальтер Скотта, но ни один прямо с подлинника и редкие прямо по-русски»⁹².

Декабрист Н. В. Басаргин сумел через своего сторожа в Петропавловской крепости абонироваться в «книжном французском магазине и брал оттуда книги»⁹³. В каземате он прочел «все романы того времени, Вальтер Скотта, Купера и тогдашних известных писателей»⁹⁴ по-французски. В своих записках декабрист А. П. Беляев вспоминает: «Часто приносили нам книги. Мы прочли многие романы Вальтер Скотта и Купера по-французски»⁹⁵. Для М. И. Муравьева-Апостола, находящегося после ареста в форте «Слава» подлинным счастьем оказалась французская рукопись последней части байроновского «Чайльд-Гарольда». А Г. С. Батеньков летом 1825 г. прочитал «лорда Байрона во французском переводе от доски до доски»⁹⁶. У него же в библиотеке имелось сочинение Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди» на французском языке⁹⁷.

Когда в России начинается увлечение Шекспиром, известные переводчики Вронченко и Ротчев переводят его с Дюси, а затем в переводе Летурнера ищут «подлинного» Шекспира. Гораздо позднее, в 1838 г. в Париже А. И. Тургенев слушает «францу-

женного Шекспира»⁹⁸ в переводе Дешана и Альфреда де Виньи. «Перевод хорош, — сообщает он П. А. Вяземскому, — если бы Шекспир был француз»⁹⁹.

Настольными книгами декабристов были французские политические и философские сочинения и «те иностранные политические сочинения, которые усваивались французами»¹⁰⁰. В 1802 г. во Франции вышло «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита в прекрасном переводе и с примечаниями Гарнье. Учение английского экономиста, попадавшее к декабристам в переводе Гарнье, имело на них большое влияние¹⁰¹. «Сегодня, читая Garnier, — записывал в дневнике Н. И. Тургенев, — почувствовал я какую-то большую охоту читать книги... Хочется теперь все более и более узнавать — и теперь, кажется, я только начинаю чувствовать цену ученья»¹⁰². Книги другого известного политэконома Англии Иеремии Бентама попадали к декабристам частью в переводе, частью в изложении Дюмона¹⁰³. Выписки из Бентама на французском языке нашли в захваченных при аресте бумагах декабриста Н. А. Крюкова.

Знакомство с произведениями испанских писателей — Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона — в России происходит также опосредованно. Великий роман Сервантеса переводился на русский язык с французских переводов и переделок по крайней мере четыре раза¹⁰⁴. В 1815 г. он был переведен В. А. Жуковским с «французского» флорьянова перевода». Наличие такого перевода характерно для декабристских собраний. В каталоге библиотеки декабриста Ф. П. Толстого имелись шесть томов этого сочинения¹⁰⁵.

С умственной и культурной жизнью Германии декабристы также знакомились через посредство французской литературы. Если М. И. Муравьев-Апостол, бывший студент Геттингенского университета, прочел Шлегеля в подлиннике, то П. А. Вяземский может изучать его только по-французски. Он просит А. И. Тургенева прислать ему французский перевод сочинений Шлегеля в 3-х томах¹⁰⁶.

В 1813 г. вышла книга Жермены де Сталь «О Германии», в которой философски осмысливались идеи и произведения писателей и философов этой страны, нравы, обычаи, национальный дух. В 1814 г. с этой книгой знакомится будучи за границей Н. И. Тургенев. Его внимание привлекает то место в разборе Жерменой де Сталь трагедии Шиллера «Дон Карлос», где маркиз Поза просит Елизавету напомнить Дону Карлосу, когда он достигнет зрелого возраста, о планах, которые они вместе составляли, так как нужно уважать мечты юности. Тургенев говорит, что «дорого заплатил бы, если б кто-нибудь с добрым намерением показал этот пассаж императору»¹⁰⁷, напомнив ему о его давно забытых либеральных обещаниях.

В журнале «Вестник Европы» на протяжении 1814—1816 гг. печатались довольно обширные фрагменты из «Германии», и с ней могли ознакомиться в русском переводе широкие круги читателей. В III части декабристского альманаха «Мнемозина» за 1824 г. его издатели В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский напечатали отрывки, посвященные крупнейшим немецким философам.

Выписки из «Германии» найдены в бумагах декабриста Н. А. Крюкова, а А. А. Бестужев в одной из статей восклицает: «Но забудем ли, что мадам Сталь первая ввела в гостиную Франции германскую музу»¹⁰⁸. А. С. Пушкин имел в виду именно эту книгу мадам де Сталь, когда писал в одном из вариантов первой главы «Евгения Онегина»:

Он знал немецкую словесность
По книге госпожи де Сталь.

Об этой важной посреднической роли в межлитературном обмене, способствующем взаимообогащению литератур, писал А. И. Тургенев, вспоминая Жермену де Сталь, «которая все поняла и все угадала и все угаданное и постигнутое в Германии передала Франции и Европе»¹⁰⁹.

Из мемуаров декабристов, из их произведений, записок, писем, из воспоминаний и переписки близких им людей, общественные и литературные взгляды которых лежали в основном русле мировоззрения дворянских революционеров, мы узнаем об их глубочайшей осведомленности в французской политике и литературе. Здесь зачастую они искали ответ, размышляя о судьбах своей страны.

Поразительна читательская эрудиция лиц, относящихся к декабристскому кругу, неутомимость, серьезный выбор книг для чтения и изучения. Характерен интерес к произведениям публицистов и историков Франции, вдумчивый критический подход к общественно-литературным процессам в этой стране.

В понимании путей развития и становления мировоззрения дворянских революционеров большую помощь могут оказать книги их библиотек, сыгравшие заметную роль в их жизни и творчестве.

После возвращения русских войск из заграничных походов, когда, переполненная новыми впечатлениями и желанием перемен, дворянская молодежь жаждала знаний, по словам декабриста Н. И. Лорера, «все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному. Молодежь много читала, стали в полках заводить библиотеки, появлялись книги»¹¹⁰. Декабрист Д. И. Завалишин свидетельствует о том, что возможность читать серьезные книги увеличилась для петербургских офицеров, так как в Преображенском и Семеновском полках появились библиотеки политических книг. Существовала также библиотека при учрежденном при Главном Штабе обществе Военных

наук; пользоваться ею могли все офицеры»¹¹¹. Но многие из них стремились составить свои собственные библиотеки.

К сожалению, мы обладаем весьма скудными сведениями о содержании библиотек декабристов, особенно до восстания 1825 г. Исследования последних лет касаются, в основном, сибирских собраний декабристов¹¹². О додекабрьских библиотеках членов тайных обществ имеются разрозненные сведения, не дающие возможность составить полное впечатление в этом вопросе. Работы Н. Дружинина, А. Сабурова, М. Гиллельсона, А. Степанова¹¹³ и некоторых других дают представление о личных библиотеках отдельных декабристов, но исследования о круге чтения дворянских революционеров занимают незаслуженно малое место среди других трудов, посвященных им.

Один из самых выдающихся декабристов — П. И. Пестель был и одним из самых образованных людей своего времени. Начитанность Пестеля была очень велика, и это видно из его записной книжки с выписками на французском языке из сочинений Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Вольтера, Лакретеля, мадам де Сталь и многих других писателей. Н. И. Лорер, познакомившийся с Пестелем в 1824 г., рассказывает, что во всю длину его комнат «тянулись полки с книгами» преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученого содержания, излагающими всевозможные конституции. Не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках»¹¹⁴. По собственному признанию Пестеля, огромную роль в окончательном определении его политического мирозерцания сыграло сочинение Детю де Траси «Комментарии на «Дух законов» Монтескье»¹¹⁵.

Великолепную библиотеку Н. М. Муравьева его мать — Е. Ф. Муравьева переслала ему в Читу и постоянно снабжала его новыми печатными изданиями. В этой библиотеке были книги на 13 языках, но, в основном, на французском. После смерти Никиты Муравьева его мать передала в дар Московскому Университету 4067 томов (в том числе 40 рукописных произведений). В книгах, находящихся ныне в библиотеке Московского Университета, имеются два издания брошюры «О сущности захвата и узурпации власти»¹¹⁶, принадлежавшей перу Б. Константа, к которому склонялись политические симпатии будущего декабриста. В библиотеке Муравьева имелись сочинения классиков просветительской философии — полное собрание произведений Монтескье в 12 томах, изданное в Париже и приобретенное, очевидно, отцом декабриста — М. Н. Муравьевым, книги Руссо, Вольтера, Сталь, Детю де Траси. Богатая коллекция книг посвящена падению французской монархии и истории революции 1789 года. В его собрании — новейшие для того времени исследования по вопросам политической экономии, философии, истории, принадлежавшие перу Сисмонди, Сэя, Лакретеля, Вольнея и других французских ученых и писателей.

Необычайной начитанностью отличался и Г. С. Батеньков. Правильное представление о его литературных и политических интересах можно вынести из сохранившейся в материалах Елагинского архива описи его книг. Батеньков страстно любил книги и очень тщательно подбирал свою библиотеку. Книги у него, в основном, французские и русские, русских названий — 173 в 456 томах, а иностранных — 221 в 442 томах. Интересы декабриста были очень разносторонними, в его собрании имелись сочинения по математике, химии, философии, политической экономии, гидравлике — в основном, на французском языке. В описи указаны произведения Руссо, Мольера, Вольтера, который представлен многочисленными изданиями. Большое влияние на эволюцию взглядов Батенькова оказала очень распространенная в то время книга Буланже «Древность, открываемая через обычаи, или критический опыт об основных идеях, обрядах и религиозных и политических учреждениях различных народов на земле». Эту же книгу изучал и декабрист М. Д. Лаппа¹¹⁷. Трудясь в течение 1817—1818 гг. над переводом этого произведения на русский язык, Батеньков пишет А. А. Елагину: «Это дорогая книга, она мне доставила столько новых идей, что весь сонм педантов в париках во всю жизнь возбудить такого множества не в силах»¹¹⁸.

У декабриста Ф. А. Шаховского в его имени Ореховец превосходная библиотека состояла из книг по всем областям знания. В каталоге 1824 г. — 1026 наименований. В его собрании были все те произведения, которые чаще других отмечались декабристами, как повлиявшие на развитие их мировоззрения: Руссо, Вольтер, Гельвеций, Констан, Сталь, Лакретель, Сэй и др.

У А. Ф. фон дер Бриггена в его деревне в Черниговской губернии имелась ценная библиотека на французском, немецком и латинском языках. Из этой библиотеки, расположение книг на полках которой он знал наизусть, ему не раз, по его просьбе, высылались в Сибирь необходимые для чтения и справок издания.

В описи имущества декабриста И. Ф. Шимкова, сделанной после его смерти в августе 1836 г., значится 49 французских книг, среди которых «Дух законов» Монтескье, Расин, Малерб, «Начала политической экономии» Паризота. Со специального разрешения А. Х. Бенкендорфа «дозволено было государственному преступнику Шимкову, по вниманию к его бедному положению, заниматься переводом книг с французского языка на русский и таковые переводы отсылать в печать»¹¹⁹.

Ценные собрания французских книг были также в библиотеках Волконского, Трубецкого, Лунина, Норова, Орлова, Вяземского и многих других. Они сыграли огромную роль в развитии мировоззрения дворянских революционеров. Литературная, культурная, общественно-политическая жизнь Франции, революционный дух и традиции французского народа всегда привле-

кали пристальное внимание передовой России. Используя идейное наследие русских мыслителей, декабристы постоянно обращались к чтению и изучению французской прогрессивной литературы XVIII — начала XIX вв. Знание и критическое осмысление политических теорий передовых французских писателей помогало разобраться в злободневных вопросах русской самодержавной действительности. Чтение произведений французской литературы наряду с другими причинами во многом обусловило вольномыслие членов тайных обществ. Именно поэтому при изучении общественных и политических взглядов декабристов и лиц их круга необходимо обратить особое внимание на то, что идейные воззрения этих людей складывались под огромным влиянием французской книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 447.
- ² Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 56.
- ³ См.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 211—233.
- ⁴ «Восстание декабристов», т. I, М., 1925, стр. 156.
- ⁵ Там же, т. IX, М., 1950, стр. 49.
- ⁶ Там же, т. II, М. — Л., 1926, стр. 106.
- ⁷ Там же, т. XI, М., 1954, стр. 371.
- ⁸ Там же, т. XII, М. — Л., 1969, стр. 183.
- ⁹ Там же, т. XI, М., 1954, стр. 37.
- ¹⁰ Там же, т. X, М., 1953, стр. 191.
- ¹¹ Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в., М., 1965, стр. 47.
- ¹² Тургенев Н. И. Россия и русские, т. I, М., 1907, стр. 50.
- ¹³ Naumant E. La culture Française en Russie (1700—1900). Paris, 1910, p. 107. Джеджула К. Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972, стр. 103.
- ¹⁴ Naumant E. La culture Française en Russie (1700—1900). Paris, 1910, p. 107.
- ¹⁵ Бочкарев В. Н. Екатерина I и Франция. — Оттиск юбилейного издания «Отечественная война», т. I, М., 1911, стр. 28.
- ¹⁶ См.: Штранге М. М. Русское общество и Французская революция 1789—1794. М., 1956; Джеджула К. Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972.
- ¹⁷ См.: Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892; Сиповский В. В. Из прошлого русской цензуры. — «Русская старина», 1899, кн. 3-4.
- ¹⁸ См.: Джеджула К. Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, стр. 257.
- ¹⁹ Naumant E. La culture Français en Russie (1700—1900). Paris, 1910, p. 218.
- ²⁰ Цит. по: Сиповский В. В. Из прошлого русской цензуры. — «Русская старина», 1899, май — июнь, стр. 125.
- ²¹ Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати. (Сообщил Н. Д.). — «Русская старина», 1903, март, стр. 437.
- ²² Цит. по: Шеголев П. Е. Петр Григорьевич Каховский. М., 1919, стр. 36.
- ²³ См.: Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М. — Л., 1927, стр. 33. Об изучении декабристами книг Рейналя и Мабли см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М. — Л., 1958, стр. 152, 157.

- ²⁴ См.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX в. — В кн.: Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., 1969.
- ²⁵ «Восстание декабристов», т. III, стр. 8.
- ²⁶ Воспоминания В. Ф. Раевского. — Лит. наследство, т. 60, кн. I, 1956, стр. 116.
- ²⁷ Архив братьев Тургеневых, вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, стр. 30. Запись от марта 1817 г.
- ²⁸ Там же, стр. 107. Запись от 27 ноября 1817 г.
- ²⁹ Там же, стр. 114. Запись от 10 февраля 1818 г.
- ³⁰ Архив братьев Тургеневых, вып. 2. Письма и дневники А. И. Тургенева. СПб., 1911, стр. 87.
- ³¹ Бестужев А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем». — Соч. в 2 т., т. 2, М., 1958, стр. 585.
- ³² См.: Поджио А. В. Записки декабриста. М. — Л., 1930, стр. 59.
- ³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 233.
- ³⁴ См.: Нечкина М. В. Вольтер и русское общество. — В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М. — Л., 1948.
- ³⁵ См.: Роспись российским книгам для чтения из Библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828; Семеновников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании, 1921.
- ³⁶ «Русский библиофил», 1911, № 8.
- ³⁷ Батюшков К. Н. Чужое — мое сокровище. — Сочинения. СПб., 1885, т. II, стр. 338.
- ³⁸ Цит. по: Нечкина М. В. Вольтер и русское общество. — В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М. — Л., 1948, стр. 86.
- ³⁹ Избранные соц.-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. I, стр. 47.
- ⁴⁰ Цит. по: Богучарский В. Из прошлого русского общества. СПб., 1904, стр. 12.
- ⁴¹ Бестужев А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем». — Соч. в 2 т., т. 2, М., 1958, стр. 585.
- ⁴² См.: Эльсгольц о библиотеке П. А. Вяземского. — Российская библиография. Изд. Гартве. СПб., 1880, № 53/1.
- ⁴³ О восприятии Вяземским Вольтера см.: Заборов П. Р., П. А. Вяземский и Вольтер. — В кн.: Россия и Запад. Л., 1973; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, стр. 67—70, 77, 88.
- ⁴⁴ См.: Беляев А. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб., 1882.
- ⁴⁵ Письмо Г. С. Батенькова к А. А. Елагину от 7 ноября 1814 г. — Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, стр. 59.
- ⁴⁶ Избранные соц.-политич. и философские произведения декабристов. М., 1951, т. I, стр. 60.
- ⁴⁷ Дневники и письма Н. И. Тургенева, вып. 1, т. I, СПб., 1911, стр. 54.
- ⁴⁸ См.: Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М. — Л., 1927, стр. 20.
- ⁴⁹ «Русский Архив», 1895, № 2, стр. 169—170.
- ⁵⁰ «Путешествия Пифагора, знаменитого самосского философа». М., в Университ. типографии, 1804. — ОР ГРМ, фонд № 4, ед. хр. 32.
- ⁵¹ Остафьевский архив князей Вяземских (ОА), т. I. СПб., 1899, стр. 273.
- ⁵² Дневники Н. И. Тургенева, вып. 3, т. II. СПб., 1913, стр. 332.
- ⁵³ «Рене, или действие страстей», изд. в СПб., в 1806 г., в Пскове — 1805 г.
- ⁵⁴ Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901, стр. 338.
- ⁵⁵ П. А. Вяземский. О Ламартине и современной франц. поэзии. — Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, стр. 133.
- ⁵⁶ На III и IV заседаниях в январе 1822 г. читали «Одиночество» и «Осень» Ламартина в пер. С. Висковатова; на V заседании — «Восторг»

в пер. гр. Д. Хвостова; на X заседании — «Одиночество» в пер. Тютчева. — Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петро- заводск, 1949, стр. 371, 372, 375.

⁵⁷ Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисл. и примеч. С. Я. Штрайха. П., 1922, стр. 14.

⁵⁸ Письмо от 29 июля 1834 г., Свеаборг. — Лит. наследство, т. 59, М., 1954, стр. 482.

⁵⁹ Дневники и письма Н. И. Тургенева, вып. 3, т. II. СПб., 1913, стр. 243.

⁶⁰ ОА, т. I, СПб., 1899, стр. 133.

⁶¹ Письмо П. А. Вяземскому от 30 окт. 1818 г. — ОА, т. I. СПб., 1899, стр. 137.

⁶² Письмо Н. А. Полевому от 18 мая 1833 г. — А. А. Бестужев. Соч. в 2 т., т. 2, М., 1958, стр. 650.

⁶³ Архив бр. Тургеневых, вып. 6. Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, т. I. П., 1921, стр. 139.

⁶⁴ См.: «Восстание декабристов», т. IX, стр. 77.

⁶⁵ Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1901, стр. 338.

⁶⁶ См.: Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 74.

⁶⁷ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М., 1936, стр. 57.

⁶⁸ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения, письма. М., 1963, стр. 218.

⁶⁹ Тургенев Н. Россия и русские, т. I. М., 1907, стр. 59.

⁷⁰ См.: Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. III, стр. 27.

⁷¹ См.: Пушкин И. И. Записки о Пушкине, 1956, стр. 210.

⁷² См.: Пушкин А. С., т. X, стр. 87.

⁷³ Цит. по: Тынянов Ю. Французские отношения В. К. Кюхельбекера. — Лит. наследство, т. 33—34. М., 1939, стр. 351.

⁷⁴ См.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Из бумаг Батенькова. Киев, 1906, стр. 184.

⁷⁵ Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. II, стр. 158.

⁷⁶ О значении книги для Пушкина см.: Вольперт Л. Пушкин после восстания декабристов и книга мадам де Сталь о французской революции. — Пушкинский сборник. Псков, 1968.

⁷⁷ О распространении романов Сталь в России см.: Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX в. — В кн.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972.

⁷⁸ Дневники Н. И. Тургенева, т. II, стр. 232.

⁷⁹ Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX в. — В кн.: Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972, стр. 179.

⁸⁰ Staël. Dix années d'exil. Paris, 1821, p. 327.

⁸¹ Там же, стр. 331.

⁸² См.: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 153.

⁸³ Staël. Dix années d'exil. Paris, 1821, p. 342.

⁸⁴ Записки Фон-Визина, очевидца смутных времен царствования Павла I, Александра I и Николая I. Лейпциг, 1859, стр. 4.

⁸⁵ Staël. Dix années d'exil. P., 1821, p. 342.

⁸⁶ Бестужев А. А. Соч. в 2 т. М., 1958, т. 2, стр. 582.

⁸⁷ См.: Письмо к издателю «Сына отечества» от 17 марта 1822 г. по поводу изданного Гречем «Опыта краткой истории русской литературы», ч. 76, № 13, стр. 257.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ОА, т. I. СПб., 1899, стр. 291.

⁹⁰ Указатель переводных произведений составлен на основании «Каталога антикварной библиотеки книгопродавца Е. А. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Троицкого». Киев, 1874.

⁹¹ См.: Весин С. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб., 1881, стр. 62.

⁹² Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов. — Соч. в 2 т., т. 2. М., 1958, стр. 552.

⁹³ Басаргин Н. В. Записки. П., 1917, стр. 82.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Беляев А. Воспоминания декабриста о пережитом и переживанном. СПб, 1882, стр. 201.

⁹⁶ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, стр. 156.

⁹⁷ В описи книг, сделанной после ареста Батенькова, эта книга значится под № 149.

⁹⁸ ОА т. IV, стр. 57. Письмо от 22 декабря 1836 г.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Очерки по русской истории XVII—XIX вв., т. II. СПб, 1910, стр. 251.

¹⁰¹ См.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 34.

¹⁰² Дневники и письма Н. И. Тургенева, вып. I, т. I. СПб., 1911, с. 231.

¹⁰³ *Traité de législation civile et pénale*, par M. Jérémie Bentham, publiés en française par Et. Dumont, de Genève. Paris, 1802.

¹⁰⁴ Умикян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса. — В кн.: Сервантес. Статьи и материалы. Л., 1948, стр. 214—239.

¹⁰⁵ См.: РО Государственного Русского музея (ГРМ), фонд № 4, ед. хр. 32.

¹⁰⁶ ОА, т. III. СПб., 1899, стр. 41.

¹⁰⁷ Архив бр. Тургеневых, вып. III, т. II. СПб., 1913, стр. 308.

¹⁰⁸ Бестужев А. А. Соч. в 2 т., т. 2. М., 1958, стр. 594.

¹⁰⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964, стр. 113. Запись сделана 21/9 июня 1836 г.

¹¹⁰ Лорер Н. И. Из записок декабриста. — «Русское богатство», 1904, март, № 3, стр. 59—60.

¹¹¹ См.: Семевский В. И. Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 224.

¹¹² См.: Войтик П. Д. Библиотеки декабристов в Сибири. — «Библиотеки СССР», вып. 14. М., 1960; Дунаева Е. Н. Декабристы и книга. М., 1967.

¹¹³ См.: Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933; Вступит. ст. А. Сабурова о библиотеке Батенькова в кн.: Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969; Степанов А. Н. К вопросу об изучении библиотек декабристов. — Сб. ст. и материалов по книговедению. Л., 1965.

¹¹⁴ Лорер Н. И. Из записок декабриста. — «Русское богатство», 1904, март, № 3, стр. 73.

¹¹⁵ См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II. М., 1951, стр. 165; О влиянии работы Детю де Траси на Пестеля, см.: Семевский В. И. Вопрос о преобразовании государственного строя России. — «Былое», 1903, № 3.

¹¹⁶ См.: Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 74.

¹¹⁷ См.: Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, стр. 16.

¹¹⁸ Там же, стр. 89. Письмо из Тобольска от 16 февраля 1818 г.

¹¹⁹ Письма из Сибири декабристов М. и Н. Бестужевых. Иркутск, 1929, стр. 126.

И. Е. БАРЕНБАУМ

**ИЗ ИСТОРИИ ЧТЕНИЯ
РАЗНОЧИННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х — начала 60-х гг. XIX в. ***

**I. Чтение сочинений Н. Г. Чернышевского
и Н. А. Добролюбова**

В годы первой революционной ситуации в круг чтения демократического читателя наряду с сочинениями А. И. Герцена и Н. П. Огарева и другими изданиями «лондонских пропагандистов», произведениями вульгарных материалистов Бюхнера, Фогта, Молешотта, прочно входят сочинения русских революционных демократов и прежде всего — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «В шестидесятых годах, — писал Н. В. Шелгунов, — точно чудом каким-то созданся внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желавший научиться тому, что он хотел знать»¹. Новый читатель учился этому у своих великих наставников и, прежде всего, у Н. Г. Чернышевского. «Чернышевский отличался ехидством языка, и чуткая молодежь умела отлично читать между строками его революционное отрицание всякой власти»². По словам Шелгунова, Чернышевский и Добролюбов «были пророками университетской молодежи, приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками. Чем крайнее и смелее были статьи, тем они сильнее действовали на студентов, в особенности, если побивался какой-нибудь авторитет и сбрасывался с пьедестала какой-нибудь кумир»³.

Для характеристики демократического читателя этих лет примечательно свидетельство писателя-демократа Ф. М. Решетникова, относящее к концу 1861 — началу 1862 гг. В разговоре

* Вторая статья из цикла, посвященного чтению разночинной молодежи второй половины 50-х — начала 60-х годов XIX в. (См.: История русского читателя. Вып. I. Л., 1973, с. 77—92).

с А. Я. Панаевой, во время которого было упомянуто имя В. Г. Белинского, Решетников заметил: «он и Добролюбов — это мои нравственные учителя, будут ими еще для нескольких поколений. Без них я так бы и погряз в омуте, в котором родился. Лермонтов, Пушкин — это лакомство, а Белинский и Добролюбов — насущный хлеб для нравственного развития, особенно таких людей, как я, которым чуть ли не со дня рождения выпадают на долю колотушки, попреки за каждый кусок хлеба, нещадное битье розгами при обучении грамоте, среди окружающего пьянства и невежества»⁴.

Вспоминая о том впечатлении, которое произвела на читателя статья Н. А. Добролюбова «Темное царство», Н. В. Шелгунов пишет: «Молодежь носилась с этой статьей, как с откровением, и она действительно была откровением для всех слабых и угнетенных, показав им их врага»⁵. В своих воспоминаниях Шелгунов набрасывает читательский портрет одного из типичных представителей университетской молодежи активного участника общественного движения 60-х годов — Е. П. Михаэлиса, он пишет: «Необыкновенно решительный и отважный, пылкий и страстный до самозабвения» юноша ликовал, читая статьи Добролюбова «Иллюзии, разрушенные розгами» и Чернышевского «Антропологический принцип в философии», в которых сокрушались авторитеты и содержались смелые идеи о боге и человеке. По словам Шелгунова, Михаэлис книжку «Современника» в 30 печатных листов прочитывал от первой до последней страницы за три часа. «Он читал все: и повести, и романы, и стихи, и критику, и ученые статьи. Одним словом, не было ничего ни серьезного, ни легкого, ни смешного, чего бы он не прочитал в книжке, и он помнил каждое слово, он верно понимал каждую мысль со всеми ее оттенками»⁶.

С воспоминаниями Н. В. Шелгунова перекликается рассказ другого шестидесятника — Л. Ф. Пантелеева, в то время студента Петербургского университета. Пантелеев характеризует читательские интересы преимущественно студенческой молодежи. Поставив вопрос: «Много ли читали студенты в мое время и что читали?» — Пантелеев обращает внимание на два, с его точки зрения, важных обстоятельства. Первое — это слабое распространение среди студентов знания иностранных языков и, второе, недостаток в конце 50-х — начале 60-х годов оригинальных научных книг. Именно поэтому, утверждает Пантелеев, студенты читали главным образом журналы, содержавшие много материала, связанного с проведением крестьянской и прочих буржуазных реформ. Он констатирует также особенный успех книг исторического содержания как в студенческой среде, так и у читающей публики вообще. Подобно всем мемуаристам-шестидесятникам, Пантелеев пишет об огромной популярности «Современника». «Многие быстро усваивали его идеи», замечает он и ссылается на пример Е. И. Утина (брата известного ре-

волюционера-шестидесятника), который в начале 1862 г. был последователем Молилари и врагом общинного землевладения, а к весне стал «горячим социалистом» и для своей кандидатской диссертации выбрал тему: «О пролетариате в древние, средние и новые времена»⁷. Впрочем, Пантелеев отмечает и другое обстоятельство: далеко не все те, кто в 60-е годы увлекались «Современником», сохранили верность демократическим идеалам юности, и закончив университет «преспокойно устраивались чиновниками, и очень исправными, в департаментах»⁸.

С 1859 г. университетская молодежь начинает особенно увлекаться статьями Чернышевского на политические темы, его политическими обозрениями, в которых «итальянскому движению отводилось особенное внимание». Если ранее, пишет Пантелеев, читатель после отдела беллетристики, прежде всего принимался в «Современнике» за статьи Добролюбова, то теперь такой же интерес стали привлекать политические обозрения Чернышевского. Читали и другие его произведения, в которых находили отражение социалистические идеи, в том числе «Примечание к Миллю». Правда, Пантелеев утверждает, что эти последние при своем появлении не вызвали «того повышенного внимания, предметом которого они стали у последующих поколений, — при более углубленном отношении к социалистическим идеям»⁹. «До ареста Чернышевского читали, — пишет Пантелеев, — он возбуждал умы, в нем, наконец, стали видеть лидера передового движения; но не особенно задумывались не только над генезисом его идей, но даже и над самой сущностью их. Не так стало после лета 1864 г.» (имеется в виду выход в свет романа «Что делать?»). — *И. Б.*)¹⁰.

Выше мы отметили наблюдения Пантелеева о переключении читательского внимания с Добролюбова на Чернышевского. Вместе с тем Пантелеев утверждает, что при жизни Добролюбова круг его читателей был много шире, чем у Чернышевского. Он объясняет это тем, что читающую публику «русская жизнь, — а ее постоянно имел своей темой Добролюбов, — все же более интересовала, нежели проповедь тех или других философских и политических идей. В Чернышевском постепенно учились видеть несравненного полемиста и популяризатора идей передовых европейских кругов. Добролюбов импонировал как литературный деятель, проводивший самостоятельное понимание русской жизни, что вместе с исключительным талантом и поставило его в течение четырех лет, по словам Чернышевского, «во главе русской литературы»¹¹. Для нас существенно отметить самый факт широкой читательской популярности и глубокого влияния, которое оказывали на своих современников оба русских гения, эти «два социалистических Лессинга», как писал о них К. Маркс. Можно привести множество свидетельств того интереса, который читатель-шестидесятник проявлял к произведениям Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. «Статьи

Чернышевского в «Современнике» о критике гоголевского периода, — вспоминает приятель Н. А. Добролюбова по педагогическому институту А. П. Златовратский, — сделали популярным его имя и между студентами. Имя Чернышевского сделалось неразрывным с именем Белинского, о котором он стал говорить в то время, когда студенты института не могли в Публичной библиотеке взять «Отечественные записки» потому только, что в них печатался Белинский»¹². «Жадно читал» статьи Добролюбова и Чернышевского П. Д. Боборыкин, бывший в конце 50-х годов студентом Дерптского университета¹³.

Имея в виду этот же период, В. Острогорский пишет: «Тогда нередко являлись в журналах критические и научные статьи, читавшиеся нарасхват. Достаточно указать, например, на критические статьи Добролюбова, вышедшие затем в четырех томах, на капитальные статьи, вроде Лессинга, очерков гоголевского периода русской литературы, о Пушкине, о Гоголе, чтобы представить себе, какой интерес возбуждала к себе у нас, молодежи, литература»¹⁴.

Социалистическим Евангелием стал для шестидесятников роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», художественно вобравший в себя опыт первых русских разночинных артелей и удесятиривший силу его влияния и примера на молодое поколение гениальностью обобщения «типических характеров в типических обстоятельствах». «Для русской молодежи, — вспоминал П. Кропоткин, — повесть «Что делать?» была своего рода откровением и превратилась в программу <...>. Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи»¹⁵. Об огромной силе воздействия романа Чернышевского сразу же после его выхода в свет пишут в своих воспоминаниях Е. А. Штакеншнейдер, Л. Ф. Пантелеев, И. Ясинский и др. Несмотря на попытки реакционной прессы оболгать замысел романа, изобразить его как проповедь цинизма и разврата («Что такое, в самом деле, эта Вера Павловна? Подкидыш Содомы, наперсница Мессалины, самка Искарюта», — язвил проф. Цитович¹⁶), демократическая молодежь зачитывалась романом, усердно подражала его героям — Рахметову и Вере Павловне. Любопытное свидетельство этому находим мы в воспоминаниях И. Ясинского: «Прошел апрель, начался май (1864 г. — И. Б.). На носу были экзамены. Я перебрался из общей нашей комнаты в амбар, развесил над своей койкой черепа и полку с книгами, а под голову положил огромный булыжник с случайной выемкой для затылка. Мало ли что еще может встретиться в жизни! Может быть меня станут пытать <...>. Из Базарова я уже превращался в Рахметова, и даже на сосновые доски своего ложа насыпал горсть гречневой крупы, вместо обойных гвозди-

ков, которые пришли мне сначала в голову <...>»¹⁷. Здесь нам следует отметить, что социалистические идеалы, пусть еще неоформленные, не вполне ясные, осознаваемые как «артельные начала», притягивали к себе разночинную молодежь и в начале 60-х годов. Роман Чернышевского писался «с натуры». Читатель и писатель искали и находили друг друга. И если писатель обгонял в чем-то время, то это потому, что время, общество, т. е. читатель, нуждались в решении наболевших вопросов, и в поисках их решения рождались произведения такого масштаба и такого влияния, как «Что делать?».

Определенную эволюцию читательских интересов шестидесятника позволяют проследить дневниковые записи Е. А. Штакеншнейдер. Говоря словами проф. И. Н. Розанова, в этих дневниках перед нами предстает «картина постепенного пробуждения сознания женщин бурной переходной эпохи»¹⁸. День за днем, год за годом фиксирует Е. А. Штакеншнейдер свои жизненные впечатления, делясь одновременно мыслями о прочитанном. Дочь придворного архитектора, воспитанная в верноподданническом религиозном духе, умная, наблюдательная девушка, она, вращаясь в избранном кругу литераторов, артистов, художников, общественных деятелей, и под влиянием чтения, постепенно освобождается от сословных предрассудков и привычек своей среды и переходит на «боевые позиции разночинной интеллигенции» (И. Н. Розанов). Ее любимейшим журналом становился «Современник» — «Отрадный журнал. Единственный не портящий кровь. Единственный честный, единственный добрый»¹⁹. Подлинным событием для Штакеншнейдер явилось опубликование в «Современнике» романа «Что делать?» Чернышевского. «Я этим романом наэлектризована, — записывает Штакеншнейдер 25 марта 1863 г. — Он мне доставил наслаждение, какое доставляли книги в юные годы, он мне согрел душу своим высоконравственным направлением, наконец, он объяснил то восторженное... поклонение... иначе понять не умею, которое питает к его автору молодое поколение, то влияние, которое он на него имеет. Мне теперь понятны те слышанные мною дерзкие отрывки речей, такие антипатичные на первый взгляд»²⁰. Читательницу увлекают идеи Чернышевского, общая тенденция романа, которая, по ее словам, «хороша, так хороша, что сама идея-то невозможна»²¹. В обстановке начавшейся реакции, расправы над руководителями революционного движения, Е. А. Штакеншнейдер сомневается в возможности осуществления в России социалистических идеалов Чернышевского. Но эти идеалы близки и понятны ей, и более того — помогают, как мы убеждаемся, понять революционные порывы молодого поколения, с настроениями которого она солидаризуется.

Дневники Е. А. Штакеншнейдер ценны, таким образом, не только тем, что дополняют картину индивидуального чтения

шестидесятников, но они показывают также «обратную связь» — воздействие книги на читателя-разночинца, постепенное, в процессе чтения, формирование его демократических убеждений, передового сознания.

Любопытный материал о читателе радикальной студенческой среды 60-х годов содержат дневниковые записи студента Московского университета С. В. Торчилло, опубликованные Ф. Ф. Кузнецовым. В 1863 г. Торчилло был арестован и сослан рядовым в Оренбургский корпус в связи с обвинением в попытке создать тайную революционную организацию. В Москве он был связан с Аргиропуло, Сулиным, Освальдом и другими членами Московского отделения «Земли и Воли». При аресте у него был изъят дневник, в который Торчилло вносил свои впечатления от прочитанного. Дневник этот интересен тем, что он, как справедливо отмечает Ф. Кузнецов, «дает нам представление о тех духовных процессах, которые под влиянием революционно-демократической пропаганды шли в умах молодежи шестидесятых годов»²².

Книжные впечатления наслаиваются на жизненные и это еще больше убеждает в правильности избранного пути. «Впечатление, вынесенное мною из чтения романа «Что делать?», — пишет Торчилло, — очень схожи с впечатлением, которое производили на меня разговоры с Освальдом... Знакомство с Аргиропуловым... Знакомясь с Рахметовым, Лопуховым, Кирсановым, Аргиропуловым, Освальдом, — сознаешь ясно, что есть другая жизнь, другая среда, другие люди, чувствуешь, что хорошо жить этой жизнью, в этой среде, с этими людьми»²³.

Чтение разночинной молодежью сочинений Чернышевского и Добролюбова носило активный, «боевой» характер, помогало готовиться (используя терминологию шестидесятников) в «Гражданине». Оно в высшей степени отвечало настроениям той наиболее радикальной части молодежи, которая искренне полагала, что времена наступили такие, когда «некогда долго учиться и корпеть над мелочами науки, над «черной лабораторной работой» и «надо хватать на лету «выводы», уже добытые учеными, обобщающими чужие научные труды»²⁴.

II. Чтение изданий Вольной Лондонской типографии А. И. Герцена и нелегальных прокламаций

Особенностью чтения разночинного читателя 60-х годов в отличие от предшествующего периода следует считать включение в круг чтения печатных нелегальных изданий, которые оказывали глубокое влияние на формирование мировоззрения шестидесятника, в значительной мере определяя его читательский и одновременно гражданский облик. Проникновение в Россию изданий Вольной Лондонской типографии, чтение «Полярной звезды», «Колокола», сочинений Герцена и Огарева и других

произведений вольной русской зарубежной печати стало знаменем эпохи. Впервые до широких кругов русского читателя дошло независимое, бесцензурное печатное слово, страстно зовущее к свободе, к борьбе, к сопротивлению жестоким самодержавным порядкам, господствовавшей в стране полицейско-бюрократической системе. Если демократическая печать 60-х годов и, прежде всего, «Современник» приучали читателя к «подтекстовому», ассоциативному мышлению, к междустрочному чтению, то благодаря изданиям зарубежной вольной печати разночинный читатель этого времени смог получать точную, правдивую, объективную и вместе с тем ясную по своей революционной прогрессивной направленности информацию. Обращение к новым каналам информации позволяло читателю относиться еще более критически к той подтасованной, процеженной сквозь цензурный фильтр информации, которую он находил в официальных и официозных источниках. Сопоставляя полученные таким образом результаты с впечатлениями личного опыта, он вольно или невольно приходил к выводам и умозаключениям, которые отвечали интересам «революционной партии» 60-х годов, лежали в русле общих прогрессивных тенденций эпохи.

Литература о влиянии изданий Вольной русской типографии на русское общество 60-х годов обширна. Попытку проследить поэтапное, в хронологической последовательности, распространение изданий Герцена в России, позволяющую в то же время осмыслить их читательское восприятие предпринял Б. С. Гинзбург²⁵. В его статьях приводятся факты, существенно дополняющие наше представление о чтении герценовских изданий. Среди читателей вольной русской печати мы находим представителей различных сословий: семинаристы, студенты, дворяне, чиновники, купцы, военные, журналисты, литераторы. В их числе: декабрист И. Д. Якушкин и петрашевец Н. А. Мордвинов; студенты Н. А. Добролюбов и его товарищ по Главному педагогическому институту Д. Ф. Щеглов, вольнослушатель Московского университета пензенский помещик М. Ф. Эссен, флигель-адъютант П. П. Альбединский, полковник генерального штаба Н. Г. Писаревский, жена известного славянофила А. И. Кошелева — О. Ф. Кошелева, поэт-сатирик П. В. Шумахер, отставной поручик М. Белавин, отставной коллежский регистратор Г. Миклашевский, отставной титулярный советник А. С. Гиероглифов, издатель журнала «Гудок»; писарь Н. И. Трубников, купеческий сын Лаврецов, петербургский купец И. Т. Семенов и мн. др. Издания вольной русской печати читали в Петербурге и Москве, в Сибири, на Украине, на Дону, в губернских центрах — Твери, Вятке, Костроме, Нижнем Новгороде, Воронеже, Вологде, Екатеринбурге, а также в самих губерниях. Сочинения Герцена читали при дворе и в аристократических салонах, в учебных заведениях и трактирах, в армейских частях и на

каторге, в далекой Сибири. Гинзбург пишет о горячем приеме, который оказало герценовским изданиям молодое поколение, в подтверждение чего приводит факты чтения и изучения сочинений Герцена студентами Москвы и Петербурга, учащимися средних учебных заведений, в кадетских корпусах, в Ларинской гимназии²⁶. Если в 1857—1858 гг. сочинения Герцена можно было найти, как свидетельствовал московский жандармский офицер Воейков 3-й, «у людей образованных, высшего круга», которые, «занимая почетные места на службе и будучи сами помещиками», «очень хорошо понимают вред, могущий произойти от их распространения», то вскоре издания Вольной Лондонской типографии находят внимательных читателей в средних и даже низших слоях²⁷. Еще в ноябре 1857 г. поэт-цензор Ф. И. Тютчев обращал внимание князя Горчакова на то, что сочинения Герцена «переходят из рук в руки с величайшей быстротой в обращении», «уже проникли если и не в народные массы... то, по крайней мере, в весьма низкие слои общества»²⁸.

Какую реакцию вызывало у разночинного читателя чтение герценовских изданий? Первое впечатление было чисто эмоциональное — восхищались талантом Герцена, его умом, смелостью, благородством²⁹.

Ему писали письма, его приветствовали, рассказывали об успехе его изданий. Но это чтение вело и к более глубокому, серьезному влиянию на мировоззрение читателя, заставляя пересматривать привычные убеждения — либерализовало одних и революционизировало других. Арестованный в 1856 г. за написание писем «преступного содержания», М. Ф. Эссен признался на следствии, что выраженные им мысли в письмах «были следствием чтения им истории революций и сочинений Искандера»³⁰. Коллежский регистратор Г. Миклашевский, выйдя в отставку в 1857 г., начал читать сочинения Герцена, отчего его «понятия, мнения и суждения совсем переменялись» и он стал «совершенный либерал»³¹. Многих читателей разночинной среды возмущали полицейские преследования изданий Герцена, запрещение их чтения. Культурный и образованный чиновник В. Я. Шмитоновский «осуждал правительство за то, что оно не позволяет читать его (Герцена.— *И. Б.*) сочинения и преследует даже тех, кто читает оные». Любопытно, что Шмитоновский объяснял эту «неблагоразумную», по его мнению, правительственную меру тем, что «стоящие во главе правительства лица сами принадлежат к классу помещиков и поэтому не любят правды, высказываемой означенным сочинителем»³². На основании этих и подобных им фактов Б. С. Гинзбург приходит к выводу, который представляет для нас существенный интерес: «именно чтение «Колокола» (добавим — и иных изданий Герцена.— *И. Б.*) способствовало росту революционного самосознания. Это подтверждают слова В. И. Ленина о том, что «... Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных

представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»³³.

Кульминацией читательского восприятия Герцена были годы революционной ситуации, когда «Колокол» «гулял» «по всей России»³⁴, когда, по словам Н. А. Белоголового, издания Вольной Лондонской типографии «представляли из себя своего рода высшую инстанцию, к которой апеллировали все искавшие правды...»³⁵. И если либеральный читатель в 1860—1861 гг. весьма охладевает к обличительным статьям «Колокола», то демократическая русская молодежь, особенно студенчество, проявляет именно в эти годы повышенный интерес к «Колоколу» и другим изданиям Герцена, сочинения которого приобретают все более последовательный революционный характер. Свидетельством возросшего в эти годы интереса русского читателя к заграничным изданиям может служить «Дело о выработке мер борьбы с ввозом изданных за границей книг антиправительственного направления и перепечаткой их в России». Относящееся ко второй половине 1861 г., оно содержит переписку между министром внутренних дел П. А. Валуевым и управляющими III отделением В. А. Долгоруковым и П. А. Шуваловым. Общим местом переписки служит утверждение, что «в последнее время ввоз в Россию русских книг, печатаемых за границею, заметно увеличивается, как это видно в особенности по нередким случаям задержания таможенными таких книг у пассажиров, возвращающихся в Россию»³⁶. Усматривая основную причину усилившегося проникновения в Россию изданий заграничной вольной русской печати в слабости таможенного и полицейского надзора, ответственные царские чиновники предлагали усилить меры административного и полицейского воздействия — штрафы, увеличение таможенной пошлины, осуждение виновных лиц, усиление секретного надзора за обращением вредных книг и прочее. Однако все эти полицейские меры не могли воспрепятствовать русскому читателю знакомиться с сочинениями Герцена и другой русской заграничной литературой. Тяга к ней была тем сильнее, чем яростнее стремилось царское правительство искоренить заграничную «крамолу». Одесский врач Э. С. Андреевский, ближайший приближенный князя М. С. Воронцова, видный гласный Одесской городской думы, записывал в 1861 г. в своем дневнике: «Каждый уездный училищник, взлелеянный на казенный счет, под розгами за папироски и незастегивание всех крючков своего общипанного мундирчика... писал обличительные статьи, отпуская длинные волосы и бороду, читал «Колокол» Герцена и смотрел настоящим Робеспьером»³⁷.

Чтение сочинений Герцена и его изданий подготовило почву для восприятия первых печатных нелегальных прокламаций,

появление которых также относится ко времени первой революционной ситуации.

Созданные руководителями и членами тайных обществ и кружков, возникших в годы первой революционной ситуации, нелегальные летучие издания предназначались для различных кругов русского общества, начиная от так называемых «образованных классов» и кончая солдатами и крестьянами. Точный читательский адрес — «для студентов», «для офицеров», «для старообрядцев», «для купечества» и т. п. — не означает вместе с тем, что круг читателей того или иного летучего издания ограничивался данной именно социальной средой. Листовки и прокламации читались представителями различных кругов русского общества, независимо подчас от их социального адреса. Конечно, солдат, мастеровой или крестьянин легче воспринимали текст, непосредственно обращенный к народу, листовки типа «К народу русскому, крестьянскому», «Долго вас помещики душили», «Что нужно народу» и т. п. Однако и другой тип изданий, обращенный уже к интеллигенции, к «образованным классам», попадал в круг народного чтения, хотя при этом требовались порой пояснения, толкования, комментариев, чем и занимались революционные пропагандисты в воскресных школах, в армии и в деревне. В свою очередь, листовки, предназначенные для распространения в народе, были хорошо известны интеллигентному разночинному читателю — особенно членам тайных обществ, которые широко обменивались подобного рода изданиями, занимались непосредственно их распространением и пропагандой, устраивали их коллективную читку, переписывали от руки, размножали литографским и иным способом.

Для того читательского пласта, о котором идет речь в данной статье, предназначались, в первую очередь, такие прокламации программного характера, как «Великорусс», «К молодому поколению», «Земская Дума», «К образованным классам», «Молодая Россия», «Свобода № 1», «Свобода № 2», «Земля и Воля», «К офицерам русских войск», «Чего мы хотим» и другие в том же роде. Тиражи этих изданий колебались от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров, распространялись они также переписанными от руки. Читателями их была прежде всего революционно настроенная молодежь — студенты, семинаристы, офицеры, поручики, литераторы, но также помещики, купцы, чиновники, не говоря уже о тех, кто читал их «по долгу службы» — сотрудники III отделения и деятели правительственной администрации.

Достаточно красноречивая картина чтения нелегальных прокламаций в конце 50-х — начале 60-х годов вырисовывается из материалов, опубликованных в наиболее полном и представительном издании подобного рода — «Русско-польские революционные связи» (т. 1-2, М., 1963). Здесь собраны факты о рас-

пространении и чтении таких нелегальных изданий, как «Великорусс», «К молодому поколению», «К солдатам», «Что надо делать войску», «Земская дума», «Чего мы хотим», «К образованным классам», «Свобода № 1 и 2», «Льется польская кровь», «Что нужно народу», «Офицеры», «Долго давили вас, братцы...», «Временные народные правления», «Всему народу русскому, крестьянскому...», «Земля и Воля. Свобода вероисповедования» и др.

География распространения этих нелегальных изданий обширна — Петербург, Москва, города Поволжья, Урала, Центра России, Западной Украины и Белоруссии (так наз. Западных губерний). Представляют интерес сведения о количестве изъятых прокламаций. В феврале 1863 г. в Москве был задержан врач К. Павловский, опустивший в почтовый ящик два пакета с листовками «Свобода № 1»³⁸. У студента Петербургского университета А. А. Цветкова при обыске в марте 1863 г. было обнаружено 6 экз. воззвания «Земля и Воля»³⁹. 14 марта того же года в Петербургском университете были обнаружены 50 прокламаций «Земля и Воля»⁴⁰. У капитана К. К. Сунгурова было 9 экз. листовки «Свобода № 1»⁴¹. В июле 1863 г. в Чернигове при аресте землемера И. А. Андрущенко — члена Московского отделения «Земли и Воли» — были обнаружены воззвания: «Что нужно народу» — 110 экз., «Свобода № 1 — 57 экз., «Долго давили вас, братцы» — 30 экз., а также листовки — «Великорусс» №№ 1, 2, 3, «К молодому поколению», «Льется польская кровь»⁴².

Ю. М. Мосолов получил для распространения 2 прокламации «Свобода» №№ 1 и 2 в количестве 200—400 экз. каждая⁴³. Казанский студент Бирюков получил от студента Умнова 5 экз. прокламаций «Свобода»⁴⁴. Вольнослушатель Казанского университета И. Орлов 22 апреля 1863 г. передал для распространения своим товарищам — Н. Орлову и Третьякову каждому по 50 экз. прокламации «Долго давили вас, братцы» и других воззваний⁴⁵. Семинарист И. Пономарев получил от Н. Орлова 5 прокламаций «Земля и Воля», «Свобода вероисповедования»⁴⁶. 8 экз. прокламации «Долго давили вас, братцы» передал для распространения среди крестьян — мещанину С. Булгакову и крестьянке У. Сычевой коллежский регистратор М. Элпидин⁴⁷.

Интересные сведения о распространении «Великорусса» содержатся в исследовании Н. Н. Новиковой «Революционеры 1861 года». По подсчетам автора главный распространитель «Великорусса» В. А. Обручев отправил по различным адресам не менее 300 экз.⁴⁸ В Москве студент университета Н. Н. Освальд, участник студенческого движения, заказал отлитографировать 1000 экз. № 2 и 3 «Великорусса» и часть их распространить⁴⁹. В Петербурге было распространено не менее 500 экз. прокламации «Великорусс» № 1. В Москве — не менее 45.

В других городах — около 50 экз. В целом это составляет более 600 экз.⁵⁰ «Великорусс» № 2 был распространен примерно в таком же количестве экземпляров. Эту же цифру исследователь называет и для «Великорусса» № 3⁵¹. В итоге общий тираж приближается к 2000 экземпляров. Н. Н. Новикова приводит перечень городов, в которых распространяли «Великорусса» — Петербург, Москва, Тверь, Владимир, Смоленск, Кострома, Тула, Калуга, Рязань, Вятка, Нижний Новгород, Сергач, Казань, Самара, Саратов, Оренбург, Уфа, Омск, Иркутск, Минск, Могилев, Шавля, Харьков, Полтава, Киев, Елисаветград, Бердянск, Одесса, Винница и др.⁵² Наибольшее распространение «Великорусс» получил в студенческой и военной среде. Среди читателей этого нелегального издания Новикова называет: поручика В. А. Обручева, активных членов Комитета русских офицеров в Польше — И. Н. Арнгольда, П. М. Сливичко, В. Т. Каплинского, Ф. Ростовского (И. Н. Арнгольдт, П. М. Сливичкий и Ф. Ростовский за распространение и хранение «крайне возмутительных сочинений» были расстреляны в июне 1862 г.), поручика С. Абрамовича, офицеров А. А. Потемню, З. Сераковского, Я. Домбровского; студентов Петербургского и Московского университетов — М. Н. Сваричевского, Ф. Р. Данненберга, В. В. Лобанова, А. А. Яковлева, Л. Т. Самарина; кандидата прав, жителя Иркутска Н. М. Павлинова, студента В. И. Жуковского (в Уфе); студента медико-хирургической академии Соболева; студентов участников революционного движения 60-х годов Н. И. Утина, Л. Ф. Пантелеева, Е. П. Печаткина, А. П. Блюммера, членов Московского кружка П. Г. Заичневского и П. Э. Аргиропуло; московских студентов Н. Н. Освальда, А. А. Кропоткина (брата П. А. Кропоткина); И. А. Андрущенко, П. Пушторского и М. Гулевича; организатора киевского революционного подполья — С. Бобровского, служащего типографии Ю. Залесского и группу их товарищей; вольнослушателя Казанского университета И. Д. Золотова и студента И. Пеньковского; литераторов А. С. Гиероглифова, Н. В. Альбертини; врачей П. И. Бокова и А. П. Каталинского; преподавателя Технологического института А. Н. Моригеровского, директора Самарской гимназии В. Г. Варенцова, Н. П. Баллина и др. «Среди распространителей «Великорусса» мы видим разночинную интеллигенцию, демократов, более или менее революционно настроенных, но нет ни одного человека, которого можно считать либералом»⁵³, пишет Н. Н. Новикова. Круг читателей этого издания был, конечно же шире, но влияние «Великорусса» особенно ощущалось среди разночинной демократической интеллигенции. Это неоспоримо.

Читательский отклик на прокламационную литературу выражался прежде всего в степени участия в революционном движении. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют судить и о непосредственной реакции читателя. При-

мечательно, например, свидетельство одного из активных участников студенческого движения 60-х годов Н. Я. Николадзе о впечатлении, испытанном им от чтения прокламации «К молодому поколению», которую зачитал публично студент Петербургского университета Н. А. Неклюдов. «С замиранием сердца, — рассказывает он, — слушали мы чтеца, все более и более проникавшегося воодушевлением. Все в прокламации представляло для нас интерес откровения. Не то, чтоб оппозиционная литература была нам неведома: многие из нас читали «Колокол», «Полярную звезду» и другие издания Герцена <...>. Но там была насмешка, язвил сарказм, а тут звучал прямой призыв к восстанию, не для исправления, а для свержения всего строя <...>. Общего ее тона, звучащего анафемой, не забуду до смерти. На меня, по крайней мере, воззвание произвело такое именно впечатление. Мурашки бегали все время у меня по телу <...>»⁵⁴.

Несколько иной, хотя также сочувственный отклик, вызвало чтение прокламаций у Е. А. Штакеншнейдер. 21 февраля 1862 г. она записывает в своем дневнике: «Появилась еще прокламация, и едва ли не лучшая из всех, являвшихся до сих пор. Эта прокламация с печатью «Земля и Воля», по поводу Польши. Да пройдет она благополучно, не наделав бед! Пользы от нее, т. е. достигений той цели, для которой вообще пишутся прокламации, вероятно, не будет, хотя написана она с большим воодушевлением, чем все прежние, но упаси бог от беды. Потянут опять невинных с виновными, опять жертвы падут; а их юных и радостных и готовых идти на жертвоприношения, хоть на закланье, так много»⁵⁵. Приведем еще несколько свидетельств. Студент Медико-хирургической академии С. Стахевич заявил при допросе, что «вполне разделяет» убеждения, высказанные в прокламации «Земля и Воля»⁵⁶. Мещанин г. Астрахани А. Андреев в письме к студенту Сергееву «одобрял противоправительственные меры, предлагаемые в воззвании к офицерам, объясняя «что хоть куда умно и дельно»⁵⁷. По утверждению Л. Ф. Пантелеева, первый номер «Свободы» «был замечен» и «молодежь выражала нетерпеливое желание» увидеть продолжение⁵⁸. Зато о прокламации «К образованным классам», выпущенной группой Н. И. Утина в августе 1862 г., тот же Пантелеев пишет, что она «не произвела сколько-нибудь заметного эффекта; молодежь находила ее бледною»⁵⁹. Свидетельства такого рода требуют критической проверки. Порой деятели освободительного движения 60-х годов сознательно преуменьшали значение того или иного подпольного издания или, наоборот, преувеличивали по причинам конспиративного или пропагандистского характера. Истина выявляется лишь в совокупности фактов, в том числе и на основании читательских свидетельств. О чтении иных революционных прокламаций можно уяснить лишь из косвенных источников, в том числе из

полицейских агентурных донесений. Так, например, в донесении на имя петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева от 1861 г. о чтении студентом Н. И. Утиным на студенческой сходке революционной прокламации (судя по дате — 10 сентября, речь идет, очевидно, о прокламации «К молодому поколению»), говорится и об отклике на нее: «читается с восторгом и волнует умы молодых людей и не студентов, зараженных вольнодумством»⁶⁰.

Приведем пример иного рода. До сих пор у нас нет свидетельств современников о знакомстве с прокламацией Н. Г. Чернышевского «Барским крестьянам», если не говорить о непосредственных участниках ее размножения. Как нам удалось установить, отдельные положения этой прокламации излагались (почти дословно) в статье П. В. Михайлова, опубликованной в 1862 г. в журнале А. Ф. Погосского «Народная беседа»⁶¹. Факт чтения прокламации Н. Г. Чернышевского в разночинной демократической среде начала 60-х годов находит, таким образом, подтверждение.

К сожалению, читательских откликов на революционную нелегальную прокламационную литературу 60-х годов крайне мало. И это понятно, учитывая характер этого чтения, не подлежавшего огласке. Все же, приведенные нами факты и цифры позволяют утверждать, что чтение это было одним из важных факторов революционной ситуации, получило в разночинной демократической среде 60-х годов достаточно широкое распространение и наряду с изданиями вольной русской печати, а также чтением русской демократической и зарубежной социалистической и материалистической литературы было тем источником, из которого читатель — шестидесятник черпал свою духовную, идейную пищу, и который формировал его политическое сознание, его революционное мировоззрение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания в двух томах. Т. I. М., 1967, с. 113.

² Там же, с. 238.

³ Там же, с. 247.

⁴ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956, с. 354.

⁵ Шелгунов Н. В. и др. Указ. соч., с. 136.

⁶ Там же, с. 247.

⁷ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. Л., 1968, с. 161.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 525.

¹⁰ Там же, с. 530.

¹¹ Там же, с. 531.

¹² Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961, с. 145.

¹³ Боборыкин П. Д. Воспоминания. Т. I. М., 1965, с. 273.

¹⁴ Острогорский В. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851—1864 гг.). 2-е изд. СПб., 1914, с. 60.

¹⁵ Кропоткин П. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907, с. 307.

¹⁶ Цитович П. Что делать в романе «Что делать?» Одесса, 1879, с. 53.

¹⁷ Ясинский И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М. — Л., 1926, с. 61.

¹⁸ Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки (1854—1886). М. — Л., 1934, с. 10.

¹⁹ Там же, с. 329.

²⁰ Там же, с. 322.

²¹ Там же, с. 331.

²² Кузнецов Ф. Публицисты 1860-х годов. М., 1969, с. 180.

²³ Там же, с. 182.

²⁴ Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятих годах. — «Каторга и ссылка», 1927, кн. 33, с. 47.

²⁵ Гинзбург Б. С. Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х — начале 1860-х гг. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 335—360. Он же. Отношение читательских кругов России к статьям «Колокола» (1857—1861 гг.). — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963, с. 306—337.

²⁶ Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 346.

²⁷ Там же, с. 345.

²⁸ «Русский архив», 1873, кн. 7, с. 630.

²⁹ «...Я почти с молитвенным благоговением глядел на напечатанный на обложке «Полярной звезды» медальон с изображением голов повешенных декабристов — Бестужева, Каховского, Пестеля, Рыльева и Муравьева-Апостола. Красота и сила творений Герцена, мощь размаха его мыслей его глубокая любовь к России охватили меня. Я читал и перечитывал эти страницы, блещущие умом и проникнутые глубоким чувством» (П. А. Кропоткин. Записки революционера. М., 1966, с. 143).

³⁰ Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 346.

³¹ Там же, с. 340.

³² Там же, с. 355.

³³ Там же, с. 355; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

³⁴ Барсуков И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Т. I, М., 1891, с. 632.

³⁵ Белоголовый Н. А. Воспоминание и др. статьи. 4-е изд. СПб, 1901, с. 539.

³⁶ ЦГИА СССР. Ф. 772, оп. 1, д. 5791, л. 6.

³⁷ Цит. по ст.: Боровой С. Я. «Колокол» и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации. В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1961 гг. М., 1974, с. 202. Здесь же и другие факты распространения и чтения изданий Герцена в Одессе в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в.

³⁸ «Русско-польские революционные связи. Т. II, М., 1963, с. 83.

³⁹ Там же, с. 87.

⁴⁰ Там же, с. 88—89.

⁴¹ Там же, с. 122—123.

⁴² Там же, с. 130—131.

⁴³ Там же, с. 151.

⁴⁴ Там же, с. 308.

⁴⁵ Там же, с. 326.

⁴⁶ Там же, с. 396.

⁴⁷ Там же, с. 398.

⁴⁸ Новикова Н. Н. Революционеры 1861 года. «Великорусс» и его комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968, с. 123.

⁴⁹ Там же, с. 136—137.

⁵⁰ Там же, с. 146—147.

⁵¹ Там же, с. 147—148.

⁵² Там же, с. 156.

⁵³ Там же, с. 144.

⁵⁴ Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятих годах. — «Каторга и ссылка», 1927, кн. 33, с. 36.

⁵⁵ Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки (1854—1886). М. — Л., 1934, с. 317.

⁵⁶ «Русско-польские революционные связи», т. II, с. 87.

⁵⁷ Там же, т. II, с. 397.

⁵⁸ Пантелеев Л. Ф. Указ. соч., с. 315.

⁵⁹ Там же, с. 311.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 203 СА, л. 1.

⁶¹ См.: Баренбаум И. Е. К вопросу о распространении прокламации «Барским крестьянам» в годы первой революционной ситуации. — «Русская литература», 1966, № 2, с. 199—203.

Б. Т. УТКИН

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ «СОВРЕМЕННОКА» в 1859—1861 гг.

Советскими исследователями посвящено множество научных работ «Современнику», сыгравшему огромную роль в истории русской литературы, развитии передовой общественной и философской мысли России, в революционном движении и революционной пропаганде¹.

В деятельности революционно-демократического лагеря в период революционной ситуации 1859—1861 гг. «Современник» занимал особое место. М. Н. Слепцова, жена и соратник А. А. Слепцова, одного из организаторов первой «Земли и Воли», описывая в своих воспоминаниях обстоятельства создания этой организации под руководством Н. Г. Чернышевского, указывает: «Решено было применять различные способы воздействия на умы современников. Во-первых, путями совершенно легальными, практиковавшимися и до того времени, т. е. через легальную прессу. Но так как журнальная литература доступна только высшим слоям общества, то решено было расширить работу в сторону масс: издание популярных книг, организация читален с очень дешевой платой, устройство сети воскресных школ.

Во-вторых, путь тайный, нелегальный: сеть пятерок для пропаганды революционных идей, долженствовавшая охватить всю Россию. Подробности разработаны не были и через короткое время идея пятерок слилась с практикой «Земли и Воли».

Главным центром легальной работы был, конечно, «Современник Чернышевского» (подчеркнуто нами. — Б. У.)².

Здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом — журнал, сыгравший огромную историческую роль, выпускался даже в период наивысшего своего расцвета тиражом всего в 5—7 тысяч экземпляров. Такой тираж был безусловно совершенно недостаточным для России.

Цены на журналы, книги, газеты в сравнении с ценами на предметы первой необходимости и реальными доходами подав-

ляющего большинства населения, включая мелкое чиновничество и интеллигенцию, были непомерно высокими. Годовая подписка на «Современник», как и на другие толстые журналы, стоила 15 рублей серебром — деньги по тем временам очень большие.

Еще В. Г. Белинский писал по этому поводу: «Люди, которые были бы в состоянии приобретать не только книги, но и целые библиотеки, — эти-то люди у нас всего менее и всего реже покупают книги, особенно русские. Наша книжная торговля держится читателями, или весьма богатыми, или просто бедными, поэтому охотники почитать и купить книгу у нас редко дозволяют себе это удовольствие. И как же иначе? У нас книги дороже золота»³.

Но и после Белинского, в 1850—1860-е годы, положение не изменилось. «В условиях феодально-крепостнической системы русская журналистика развивалась на весьма суженной технической и материальной базе. Узкий круг читателей приводил к нерентабельности и даже к прямой убыточности периодики. Маленькие тиражи тормозили развитие типографского производства в России. В то же время слабая техническая оснащённость типографий не позволяла выпускать издания большими тиражами»⁴.

Складывался заколдованный круг, выход из которого был только один — организация библиотек. Без библиотек самого различного характера прогрессивные легальные и нелегальные издания, выпускавшиеся удивительно мизерными для огромнейшей страны тиражами, не оказали бы на Россию и русское общество и десятой доли того воздействия, которое было бы достигнуто на самом деле.

Н. Г. Чернышевский и его соратники правильно оценивали значение деятельности библиотек в этих условиях для пропаганды революционно-демократической литературы и прежде всего для распространения «Современника». Период революционной ситуации ознаменовался в России массовым движением за открытие библиотек как в столичных городах, так и в провинции.

1859-й год — год прямо-таки библиотечного «взрыва» в русской провинции и в частности на Урале⁵, вряд ли можно объяснить только общими условиями общественного подъема, назреванием революционного кризиса в стране, некоторым ослаблением цензурного режима. Думается, что здесь был не только стихийный процесс, но и сознательные усилия руководства революционно-демократического лагеря во главе с Чернышевским. О том, что открытие библиотек в 1859 году проходило под руководством революционно-демократического лагеря, свидетельствует история создания и деятельности революционно-демократических библиотек и кружков А. А. Красовского в Вятке

и А. И. Иконникова в Перми, история сельской библиотеки А. Н. Зырянова в Зауралье.

Придавая огромное значение «Современнику», Н. Г. Чернышевский регулярно, начиная с 1859 года, с помощью литературных сотрудников журнала составлял и опубликовывал ежегодно «Сведения о числе подписчиков на «Современник», в которых подводились итоги распространения в стране легального органа революционно-демократического лагеря⁶. В монографии В. Евгеньева-Максимова этим «Сведениям» отведено две неполных странички⁷.

Более подробно научному рассмотрению содержание «Сведений» Н. Г. Чернышевского подверг Н. В. Здобнов, сделавший вывод о создании Чернышевским «**новой разновидности** библиографии»⁸. С точки зрения истории изучения читательских интересов в России «Сведения» очень бегло затронуты в книге Б. В. Банка⁹. «Сведения» Н. Г. Чернышевского и его помощников явились основой для содержательной статьи И. Г. Лиоренцевич, специально посвященной вопросам географии распространения «Современника»¹⁰.

Но нам кажется, что основной смысл этих регулярно появляющихся сводок заключался в том, что они, представляя собой легальные циркуляры для провинциальных революционно-демократических библиотек и кружков, наглядно показывали, где достигнуты успехи в распространении «Современника», а следовательно и революционных идей, и где это распространение отставало.

В первых «Сведениях» (на 1859 год) Н. Г. Чернышевский прямо писал: «Отчего ни одного экземпляра «Современника» не выписывается, напр., в следующих городах: в Коле, в Пинеге, в Черном Яре, в **Великом Устюге**, в Боровске, в Буе, Кологриве, Лухе и Пучеже (Костромск.), в **Верее** и **Звенигороде** (Московск.), в Каргополе, **Олонце** и Повенце (Олонец.), в Мокшанске, **Чердыни**, **Пронске**, в Гатчине, **Ораниенбауме**, **Павловске** и **Стрельне**, в Балаклаве и Кинбурне, в **Борисоглебске** и **Спаске**, в Алексине и Ефремове, в Романове-Борисоглебске и проч. Мы, разумеется, наклонны к тому, чтобы сделать упрек всем таковым городам, не имеющим **ни одного** подписчика на «Современник»¹¹.

Здесь Чернышевский назвал 28 городов, в которых в 1859 году «Современник» не выписывался совсем. Что произошло после «упрека» — об этом наглядно свидетельствует составленная нами по «Сведениям» таблица подписки на «Современник» в этих же городах за 1860 и 1861 гг.:

Итак, в этих городах, в которых в 1859 году «Современник» не имел подписчиков, в 1860 году выписывалось уже 58 экземпляров, а в 1861 году — 61 экземпляр. Случайность ли это? Конечно, нет. Вопрос может быть поставлен только таким образом: был ли «упрек» Чернышевского 28 городам советом

	1860 г.	1861 г.
1. Кола (Архангельск.)	—	—
2. Пинега (Архангельск.)	—	—
3. Черный Яр (Астраханск.)*	1	3
4. Великий Устюг (Вологодск.)	1	1
5. Боровск (Калужск.)	2	3
6. Буй (Костромск.)	2	3
7. Кологрив (Костромск.)	1	2
8. Лух (Костромск.)	1	2
9. Пучеж (Костромск.)	1	—
10. Верея (Московск.)	2	2
11. Звенигород (Московск.)	1	1
12. Каргополь (Олонецк.)	—	1
13. Олонец (Олонецк.)	1	1
14. Повенец (Олонецк.)	1	1
15. Мокшанск (Пензенск.)	3	3
16. Чердынь (Пермск.)	1	1
17. Пронск (Рязанск.)	3	2
18. Гетчина (С.-Петербургск.)	5	1
19. Ораниенбаум (С.-Петербургск.)	—	2
0. Павловск (С.-Петербургск.)	—	2
21. Стрельна (С.-Петербургск.)	—	—
22. Балаклава (Тавричск.)	—	—
23. Кинберн (Тавричск.)	—	—
24. Борисоглебск (Тамбовск.)	6	9
25. Спасск (Тамбовск.)	2	3
26. Алексин (Тульск.)	7	7
27. Ефремов (Тульск.)	14	11
28. Романов-Борисоглебск (Ярославск.)	3	—

* В «Сведениях» на 1861 г. (Полн. собр. соч., т. 10, с. 456) опечатка: Черный Яр назван Царевым Яром.

авторитетного, всеми уважаемого человека или это был сигнал революционного центра местным кружкам и организациям?

Во всяком случае, это было организованное действие, поскольку в провинции нашлись силы, которые сразу же выправили создавшееся положение. Даже то обстоятельство, что не во всех городах была организована подписка, нисколько не противоречит данному предположению, тем более, что лишь в некоторых, очень немногих местностях подписку не удалось организовать. Следует заметить, что все названные Чернышевским города находились в Европейской части России, среди них не было ни одного сибирского. Известно, что при создании «Земли и Воли» решено было не образовывать отделений этой организации в Сибири из-за огромных расстояний.

Нам представляется, что призыв Чернышевского к подписке был прежде всего обращен к библиотекам и к их организаторам, а не к индивидуальным подписчикам: дело требовало не формально-статистических показателей, а широкого обращения «Современника» среди читателей.

Среди городов, в которых «Современник» в 1859 г. не выписывался, Н. Г. Чернышевский называет один уральский — Чердынь. В 1860 г. Чердынь вошла в число городов, выписывавших «Современник». По расчетам Чернышевского, принимавшего во внимание численность населения, Урал («северо-восток») отставал в отношении подписки. Но все-таки уральские губернии — Пермская и особенно Оренбургская — быстро увеличивали количество выписываемых экземпляров «Современника». Оренбургская губерния (вместе с Уральским казачьим войском) в 1861 году заняла по подписке на «Современник» 18-е место (в 1859 году Оренбургская губерния стояла на 22-м месте).* «Современник» выписывали не только в Оренбурге и Уфе, но и во многих захолустных городах и поселках края — например, в Челябинске, насчитывавшем тогда всего несколько тысяч жителей.

Распространение «Современника» зависело во многом от деятельности политических ссыльных, кружков студенческой и вообще разночинской молодежи, прогрессивно настроенных молодых офицеров. Чернышевский, конечно, никак не мог говорить об этом. Он даже заявил, начиная свою работу над «Современником», что «никаких общих выводов из нее нельзя делать, потому что неизвестно от чего зависит большее или меньшее количество подписчиков на «Современник» в разных местностях»¹².

Однако факты из истории распространения передовой литературы на Урале и в других районах страны раскрывают напряженную, скрытую борьбу за распространение «Современника» и других революционно-демократических изданий среди читателей России.

Ссылному поэту-петрашевцу А. Н. Плещееву пришлось вести борьбу при организации гарнизонных библиотек в Оренбургском крае за выписку «Современника», который местное начальство упорно стремилось заменить беспринципной и реакционной «Библиотекой для чтения»¹³. Известно, что А. Н. Плещеев и после ссылки настойчиво распространял журнал «Современник» среди своих знакомых в Оренбургском крае¹⁴.

Все известные нам библиотеки Урала того времени, за исключением лишь очень немногих, во главе которых стояли реакционеры, обязательно выписывали «Современник», а библиотека А. А. Залежского в Перми выписывала журнал Чернышевского даже в трех экземплярах¹⁵.

* «Сведения» включают 74 административные единицы.

Интересный пример можно привести с городом Темир-Хан-Шура (Буйнакск) — в таблицах Чернышевского название этого небольшого кавказского городка значится со значительным показателем подписки на «Современник»: 9 экземпляров в 1859 году, 15 — в 1860 и 14 — в 1861. Между тем из воспоминаний Н. П. Хитрово известно, что в это время в Темир-Хан-Шуре жил петрашевец Н. А. Момбелли, переведенный с Южного Урала на Кавказ. Момбелли активно участвовал в работе библиотеки офицерского клуба и регулярно снабжал ее не только легальными, но и такими запрещенными изданиями, как «Полярная звезда» и «Колокол»¹⁶.

Таким образом, библиотеки 50—60-х годов XIX века явились необходимым звеном, содействующим распространению журнала «Современник», что позволило революционно-демократическому лагерю в значительной мере нейтрализовать отрицательные последствия малотиражности и дороговизны своего главного периодического издания.

Путем публикаций «Сведений о числе подписчиков на «Современник» Н. Г. Чернышевский установил связь с этими библиотеками и революционно-демократическими силами страны прямо на страницах своего журнала. Известно, что Чернышевский был очень изобретателен в способах и приемах ведения революционной работы и пропаганды. «Сведения» представляют собой один из таких приемов, который позволял Чернышевскому инструктировать, оповещать своих единомышленников самым оперативным путем, не вызывая никаких подозрений у цензуры. Именно в этом, а не в социолого-статистических выкладках, игравших вспомогательную роль, заключалась, по нашему мнению, главная цель «Сведений».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. 662 с.; Козьмин Б. П. Журнал «Современник» — орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957. 84 с.; Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. М., 1957. 196 с., а также многие другие работы.

² Слепцова М. Н. Штурманы грядущей бури. (Из воспоминаний). — «Звенья», 1933, кн. 2, с. 407.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1955, с. 341.

⁴ Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., 1971, с. 158.

⁵ Интересно отметить, что на Урале создавались специальные журнальные библиотеки — такая библиотека начала действовать в Уфе в 1858—1859 гг. (ею заведовал чиновник Ножин), была попытка организации Захаровым подобной библиотеки и в Оренбурге (М., «Оренбург. губ. вед.» (ч. неофиц.), 1859, 21 ноябр., № 7, с. 268; 1860, 2 апр., № 14, с. 63).

⁶ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950, с. 418—428, 890—908. Т. 10. М., 1961, с. 454—479.

⁷ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 467—468.

⁸ См.: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., 1955, с. 315—319.

⁹ См.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 18—19.

¹⁰ Лиоренцевич И. Г. Из истории распространения журнала «Современник» в 1859—1861 гг. — «Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР», 1961, т. 5, с. 253—262.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 7, М., 1950, с. 427.

¹² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 7, М., 1950, с. 426.

¹³ См.: Литературный архив. 1961, вып. 6, с. 233—234.

¹⁴ См.: Шестидесятые годы. М. — Л., 1940, с. 453—468.

¹⁵ См.: Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891, с. 88—89. А. А. Залежский, прогрессивный деятель народного образования на Урале и Поволжье, был родственником семьи Ульяновых.

¹⁶ См.: Хитрово Н. П. Воспоминания об одном из петрашевцев (Н. А. Момбелли). — «Русская мысль», 1909, № 7, с. 88—108.

Н. А. КОСТЫЛЕВА

**МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В СРЕДЕ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА
(70-е — начало 90-х гг. XIX века)**

В книговедческой литературе, посвященной читателю социально-экономической литературы, вопрос о рабочем — читателе марксистской книги совершенно не изучен. Рабочий как социальная категория, как ведущая фигура в революционном движении России является предметом специального изучения многих советских историков, философов, экономистов, социологов. Некоторые из них рассматривали участие рабочих в распространении запрещенных книг революционного содержания, но о рабочем как о читателе говорилось лишь попутно.

Настоящая статья специально посвящена рабочему как читателю марксистской книги во второй период освободительного движения в России. При этом автор следует ленинской типологии рабочего читателя. В. И. Ленин изучал рабочих на протяжении всей своей деятельности. Он часто говорил с ними, «расспрашивал их о всех мелочах жизни на заводе, внимательно прислушиваясь к их случайно брошенным замечаниям, к постановке ими вопросов, приглядываясь к уровню их знания, к тому, что и почему они не понимают в том или ином вопросе», — вспоминала Н. К. Крупская¹.

Изучая читательские интересы рабочих, их понимание прочитанного, духовные запросы, склад мышления и манеру выражения мыслей, В. И. Ленин пришел к выводу о неоднородности состава аудитории читателей-рабочих. Он указывал, что аудитория читателей-рабочих подвижна и противоречива, подвержена резким сменам настроения, крепко держится за старые привычки и обычаи, и поэтому необходим специфический подход к читателям из рабочей среды.

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии», написанной в конце 1899 года, Ленин писал, что будущая русская марксистская печать должна ориентироваться на три ярко выраженных типа читателей рабочих. При группировке

читателей-рабочих Ленин принимал за исходное их политическую зрелость, реальную и потенциальную политическую активность. Ленин писал о трех типах читателей-рабочих.

К первому типу он относил читателей-рабочих, «которые, несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике, находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться выработать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». Ленин отмечал малочисленность этого типа читателя из рабочих.

Ко второму типу читателей-рабочих Ленин относил «широкий слой средних рабочих», которые «жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения».

К третьему типу читателей-рабочих В. И. Ленин относил «низшие слои пролетариата», для которых социалистическая литература «вовсе или почти вовсе недоступна», и которым Ленин рекомендовал «брошюры, написанные наиболее популярно»².

Архивные материалы, воспоминания современников — деятелей революционного движения, самих рабочих, жандармские доносы и дознания свидетельствуют о том, что несмотря на гонения, связанные с чтением и распространением антиправительственной литературы, в среде российских рабочих читались книги социально-экономического содержания, складывались традиции чтения³.

В. В. Берви-Флеровский, например, еще в 1862 году знал одного петербургского рабочего, едва умевшего читать, но интересовавшегося книгами. «Какими-то судьбами, — писал Флеровский, — ему попала в руки история Англии. Отсюда он узнал, что англичане переносили всевозможные мучения и страдания», совершали революции, не хотели платить подати. Этот рабочий, под влиянием прочитанного, стал уговаривать своих товарищей поступать точно так же. Те перестали платить подати, но, увидев, что это может окончиться тюремным заключением, все, кроме одного этого рабочего, уступили. Он же, по словам Флеровского, «...остался неизменно верен своему решению и много лет боролся один против всей силы царства русского»⁴.

Чтение трудящимися массами литературы социально-экономической тематики, предназначенной специально для них, в значительной степени связано с распространением прокламаций. Первые нелегальные антиправительственные издания появились в начале 60-х гг. XIX века, что было связано с деятельностью общества «Земля и Воля». Важнейшие прокламации подгото-

вили петербургский революционный центр, московский революционный кружок и несколько периферийных кружков.

Прокламации и другие нелегальные издания распространялись среди учащихся воскресных школ (в 1862 г. в разных городах России насчитывалось 274 воскресные школы). В целях усвоения содержания прокламаций для рабочих был издан «Революционный словарь», в котором давались объяснения понятиям «Революция», «Конституция», «Либерал», «Антагонист», «Нация» и др. Словарь был отобран у ученика воскресной школы, рабочего И. Г. Антонова⁵.

Специальные обследования читательских интересов, проведенные в 1867—1868 гг. различными учреждениями министерства внутренних дел, выявили интерес к антиправительственной литературе в среде простолюдинов. Обследование показало, какие газеты и в каком количестве экземпляров расходятся в Петербурге в розницу, какие группы населения покупают их. Оказалось, что наибольшим вниманием столичных читателей пользуются газеты, подвергавшиеся «чаще других административным взысканиям или судебному преследованию»⁶.

Таким образом, во второй половине 70-х годов XIX века появился рабочий-читатель с различным уровнем образования, с разнообразными духовными интересами, воспринимавший литературу социальной направленности в зависимости от своей политической зрелости. К моменту появления первых русских переводов марксистских произведений в среде рабочих, под влиянием революционной агитации и пропаганды, складывались традиции чтения антиправительственной литературы, формировался тип читателя-рабочего, способного воспринять идеи марксистских трудов.

«Любой рабочий, — читаем в агентурной записке, датированной 17-го марта 1876 года, — рассуждает об интересующих его вопросах, читает не только общедоступные книги, но нередко следит за периодической печатью, причем останавливает свое внимание исключительно на статьях политических или либерального направления, дающих повод по преимуществу к осуждению правительственных распоряжений»⁷.

Г. В. Плеханов оставил нам тонкие наблюдения о петербургских рабочих, их читательских интересах, их отношении к книге и чтению в воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении».

Так называемые заводские рабочие, составляющие значительную часть петербургского рабочего населения, родившиеся и прожившие всю жизнь в городе, по общеобразовательному цензу отличались от фабричных, выходцев из деревни. Среди заводских рабочих Г. В. Плеханов «не встречал людей, совершенно не бывших в школе. Одни из них учились в обыкновенных городских первоначальных школах, другие в школах Технического и Человеколюбивого Обществ»⁸.

По отношению рабочего к книге, чтению делались выводы о классовой сознательности: «Если человек не ходит на чтения, — говорили рабочие, — то на него надежды мало; и наоборот: чем внимательнее следит он за ними, тем с большей уверенностью можно сказать, что он станет со временем надежным революционером»⁹.

Заводские занимались самообразованием, читали литературу по различным отраслям знаний. Плеханов рассказывает об одном рабочем А. Е. Городничем, который, работая по 10-11 часов в сутки на заводе, ежедневно просиживал за книгами до часу ночи, интересуясь самыми разнообразными вопросами»¹⁰.

Большую роль в приобщении рабочего к социалистической литературе в 70-е годы XIX века сыграли многочисленные народнические организации, студенческие кружки, а также первые рабочие союзы.

Чтению и распространению книг, коллективному обсуждению прочитанного народники придавали немаловажное значение. «Программа рабочих членов партии «Народная воля» гласила: «Члены кружков размещаются по заводам, фабрикам и деревням и заводят новые кружки рабочих и крестьян под разными предлогами, преимущественно вполне легальными. Так, например, заводят свою кассу, библиотеку, чтения и общежития и пр. Обсуждение сообща всяких вопросов и чтение хороших книг разгонят мрак в голове членов кружка...»¹¹.

Известные пропагандисты-народники: П. А. Кропоткин, С. М. Кравчинский, С. С. Синегуб и др. познакомили рабочих с содержанием отдельных глав «Капитала», с устройством I Интернационала, с событиями Парижской Коммуны, с деятельностью и творчеством основоположников марксизма.

Рабочие одного из многочисленных кружков на лекции по политической экономии, прочитанной в январе 1873 года С. М. Кравчинским, узнали о содержании первого тома «Капитала»¹².

В середине 70-х годов народник М. Р. Попов знакомил рабочих с книгой немецкого социал-демократа Йоганна Моста «Капитал и труд»¹³. Изданная в 1873 году в Хемнице эта брошюра представляла популярное изложение первого тома «Капитала». При всех своих недостатках брошюра пользовалась значительным спросом, потому что в то время она была единственным изложением всего содержания первого тома «Капитала» в кратком виде — всего 65 страниц¹⁴.

Но не только петербургские рабочие знакомились с социалистической литературой. Чуть ли не во всех городах Российской империи, где только велась пропаганда, «считалось необходимым, — писал Н. Волков, — знакомить рабочих с историей Великой Революции и Парижской Коммуной, а также с теорией ценности Маркса, которая излагалась устно или по одному из

многочисленных ... рукописных конспектов, ...ходивших по рукам»¹⁵.

По свидетельству С. Мицкевича, рабочие московских заводов, посещавшие кружки революционной молодежи, обсуждали теорию прибавочной стоимости К. Маркса¹⁶.

Рабочий Алексей Козырев взял в библиотеке Ярославского общественного клуба первый том «Капитала», чтобы познакомиться с его содержанием¹⁷.

Разумеется, рабочему этот труд К. Маркса был недоступен, но, по утверждению П. А. Кропоткина, петербургские рабочие «...освоились с радикальной и социалистической литературой того времени, и Бокль, Лассаль, Милль, Дрэпер, Шпильгаген стали для них знаковыми именами»¹⁸.

Стремление к знаниям, заинтересованность в литературе социально-экономического содержания, необходимость иметь всегда под рукой нужную книгу — все это послужило толчком для создания рабочих библиотек. В 70-х годах XIX века во многих российских промышленных городах, где зарождалось массовое пролетарское движение и возникали рабочие кружки, стали возникать рабочие нелегальные библиотеки, например, в Петербурге, Одессе, Ростове¹⁹.

За пользование библиотеками с рабочих взималась плата: взносы одесских рабочих — 7 копеек в месяц²⁰, петербургских рабочих — 1% с их месячного жалованья. Иногда суммы, предназначенные для покупки книг, достигали значительной цифры; например, сумма, собранная рабочими патронного завода в Петербурге якобы для собственных нужд, составляла 100 рублей. Значительная часть этих денег предназначалась для покупки книг, которые приобретались преимущественно в книжном магазине А. А. Черкесова, отпускавшего иногда книги со скидкой от 20 до 60%, а при случае содействовавшего в приобретении запрещенной книги. Запрещенные, изданные за границей книги доставляли С. Кравчинский, Д. Клеменц, И. Гауэнштейн и М. Куприянова. Библиотека «Южно-российского рабочего союза» пополнялась также книгами, привезенными из-за границы²¹.

Наиболее активные читатели из рабочих сами принимали участие в распространении запрещенных книг. В частности, рабочие, связанные с железнодорожным транспортом, перевозили книги в различные города и местности²².

Речь, произнесенная на суде в 1877 году Семеном Агаповым, вскрывает мотивы, почему читатели из рабочих стали распространять запрещенные книги: «Я много думал о средствах улучшения быта рабочих и, наконец, сделался пропагандистом. Цель моей пропаганды заключалась в том, чтобы подготовить рабочих к социальной революции, без которой им, по моему мнению, никогда не добиться улучшения своего положения»²³.

Фонд рабочих библиотек состоял из книг, распространяемых в свое время чайковцами в 37 российских губерниях. Распространяемая среди рабочих литература социально-экономического содержания, по своему читательскому назначению была самой разнообразной: от популярной, предназначенной для широкой массы читающих рабочих (агитационная литература русских революционных народников), до произведений Карла Маркса (первый том «Капитала», «Гражданская война во Франции», различные документы I Интернационала). За период 1872—1877 годы вместе с переизданиями народники выпустили 37 пропагандистских брошюр, в которых рассматривались вопросы, касающиеся социально-экономического положения народа, а также программно-тактические вопросы предстоящей революции. Издания 1875—1877 гг. знакомили рабочего с общими теоретическими проблемами, в основном, с политико-экономическими, а также с идеей «крестьянского социализма»²⁴.

Чтение брошюр, пропагандировавших опыт европейского пролетариата в борьбе с угнетателями, способствовало пробуждению сознания рабочих, повышению их революционной активности.

Процесс формирования рабочего под воздействием пропагандистских брошюр прослеживается на примере жизни известного рабочего-революционера П. А. Моисеенко. Его путь к марксистской книге типичен для рабочих 70-х годов. «С(...) момента, когда мне попались впервые нелегальные брошюры: «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Сказка о копейке» и, «Революционный песенник», — вспоминал П. А. Моисеенко, — (...) и начинается мое пробуждение от старого, религиозного учения»²⁵.

По приезде в Петербург, Петр Моисеенко устроился на фабрику Шау, попал в артель, состоявшую из слушателей вечерних курсов. «Меня, — впоследствии вспоминал он, — сейчас же посвятили во святая святых. Я тоже стал ходить и учиться. (...) С жадностью я набросился на книги, как легальные, так и нелегальные; читал не только в свободное время, но также и за работой. (...). Все же систематических занятий не было вплоть до знакомства с Плехановым, с которым мы начали разбирать «Податный вопрос» Шелгунова. Благодаря Плеханову, я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе. На всех нас сильное впечатление произвел роман Швейцера «Эмма» (революция 48-го года) *. Мы все рвались к бою»²⁶.

Но, говоря о положительном влиянии агитационных брошюр на формирование читательских интересов рабочих, нельзя

* Речь идет о романе одного из лидеров лассальянского движения в Германии И. Швейцера «Эмма» (1872), посвященном восстанию рабочих. Роман имел большой успех среди рабочих, был запрещен царской цензурой и распространялся нелегально.

забывать о следующем обстоятельстве. Брошюры, предназначенные для самых широких масс, для читателей не только малоподготовленных, но и просто малограмотных, а то и вовсе неграмотных, не могли удовлетворить запросы тех грамотных читателей-рабочих, чьи интересы формировались под влиянием чтения социально-экономической литературы отечественных и зарубежных авторов, кто посещал лекции пропагандистов-народников. Г. В. Плеханов, начавший пропагандистскую деятельность среди петербургских рабочих в 1875 году, писал впоследствии о том, что «революционные брошюры-сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрице Наумовне и проч... годились разве только для ничего не читавших новичков». По наблюдениям Плеханова, из пропагандистских книг петербургские рабочие считали «основательным чтением» «Хитрую механику» статистика В. Е. Варзара и «Сытые и голодные» бакуниста З. Ралли-Арборе.

«На все остальные революционные брошюры для народа, — вспоминает Г. В. Плеханов, — они смотрели как на нечто слишком уж элементарное. «Это для серых», говорили о них заводские рабочие. Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначенным для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было вопросом чести»²⁷.

Среди рабочих большой начитанностью отличался С. Халтурин. Читал он так, вспоминал Г. В. Плеханов, «как умеют читать только немногие. Он всегда хорошо знал зачем именно раскрывал такую-то книгу. К тому же мысль постоянно шла у него рука об руку с делом. Все внимание его было поглощено общественными вопросами, и все эти вопросы, как радиусы из центра, исходили из одного коренного вопроса о задачах и нуждах нарождавшегося русского рабочего движения»²⁸. По утверждению С. Кравчинского, Халтурин перечитал всего Костомарова, всю литературу по истории революций 1789 и 1848 гг., истории рабочего движения на Западе и современному политическому положению в Европе²⁹. Пользуясь большим авторитетом среди рабочих, Халтурин влиял на формирование их интересов. Не без его влияния стал приобщаться к чтению литературы по революционному движению народник Н. С. Русанов³⁰.

Сведения о С. Халтурине, читателе социально-экономических произведений, позволяют сделать вывод о том, что его теоретическая подготовка позволяла ему воспринимать идеи марксистских трудов.

Первое публичное заявление о читательских интересах рабочих, как отмечает Б. В. Банк³¹, исходило от рабочего-рево-

люционер П. Алексева. Говоря о положении рабочих, о жесточайшей эксплуатации, которая лишает их возможности удовлетворять самые необходимые человеческие потребности, П. А. Алексеев высказался и о духовной жизни рабочих, в частности о содержании чтения рабочих, об их читательских интересах: «Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька-Каин», «Жених в чернилах и невеста во шах», и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг, а в особенности если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении. Тогда уж держись! Ему прямо говорят: «Ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги»³².

Репертуар революционно-демократической, социалистической и атеистической литературы, составившей круг чтения подпольных революционных кружков³³, позволяет судить о том, что русские рабочие, наряду с книгами социально-экономического содержания отечественных и зарубежных авторов, знакомились и с марксистской литературой, хотя привлеченные из них по делу о революционной пропаганде в своих показаниях отрицали чтение той или иной книги³⁴. Но это лишь обычный прием запутывания следствия, когда обвиняемые отрицали предъявляемые им обвинения. И хотя крайне низкий общеобразовательный уровень читателя из рабочей среды не мог способствовать восприятию легально изданного первого тома «Капитала» К. Маркса, тем не менее, благодаря деятельности пропагандистов-народников, рабочие познакомились с некоторыми идеями марксистских работ. Знакомство с теорией К. Маркса и западно европейским рабочим движением помогло в дальнейшем передовым, наиболее сознательным рабочим (Петру Алексееву, П. И. Моисеенко и другим) самим понять и определить общественное значение пролетариата и стать его политическим вожаком.

Чтение социалистической и марксистской книги, усвоение революционного образа мыслей помогло П. Алексееву подготовить речь, произнесенную им на «Процессе 50-ти» (март 1877 г.), которая нелегально переиздавалась и оказывала известное влияние и на читательские запросы части рабочих и на подбор литературы в рабочих нелегальных библиотеках³⁵.

Сложившаяся традиция чтения нелегальной литературы в подпольных кружках и обществах в 70-х годах в дальнейшем

успешно поддерживалась социал-демократическими кружками, группами и организациями.

В 80-е годы XIX века в России улучшилась система образования рабочих. Развивающееся капиталистическое хозяйство нуждалось в квалифицированных рабочих. В 80-е годы стала актуальной задача повышения образовательного уровня промышленных рабочих.

Начиная с 1879 г., во многих российских городах открываются воскресные школы. Согласно «Статистическим сведениям по начальному образованию в Российской империи», в 1898 г. было 528 воскресных школ, 404 повторительных класса и 446 воскресных и вечерних курсов для рабочих³⁶. Вечерне-воскресные школы 80—90-х годов XIX в. отличались от школ 60-х гг. большим количеством преподавателей и более высокой их квалификацией. Возросший уровень преподавания не мог не сказаться на знаниях учащихся этих школ, на изменении их интересов вообще, читательских в частности. Г. И. Успенский, с большим вниманием следивший за читательской аудиторией, поздравил русских писателей с появлением нового читателя, читателя из народной среды.

Однако до появления так называемой «Рабочей библиотеки», которую начала издавать группа «Освобождение труда» в 1884 году, «слой заводских рабочих», по мнению Г. В. Плеханова, был «совершенно лишен подходящих для него социалистических изданий»³⁷. В расчете на «более или менее интеллигентных читателей рабочего класса»³⁸ группа осуществила издание серии «Рабочая библиотека»*.

Большую роль в формировании читательских интересов рабочих, в нейтрализации влияния на них официальной литературы, в максимальном удовлетворении их умственных запросов сыграли социал-демократические группы.

Русские марксисты считали первоочередной задачей сформировать из рабочих — участников кружков, «вполне развитых и сознательных социал-демократов», которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов»³⁹.

Многочисленные социал-демократические группы, появившиеся в середине 80-х годов сначала в Петербурге, а затем возникшие в Москве, Казани, Самаре, Владимире, Нижнем Новгороде, Воронеже, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Харькове, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Вильне, Минске, Риге, Дерпте, Ре-

* В этой серии с 1884 по 1894 гг. были изданы: П. Аксельрод «Рабочее движение и социальная демократия» (1885); С. Дикштейн «Кто чем живет» (1885); «Речь П. А. Алексеева» (1889); В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции» (1890); Г. Плеханов «Ежегодный всемирный праздник рабочих» (1891); «Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих, произнесенных на тайном собрании в Петербурге» (1892); П. Аксельрод «Задачи рабочей интеллигенции» (1893); «Рабочий день» (1894).

веле, сыграли большую роль в приобщении рабочего к марксистской литературе⁴⁰.

Соединение социализма с рабочим движением — сложный и длительный процесс, проходящий несколько этапов. Каждый этап связан с переходом от одной ступени развития классовой борьбы к другой. «Каждый из этих переходов, — отмечал Ленин, — подготовлялся, с одной стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»⁴¹.

Применительно к процессу чтения марксистской литературы в рассматриваемый нами период, когда научный социализм и рабочее движение существовали обособленно, знакомство с марксистскими произведениями в рабочей среде было весьма ограниченным. Русские марксисты привлекали тогда только самых передовых рабочих.

Показателен в этом плане прием, применявшийся П. В. Точисским. «Встретив и разговорившись с тем или иным рабочим, — писал А. Л. Брейтфус, член группы Точисского, — ... и заметив, что собеседник «клюет», он (П. В. Точисский. — Н. К.) уже не выпускал его из виду, шел с ним в чайную или трактир, здесь вступал с ним в длинный разговор, нащупывал почву, выяснял, где и когда он бывает, и потом старался вторично встретиться с ним, а может быть еще и не один раз, чтобы проверить свое первое впечатление. Сам Точисский одевался как рабочий; кроме того он старался говорить языком рабочих, и о революциях — ни слова. Поэтому такие встречи его не вызвали подозрений в собеседнике; часто к ним приставала компания слушателей, которые также не подозревали в Точисском интеллигента, пошедшего в народ. Но сам Точисский был крайне осмотрителен и осторожен с рабочими, он привлекал их к своему делу только после тщательных повторных проверок»⁴².

В этой связи уместно привести слова Ленина о том, что в условиях капитализма лишь наиболее передовая часть рабочего класса, его меньшинство, способно подняться до социалистического сознания. «Было бы маниловщиной и «хвостизмом» думать, — писал Ленин, — что когда-либо почти весь класс или весь класс в состоянии при капитализме, подняться до сознательности и активности своего передового отряда, своей социал-демократической партии»⁴³.

Учитывая неоднородность и различную общеобразовательную подготовку рабочих, фонды некоторых библиотек формировались соответственно возможностям читателей. Так, фонд библиотеки петербургской социал-демократической организации, сложившейся в 1889—1891 гг. и известной как группа Бруснева, делился на три части в зависимости от подготовки читателей: для начинающих читателей, читателей среднего развития, высо-

коразвитых читателей и руководителей кружков самообразования.

Для приближения марксистской книги к читателю-рабочему, кроме библиотек при центральных кружках создавались библиотеки на квартирах рабочих. Группа Д. Н. Благоева, например, практиковала устройство «летучих библиотек», а члены группы П. В. Точисского сами доставляли рабочим книги. Впоследствии библиотекарь группы Точисского А. Л. Брейтфус писал, что рабочие охотно читали «Хитрую механику», «Царь Голод», «Календарь Народной Воли», биографии и отчасти газеты.

Чтение «Манифеста Коммунистической партии» сопровождалось пояснениями пропагандистов⁴⁴.

Руководству чтением придавалось особое значение. Так, «Рукописная программа М. И. Бруснева для занятий с рабочими» предусматривала знакомство рабочих с основами политической экономии, с историей крестьян в России и на Западе, с историей общественных движений в Европе и в России⁴⁵.

Брусневцы для библиотек нелегальных рабочих кружков подбирали книги по конкретному рекомендательному списку, в который были включены и «Капитал» и его популяризация А. Баха, С. Дикштейна, а также работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁴⁶.

Рабочие крупнейших предприятий Петербурга — Александровского, Балтийского, Обуховского, Охтенских заводов, завода Берды, Арсенала, ткацкой фабрики Варгунина, табачной фабрики «Лаферм», мастерских Петербургско-Варшавской железной дороги пользовались библиотеками марксистских кружков П. В. Точисского и М. И. Бруснева. В библиотеке группы П. В. Точисского были «Манифест Коммунистической партии», «Наши разногласия» Г. В. Плеханова, ряд изданий из «Рабочей библиотеки», издаваемой группой «Освобождение труда»⁴⁷.

У рабочих, близких к организации М. Бруснева, в 1893 году при обыске были изъяты книги из женевской серии «Рабочая библиотека»⁴⁸.

Рабочие кружка в Ростове-на-Дону в первой половине 80-х годов знакомилась с отдельными произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Либкнехта. О Марксе они знали также из работы Н. И. Зиберы «Рабочий день по Марксу». Среди рабочих этих кружков своей начитанностью выделялся Карпенко, который, по словам современника, «не уступал по своему развитию многим интеллигентам»⁴⁹.

Екатеринодарские рабочие наряду с народнической литературой читали работу Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». По утверждению следователя, они «не столь усердно работали..., сколь настойчивы были в достижении своей основной цели — пропаганды»⁵⁰.

Издания группы «Освобождение труда» были известны в среде одесских рабочих. В 1887 г. одесские рабочие собрали около 20 рублей для поддержки группы «Освобождение труда»⁵¹.

О большом стремлении к знанию рабочих Орехова-Зуева писал Н. Е. Федосеев, имевший одно время с ними постоянные контакты. «Они, — писал Н. Е. Федосеев, — сами обращаются... с настоятельными просьбами указать источники для решений тех или других интересующих их вопросов, требуют ответов на возникающие у них насущные вопросы. Зачастую на фабриках, бог весть каким образом, организуются кружки (без руководства интеллигентов), достаются книги, выписываются газеты, происходят дебаты, ведется агитация, устраиваются отношения с рабочими других фабричных районов и деревням»⁵².

По воспоминаниям историка М. Н. Лядова, многие из передовых рабочих действительно изучали Маркса. «Помню, — писал М. Лядов, — на одном кружке после беседы о прибавочной стоимости один рабочий... мне представил точный подсчет того, какую прибавочную стоимость он в год дает своему хозяину. Пример этот был настолько заразителен, что все члены кружка, работавшие в самых различных предприятиях, произвели такой же подсчет»⁵³. Рабочие Харькова в 1884 году изучали «Манифест Коммунистической партии», «Гражданскую войну во Франции», первый том «Капитала»⁵⁴. На собраниях кружков, нелегальных сходках рабочим зачитывалось пропагандистское письмо Н. Е. Федосеева, получившее название «Программа действия рабочих». В ней популяризовались «Манифест Коммунистической партии», произведения Г. В. Плеханова⁵⁵. Подготовленные читатели из рабочей среды самостоятельно изучали марксистские работы.

В конце 80-х — начале 90-х годов читатель-рабочий заявил о своем существовании. Обращения рабочих к писателям Г. И. Успенскому и Н. В. Шелгунову в 1891 году, где они рассказали о своем восприятии творчества писателей, о влиянии произведений этих писателей на становление классового мировоззрения, прозвучали как своеобразные коллективные читательские отзывы.

«Читая Ваши сочинения, — говорится в адресе петербургских рабочих Н. В. Шелгунову, — научаешься любить и ценить людей, подобных Вам. Вы первый признали жалкое положение рабочего класса в России... Вы познакомили нас с положением братьев-рабочих в других странах, где их тоже эксплуатируют и давят... Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы. Те рабочие, которые поняли это, будут бороться без усталости за лучшие усло-

вия. Вы выполнили вашу задачу, — Вы показали нам, как вести борьбу»⁵⁶.

Примечательно, что на маевке 1891 г. один из рабочих ораторов призывал рабочих вооружать себя «сильным оружием». «Это оружие, — говорил рабочий оратор, — есть знание исторических законов развития человечества; нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага»⁵⁷.

В жизни передовых рабочих революционная книга сыграла решающую роль. Они становились активнейшими членами социал-демократических организаций, принимали непосредственное участие в напечатании, распространении и пропаганде социал-демократической, в том числе и марксистской, литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крупская Н. К. Ленин об умении писать для крестьянской и рабочей массы. — В кн.: Ленин — журналист и редактор. М., 1960, с. 305.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 269—270.

³ См.: Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 776, оп. II, д. 41, 43, 87, 92 и т. д.; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в 2-х томах. М., 1964; Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. Т. 2. Ч. 1—2. М., 1950.

⁴ Берви-Флеровский В. В. Записки революционера-мечтателя. М. — Л., 1929, с. 79—80.

⁵ См.: Таубин Р. А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860—1862 гг. — «Вопросы истории», 1956, № 8, с. 83—87.

⁶ Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 16.

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 2. М., 1950, с. 166—167.

⁸ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. М., 1940, с. 13.

⁹ Там же, с. 13.

¹⁰ См.: там же, с. 7.

¹¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 313.

¹² См.: Бортник М. В 70—80-е годы на Трубном заводе. — «Красная летопись», 1928, № 2, с. 183.

¹³ См.: Попов М. Р. Записки землевольца. М., 1933, с. 60.

¹⁴ Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса 1867—1967. М., 1968, с. 85.

¹⁵ Волков Н. Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. — «Былое», 1906, февраль, с. 180.

¹⁶ См.: Мицкевич С. Московские революционные кружки 2-й половины 1870-х годов. — «Каторга и ссылка», 1924, № 4, с. 62.

¹⁷ См.: Трыков Ю. Н. Начало распространения марксистской литературы в Ярославской губернии. — «Вопросы истории», 1956, № 12, с. 120—121.

¹⁸ Крopotкин П. А. Записки революционера. М., 1966, с. 287.

¹⁹ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1. М., 1950, с. 441; Ч. 2. М., 1950, с. 113—117; Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. Сборник материалов. М., 1965, с. 23.

²⁰ См.: Южно-русские рабочие союзы. М., 1924, с. 45.

²¹ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1, с. 457; Ч. 2, с. 131, 445, 452.

- ²² См.: Соколов С. Д. На заре рабочего движения в России. М., 1963, с. 150—167.
- ²³ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 2, с. 43.
- ²⁴ Захарина В. Ф. Голос революционной России. М., 1971, с. 136, 137.
- ²⁵ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966, с. 15.
- ²⁶ Там же, с. 18.
- ²⁷ Плеханов Г. В. Указ. соч., с. 86—87.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Кравчинский С. Собр. соч. Т. 5, с. 96.
- ³⁰ См.: Русанов Н. С. Из моих воспоминаний. Кн. 1. Берлин, 1923, с. 157.
- ³¹ См.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969, с. 167.
- ³² Хрестоматия по истории КПСС. Ч. 1. 1883—1937. М., 1968, с. 10.
- ³³ Агитационная литература русских революционных народников. Поэтические произведения 1873—1875 гг. Л., 1970; Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. 1925—1904. М., 1962; Захарина В. Ф. Голос революционной России. Литература революционного подполья 70-х годов XIX в. М., 1971; Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2. Ч. 1, М., 1950, с. 443—445; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964, с. 226—228; Русская подпольная и зарубежная печать. М., 1935; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. М., 1971.
- ³⁴ См.: Рабочее движение в России в XIX в. Т. 2. Ч. 2. М., 1950, с. 97—163.
- ³⁵ См.: Банк Б. В. Указ. соч., с. 167.
- ³⁶ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Вып. 2. См. также: Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб, 1900, с. 96, 100, 283 и др.
- ³⁷ Плеханов Г. В. Соч. Т. I, М., 1923, с. 143.
- ³⁸ См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8. Ч. I. М., 1940, с. 66—67.
- ³⁹ Бруснев М. И. Возникновение первых социал-демократических организаций. — «Пролетарская революция», 1923, 192, с. 21.
- ⁴⁰ См.: Полевой Ю. З. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 гг. М., 1959.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9, с. 294.
- ⁴² Брейтфус А. Точисский и его кружок. — В кн.: Начало рабочего движения и распространения марксизма в России (1883—1894). М., 1960, с. 251—252.
- ⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 245.
- ⁴⁴ См.: Брейтфус А. Указ. соч.
- ⁴⁵ См.: Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. 2. М., 1952, с. 131—132.
- ⁴⁶ См.: Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. М., 1955, с. 55.
- ⁴⁷ См.: Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи за 1892 и 1893 гг. Б. и Б. Г., с. 35—40.
- ⁴⁸ См.: Начало рабочего движения и распространения марксизма в России. М., 1960, с. 254.
- ⁴⁹ Пешекеров П. К. Пропаганда народолюбцев среди рабочих в Ростове. — В кн.: Народолюбцы после 1 марта 1881 года. М., 1928, с. 124.
- ⁵⁰ Крикунов В. П. Из истории рабочего движения в России в 80-е годы XIX в. — «Научные доклады Высшей школы. Исторические науки», 1961, № 4, с. 59.
- ⁵¹ См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 8, ч. 1. М., 1940, с. 19.

⁵² См.: Федосеев Н. Е. Статьи и письма. М., 1958, с. 128.

⁵³ См.: На заре рабочего движения в Москве. М., 1932, с. 18.

⁵⁴ Невский В. Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других. — В кн.: От группы Благоева к «Союзу борьбы», с. 97—116; «Красная летопись», 1922, № 4, с. 21—27.

⁵⁵ Федосеев Н. Указ. соч. с. 269—271.

⁵⁶ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. и Михайлов М. Л. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М., 1967, с. 394.

⁵⁷ Святловский В. В. На заре Российской социал-демократии. — «Былое», 1922, № 19, с. 155.

Н. Н. ЖИТОМИРОВА

**ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ЗАПРОСЫ И КРУГ ЧТЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(конец XIX и начало XX века)**

Содержание чтения и читательские запросы учащейся молодежи являются показателями общекультурного, литературного развития, интеллектуального потенциала, интересов и идейных устремлений, идеалов, формирующихся у подрастающего поколения всегда в конкретной социальной и исторической среде. Изучение этой проблемы применительно к учащимся средних школ разного типа в очень сложный период предреволюционной России представляет большой интерес для целого комплекса наших научных знаний: социологии и истории педагогики, истории культуры и книговедения, библиотековедения, психологии и педагогики чтения. Проблема эта мало изучена, исследование ее в наши дни только начинается. Скучно или совсем не представлены эти вопросы в трудах обобщающего характера по истории педагогики, русской школы, библиотечного дела. В опубликованном за последнее десятилетие наиболее обстоятельном, специальном исследовании Б. В. Банка «Изучение читателей в России. XIX век» (М., 1969) интересующая нас проблема затронута лишь частично, она не вычленена из всего собранного и проанализированного обширного материала фактов: у автора были свои цели и задачи, хронологические границы.

Среди источников изучения читательских запросов и круга чтения учащихся средних школ России в конце XIX века (90-е гг.) и в эпоху империализма значительное место принадлежит опубликованным в печати брошюрам исследовательского характера, статьям, обзорам, различного рода информационным сведениям, отражающим попытки изучать эти вопросы современниками — представителями научной, педагогической, библиотечной общественности того времени. В статье использованы материалы педагогических журналов России с 1890—1917 гг.,

таких, как «Вестник воспитания», «Женское образование», «Мир Божий», «Педагогический сборник», «Русская школа», частично «Новости детской литературы», «Что и как читать детям», «Труды» первых педагогических съездов, в том числе библиотечного съезда 1911 года, некоторые мемуарные и автобиографические источники.

Известно, что в системе общего среднего образования царской России в эти годы были как государственные открытые и закрытые учебные заведения типа классических гимназий и реальных училищ, военных корпусов, женских институтов, некоторых профессиональных училищ, так и частные среднеучебные заведения для молодежи разного пола. Подавляющее большинство из них было доступно только привилегированной части общества — дворянству и буржуазии, обеспеченным семьям служилой интеллигенции и только в некоторые учебные заведения попадали дети верхней прослойки трудового населения, занятого, главным образом, в развивающейся промышленности и сфере обслуживания.

Старая школа, как писал В. И. Ленин, была «школой муштры, школой зубрежки», оторванной от жизни, и задачей ее было готовить верных и покорных, «услужливых холопов и толковых рабочих». Русская школа развивалась в очень сложных, противоречивых условиях нарастающей классовой политической и идеологической борьбы в стране. Вопреки реакционной политике царизма передовое учительство и известная часть учащихся испытывали на себе разные влияния демократической, революционно-демократической, а в начале XX века и социал-демократической идеологии. Все это двигало школу вперед, сказывалось на развитии запросов, интересов, взглядов, отражалось на содержании чтения молодежи. Книга и чтение, продуманно подбираемый и направляемый круг литературных произведений для учащихся признавались важнейшими каналами образовательно-воспитательного воздействия. Это хорошо учитывалось и в политике царской средней школы. Доказательством тому служат не только ограничительные списки и каталоги для ученических, школьных библиотек, выпускавшиеся специальным комитетом министерства просвещения, но и другие документы и факты контроля за чтением учащихся и руководства им. Возьмем для примера высказывания «Из размышлений инспектора классов» военного корпуса столицы — офицера воспитателя. «...Развитию индивидуальных способностей должно служить и самостоятельное чтение кадет... надо приохотить воспитанников посвящать этому полезному занятию по несколько часов в отпускные дни... Выдачу книг и руководство чтением должен взять на себя ротный командир». Далее автор размышлений отмечает, что содержание такого круга чтения кадет должно отвечать задачам военно-патриотического, монархического воспитания, а воспитателю должно, руководя

чтением, «изучить внутренний мир и нравственный облик воспитанников, следить за развитием их склонностей и интересов». Пример этот взят не случайно. Именно в закрытых военно-учебных заведениях царской России контроль за формированием читательских запросов и содержанием круга чтения за пределами учебной литературы был поставлен четко, весьма продуманно для эффективности осуществления задач классового воспитания и к этому были привлечены значительные педагогические силы*. Офицеры-воспитатели выступали наблюдателями самостоятельного чтения кадет, занимались (не по обязанности) изучением читательских запросов и интересов молодежи, иногда прямо с целями наблюдения за благонадежностью учащихся.

Конец прошлого и начало XX века в России, как и во всем цивилизованном мире, характеризует возросшая тревога за молодежь, забота о необходимом контроле за складывающимися основами ее мировоззрения, словом, оживилась борьба за подрастающее поколение, которая велась, естественно, с разных классовых позиций: реакционно-охранительных, либеральных, демократических, революционно-демократических. Это было время первых научно-экспериментальных социологических опытов, психологических исследований с воспитательными, педагогическими целями. Они находили место и в деятельности наиболее творческих библиоководов-библиографов. Все это отражала педагогическая печать¹.

Прежде всего, следует назвать два общие главные положения, которые единодушно отмечаются во всех статьях и информационных материалах по проблемам чтения детей и юношества в ведущих педагогических журналах России 90-х гг. XIX в. и первых десятилетий XX в. Они привлекали внимание, вызывали тревогу передовой части педагогической общественности, что подтверждается и проводимыми тогда обследованиями.

Прежде всего отмечалась все возрастающая тяга молодежи к знаниям, книгам, чтению, по сравнению и с предшествовавшими десятилетиями прошлого века, начиная с 60-х гг. Большинство учащихся школ (речь, естественно, шла о тех, кто мог получать образование в средней школе) способны были отдавать чтению много времени, даже по несколько часов подряд и при опросе едва ли не массовым ответом было, что чтение самое любимое их занятие. Таковы, например, данные, собранные в начале XX века путем анкеты, опубликованной на страницах прогрессивного детского журнала «Юный читатель» и обобщенные в статье К. Левина «Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь»². На статью эту потом часто ссылаются в педагогической печати другие авторы. Естественно, вставал вопрос: а как же обеспечена была эта тяга молодежи

* Со времени основания «Педагогического сборника» в 1864 г.

к книгам и чтению? И тут в противоречии с первым положением находилось второе наблюдаемое положение. Педагогическая русская печать конца прошлого и начала нашего века в статьях, докладах, разных выступлениях на съездах, совещаниях, в кружках и обществах, объединявших деятелей просвещения, единодушно констатировала неудовлетворительное положение не только с чтением детей в семье, но, главным образом, в условиях школы и, прежде всего, потому, что состояние домашних, а особенно школьных и классных библиотек находилось на крайне низком уровне. Их убогие, плохо и ограниченно комплектуемые фонды не могли удовлетворить растущие и бурно развивающиеся запросы молодежи.

В статье 1899 г. педагог И. Одесский говорит: «Что внеклассное чтение хороших книг учащимися является могущественным подспорьем для их умственного, нравственного и эстетического развития, — в этом нет никакого сомнения. Эта истина вошла в сознание большинства». Однако он отмечает неудовлетворительное состояние дела на практике, говорит об изменениях в худшую сторону по сравнению с 60-ми гг. «Ученические библиотеки подчиняются самому стеснительному контролю; из них изгоняются некоторые почтенные писатели, журналы, газеты. Литературные чтения становятся редкостью... Вымирает и тип учителя-шестидесятника!»³.

«Более чем неудовлетворительный состав школьных библиотек есть общепризнанный факт,— писала Э. Вахтерова. До сих пор эти библиотеки подчиняются министерским каталогам, которые охотно допуская в эти библиотеки всякий лубочный хлам, очень строго относятся к допущению классических книг. Цензура, как известно, . . . исключительно полицейская»⁴.

О том же говорил Н. А. Рубакин, обследовавший книгоснабжение учащихся в средних школах России в конце XIX века. «...Ученические библиотеки, имеющиеся при каждом учебном заведении... никоим образом не могут быть названы объемными запасами книг, но и помимо своей скудости, они часто носят настолько формальный, казенный отпечаток, что с ними не мирятся ученики, не имеющие что выбрать...» — писал он⁵. Там же он с возмущением замечает, что среди недопущенных для чтения учащихся все сочинения Достоевского, а в некоторых школах даже произведения Е. Тур.

Именно Рубакин убедительно констатировал тот факт, что, при неудовлетворительном состоянии фондов министерских школьных и классных библиотек России, главным источником удовлетворения читательских запросов учащейся молодежи были частные библиотеки, а дети и юношество составляли в них 40—52% читателей (подписчиков, как их называли). В некоторых частных библиотеках молодежь составляла до 80% читателей.

Каналами снабжения литературой, более соответствующей запросам молодежи, надо добавить, были несомненно еще домашние библиотеки и книгораспространение в ученических и студенческих, а позже рабочих нелегальных кружках, откуда к учащимся старших классов гимназий, реальных и профессиональных училищ попадала уже революционная, социал-демократическая, в том числе и марксистская печать. Эти данные подтверждают и материалы библиотечного съезда 1911 года.

Тяга молодежи из разных социальных слоев населения предреволюционной России к знаниям, книге, чтению была велика и непрерывно развивалась в сложной обстановке эпохи первой революции 1905—1907 гг., наступившей вслед за нею реакции, а затем нового революционного подъема. Однако, низкий уровень книгоснабжения, постановки библиотечного дела, отсутствие возможностей у молодежи удовлетворить свои читательские запросы и интересы в условиях школьного обучения, плохое состояние руководства чтением, полицейский надзор за содержанием чтения воспитанников средних школ — все это подрывало положительные тенденции к культурному, гражданскому росту и вело затем к пестрому и в целом неудовлетворительному содержанию чтения подраставшего поколения, даже имевшего возможность приобщаться к знаниям. Еще хуже было положение детей бедноты; им среднее образование было вообще не доступно.

Картину роста эволюции читательских запросов учащихся средних школ 1890-х и начала 900-х гг. мы находим в очерке Г. Рокова «Параллели»⁶, который неоднократно затем упоминается в разных трудах и библиографических списках по вопросам детского, ученического чтения*.

Путем изучения и личных наблюдений, а не только воспоминаний своих школьных лет, автор «Параллелей» проводит сравнение между интересами и запросами учащихся старших классов средних школ 1880-х гг. и современными ему учащимся того же возраста эпохи революции 1905 года.

По мнению Рокова наиболее существенные изменения за период в 20 с лишним лет наблюдаются не столько в количественных и качественных изменениях развития литературы, книжного рынка, в каналах книгоснабжения учащихся, сколько в сознании самой молодежи, в эволюции ее запросов и интересов, литературных вкусов. Он считает, что эти изменения сказались, прежде всего, на отношении юных читателей к художественной литературе, «в особенности к ее корифеям». Рокова как педагога-словесника, естественно, больше всего интересовал этот вопрос. Он замечает, что такие авторы-классики, как Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Некра-

* Г. П. Роков — педагог-словесник, постоянный автор журнала «Вестник воспитания» в 1890—1911 гг.

сов, Островский, стали играть меньшую роль в чтении учащихся, при интенсивно развивающихся запросах на научно-популярную литературу, особенно по естествознанию. Исключение, по данным автора «Параллелей», составляют произведения Л. Н. Толстого, популярность которого в начале XX века наоборот возросла. Этому, по-видимому, способствовала и общественная, полная своеобразного гражданского протеста позиция великого писателя.

Роков справедливо замечает, что лучшая и значительная часть читателей-учащихся 1880-х гг. требовала гражданских мотивов в содержании чтения, «в критике Писарев был их вождем и кумиром», влияние его на умы было поистине огромно... Сейчас иное. Современная молодежь, говорится в очерке, зато развитее эстетически (это касается, главным образом, учащихся старших классов гимназий). Интересны наблюдения Рокова за тем, что «современная молодежь любит своих писателей не только за то, что они изображают (как этим дорожили учащиеся 1870—1880-х гг.!), но больше за то, как они изображают. Ей нравятся «настроения», яркие краски, смелые штрихи, звучная гармония сильных и образных слов... Например, отмечает он, любят: «кровавое перо Андреева, мрачную, могучую и свободную кисть Горького, изящный и вдумчивый рисунок в рассказах Чехова..., выточенные стихи Бунина».

Справедливо замечено, что школьник (гимназист, реалист) начала XX века больше, чем его сверстник прошлых лет, начитан в журналистике, следит за публицистическими ее разделами и больше в курсе общественных дел, политических событий, которые его занимают и волнуют. Не все в этих сравнительных данных очерка Рокова до конца убедительно, но многое подмечено, обобщено справедливо. Это подтверждают и источники другого характера — мемуары, автобиографии разных лиц, разной социальной среды. Обратимся к примерам. Вот факты из воспоминаний о школьном чтении педагога А. Левицкого⁷, учившего в провинции в 80-е гг.: «...я и большинство моих товарищей по школе совершенно не умели читать научные сколько-нибудь серьезные книги, независимо от того были ли мы хорошими или плохими учениками». Не имея возможности находить интересующую литературу в школе, по рассказу Левицкого, учащиеся пользовались нелегальными путями книгоснабжения. Это и способствовало их развитию. «Помнится мы в одиночку ходили к одной бывшей курсистке за книжками... В этой (дом.) библиотеке мы доставали сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Скабичевского, социологию Спенсера, «Вопросы этики» Кавелина и т. п. «нелегальные книги». Тут же автор вспоминает, что помещения таких лиц и их библиотеки не раз подвергались полицейским обыскам, а фамилии хозяев заносились в «проскрипционные» списки.

Конечно, исключительна такая личность, как В. Я. Брюсов, который начал читать очень рано (до 4 лет), пристрастившись к чтению, вошел в пестрый мир художественной литературы. Однако содержание чтения и его детских, школьных лет показывает характерное для времени увлечение научной и научно-популярной литературой. Он вспоминал: «...любимым родом литературы были для меня сочинения по естественной истории. Я чуть не наизусть знал всякие рассказы о животных из книг «по Герману Вагнеру» и Поля Берг, а несколько позже зачитывался Брэмом»⁸. И рядом с французскими бульварными романами Брюсов-гимназист читал «все научные книги, какие попадались под руку».

Показателен для поколения русской интеллигенции начала века характер и содержание чтения такого гимназиста, каким был известный советский писатель В. М. Каверин⁹. Мальчиком он сочинял стихи, подражая Жуковскому, «которого узнал прежде Пушкина и полюбил на всю жизнь...», увлекся Блоком, а затем Ибсенем, потому что о нем спорил старший брат Лев с гимназическими товарищами. При чтении ему «всегда слышалось что-то музыкальное — взлеты громкости, повторение мелодии, чувство времени, которое у каждого писателя было своим». Тургенев казался ему медленным, длинным; Гончаров обстоятельным, а Достоевский стремительным, энергичным, требовательным и злым. И долго до 1918 г. он, как признается в автобиографическом романе, мало знал о русской освободительной борьбе.

Об интенсивном росте интеллектуального потенциала, жадном интересе к событиям общественной, литературной, научной жизни у учащейся молодежи из среды средней интеллигенции, кончавшей гимназии в конце прошлого и начала нашего века в разных центрах России, свидетельствуют и воспоминания старшей советской писательницы М. С. Шагинян о чтении и читательских интересах в дни ее юности. Она также рассказывает о хаотичности своего чтения в гимназические годы, поисках нужных книг в публичных и домашних библиотеках, бурных спорах о прочитанной художественной, научной, философской литературе среди молодежи¹⁰.

Педагогические обследования чтения учащихся-подростков, проведенные в первые десятилетия нашего века, также подтверждают значительное расширение читательских потребностей, запросов и одновременно невозможность их удовлетворения в тех конкретно-исторических условиях. По этим обобщенным в печати данным можно представить себе некоторые характерные черты содержания чтения, определяемые принадлежностью к той или иной социальной среде, обучением в том или ином типе среднеевропейского заведения. Можно обнаружить в этой далеко, конечно, не полной и частично противоречивой картине некоторые, по-видимому, характерные для тех поколе-

ний юных читателей недостатки чтения, которые подмечали педагоги у своих воспитанников.

Посмотрим, какие факты дают нам эти картины, как это выглядит у учащихся разного типа средней школы в предреволюционной России? Начнем с закрытых военно-учебных заведений.

Наиболее обстоятельно собранные и обобщенные факты дает обследование чтения старших воспитанников кадетских корпусов, проведенное с октября 1903 года и обобщенное в статьях И. С. Симонова в «Педагогическом сборнике» в 1905 году*¹¹. Основной метод обследования — анкетный опрос. Его проводили преподаватели-словесники, офицеры-воспитатели, даже некоторые начальники военно-учебных заведений, заинтересовавшиеся этим педагогическим экспериментом.

Собрано было от учащихся 989 ответов. На первый вопрос анкеты — любят ли читать и почему? — из всего количества отвечавших только 7 человек дали отрицательный ответ. Мотивы отрицательных ответов: «не люблю, так как терпенья не хватает сидеть за книгой»; «читать не люблю, так как многого из прочитанного не понимаю»; «мне и без того надоело читать учебные книги». Среди ответов на вопрос, почему любят читать, многие подчеркивают пользу, многие удовольствие, эстетическое наслаждение от чтения. Характерны и такие ответы: «Чтение люблю, но исключительно романы, они убивают скучное время в корпусе...»; «Книга заставляет отрешиться хоть на время от окружающей обстановки, рисует жизнь настоящую с ее треволнениями и бурями». Есть более развернутые ответы-размышления: «Люблю читать страшно... почему? да вот почему: книга самый лучший, неизменный и бескорыстный друг человека»; «Люблю читать, потому, что чтение один из главных способов саморазвития»; «Читать люблю, но, за недостатком подходящих книг, читаю мало». Однако опрос показал, что кадеты читают без всякой системы и в корпусе, и дома, все, что попадает им под руку. Многие, что с огорчением отмечает Симонов, увлекаются бульварной литературой или «грязной» книгой, как выражается автор, не конкретизируя это определение. Несомненно, что для многих кадет чтение позволяло отвлечься от всего, что их угнетало в условиях муштры, тягостного режима закрытого военного учебного заведения. На вопрос о любимых авторах (русских и иностранных) ответы очень разные. Одни кадеты (и их было не мало) вовсе не дали ответа. Другие писали, что любимых писателей у них нет; третьи, — что не помнят фамилий авторов. Лишь немногие уверенно и обоснованно называли любимых писателей; указывали,

* В основе содержания статей Симонова — анализ ответов на анкету, составленную автором и разосланную во все корпуса России. Почти все корпуса прислали ответы кадет, некоторые были анонимны, многие подписаны учащимися.

что любят писателей «исторических» и «военно-исторических». Это понятно, на выбор именно такой литературы их нацеливала вся система руководства чтением кадет.

Обследование показало, что большинство воспитанников корпусов почти не знакомы с иностранной, переводной литературой, даже с крупными авторами. О русских классиках писали многие. Были поклонники Пушкина, Гоголя, Достоевского, Загоскина. «Пушкин увлекает силой своего творчества, заставляет жить жизнью своих героев», «Люблю Гоголя, ибо, читая его можно видеть все недостатки человека...»; «Достоевского люблю, потому что меня вообще интересует мир человека..., за его симпатии к угнетенным...».

Анализ ответов кадетов дает следующую картину: из русских писателей наиболее читаемы Тургенев, Толстой, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Гончаров, Достоевский, Чехов, Загоскин, Данилевский, Немирович-Данченко. Лишь у немногих встречаются имена Лескова, Горького, Некрасова, Лажечникова, Вс. Соловьева, Евг. Тур. Из иностранных писателей немногими названы Сенкевич, Шекспир, Гюго, Шиллер, Дюма, Скотт, Поль де Кок.

Свои суждения, мнения о любимых литературных произведениях дали в этом обширном опросе немногие. Среди таких произведений книги программные, хрестоматийные: «Мертвые души» Гоголя, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Война и мир» Л. Толстого. И. Симонов пишет, что «кадеты читают nepозволиительно скверно; интересуются лишь фабулой романа, повести, проглядывают характерные мысли автора... Есть и вредное чтение без разбора, «запоем» (с. 98—99, август, 1905 г.). Он справедливо отмечает у учащихся корпусов, будущих офицеров, бессистемное чтение, низкий литературный вкус, полное отсутствие интереса к литературной критике, слабый интерес к научно-популярной литературе, и все это несмотря на ту учебно-воспитательную, систематическую работу, которая с ними именно в корпусах проводилась. На основе этих нерадостных выводов Симонов, активный педагог-словесник, известный методист, и занимался разработкой целой программы чтения для кадет и активно выступал с ней в печати.

Другой, не менее обширный фактический материал, характеризующий содержание чтения и отношение к нему учащейся молодежи средних школ разного типа, дало еще одно обследование, которое проводилось в те же годы. О нем свидетельствует большая, уже упомянутая нами, статья К. Левина «Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь» 1903 года. Изучение этой проблемы проводилось с февраля 1902 года тоже путем анкетирования, и, как уже упомянуто, анкета была опубликована в журнале «Юный читатель». В ней было два круга вопросов: 1. Из всех прочитанных вами книг, какая книга (или книги) больше всего вам понравилась (понравилась)

и почему? 2. Какой вопрос (или вопросы) и какая наука (или науки) больше всего вас интересуют в настоящее время и почему? Один круг вопросов имел целью проверить интеллектуальные запросы учащихся, их читательское отношение к интересующим знаниям; другой — определить, какие книги больше всего занимают молодежь, нравятся ей и почему?

За тот же год было уже получено 500 писем от учащихся из разных концов России — их ответы на эти вопросы анкеты. Кроме того, сам Левин проводил наблюдения и анкету среди учащихся и, таким образом, в основу его обобщений легло тоже около 1000 читательских письменных документов; всего 933 ответа.

Статистическая обработка материалов показывает, что социальная база изучения проблемы была довольно широка, ответили учащиеся разного типа средних учебных заведений. Например: 397 писем-ответов получено от учеников мужских классических гимназий; 138 — от женских гимназий; 118 — от учащихся реальных училищ; 86 — от слушателей духовных семинарий и 194 ответа получены от учащихся разных школ (к сожалению, эти данные фигурируют не расчлененно по типам заведений): военных корпусов, женских институтов, фельдшерских школ, коммерческих, сельскохозяйственных и технических училищ. Большинство анализируемых К. Левиным ответов было от учащихся старших (VI—VIII) классов из университетских и столичных городов России. Около одной трети их падает, например, на Москву, Киев, Тамбов... С-Петербург по количеству ответов на анкету учащихся занимает пятое место. Левин в своей работе¹² приводит многие письма-ответы дословно и называет их «интереснейшими человеческими документами». Ответы были анонимны. Молодежь, действительно, отвечала довольно серьезно, некоторые писали очень пространно, откровенно. Нет сомнения в том, что эти письма-ответы действительно свидетельствуют о запросах духовной жизни некоторых социальных слоев, думающей молодежи тех лет.

Прежде всего это обследование показывало возросший интерес к общественным, гуманитарным знаниям, а не только к естествознанию. Именно общественные науки на первом месте в запросах и интересах, главным образом, у гимназистов и у многих реалистов. Из 933 писем об этом свидетельствуют 450. Как распределяются ответы по областям научных интересов читающей молодежи? К политэкономии интерес выражен у 174 учащихся; к философии — у 152; к социологии — у 129; к истории — у 103; к психологии — у 56; к словесности, литературоведению — у 42—36 человек. И меньше всего интереса к искусству, об этом писало только 19 человек.

Второе место занял и интерес к естественным наукам, об этом получен 321 ответ, и больше всего к чтению по физике

и астрономии. Из областей практических знаний на первом месте — интерес к медицине, затем к электротехнике и сельскому хозяйству. Эти ответы больше всего встречаются у реалистов и учащихся профессиональных училищ. В ответах на вопрос о научных интересах часто упоминаются прочитанные книги, в некоторых особенно заметна связь познавательных интересов учащихся с их читательской практикой.

Вот некоторые примеры, характерные для развития познавательных интересов учащейся молодежи и содержания чтения: «В истории слежу за идеями, которые преследовались великими людьми», — пишет воспитанник военного учебного заведения и связывает свой ответ с чтением биографических книг. «Меня больше всего интересует история, так как без истории невозможно понять социальную жизнь современных людей», — отвечает гимназист VIII класса и говорит, что для самообразования он успешно пользовался советами что читать профессора истории Н. И. Кареева.

«Из наук мне больше всего нравится математика. Я иногда до утра просиживаю за задачами... Я думаю, математика — самая важная наука после философии» — семинарист III класса. «Меня интересует, как произошел мир? что такое мышление? об этом ищу книги» — реалист V класса.

Характерно и положительно, что во многих ответах вопрос о научных интересах учащиеся связывают со значением чтения для самообразования и ставят самообразование выше обучения по школьной программе. Размышляя над анализируемым огромным материалом высказываний, ответов, автор статьи-обобщения справедливо приходит к выводам о том, что интеллектуальные интересы и запросы учащейся молодежи тех лет перешагнули рамки учебных программ, далеки от школы; он констатирует, что интересы к знаниям, чтению книг, литературе создает и формирует не учебная система царской школы, а окружающая жизнь. «Умственные интересы, которыми живет мыслящая часть юношества, — пишет он, — мало общего имеют со школьной наукой».

Мотивы интересов к тем или иным областям знания и чтению в этом направлении, высказанные в ответах учащимися, все это подтверждают. Они интересны и различны, связаны со складывавшимися у учащихся основами мировоззрения. Поэтому, естественно, об этом пишут, например, реалисты и воспитанники духовных семинарий.

«В астрономии сказалась высшая мудрость человека. Я прочел все наиболее популярные книги по астрономии на русском языке (называет книги Юнга, Фламариона, «Астрономические вечера» Клейна) и думаю продолжать свои занятия, руководствуясь указаниями «программы для домашнего чтения» (гимназист VII класса). «Философия — выражение высшей мудрости человека. В книгах по философии можно найти ответы

решительно на все сомнения» (реалист VI класса). «Самыми интересными науками мне кажутся астрономия и геология, — они лучше всего просвещают ум и воспитывают благоговение к Творцу» (воспитанник духовной семинарии).

Среди любимых авторов научных книг мальчики, юноши называют крупных ученых, путешественников-первооткрывателей или талантливых популяризаторов и их капитальные труды — это в ответах гимназистов и реалистов. На первые места: Дарвин, Тимирязев, Клейн; Фламарион; Лункевич, Брэм, Кук, Менделеев. Из ученых-гуманитаров называют: Н. Богданова, профессоров-историков Ключевского и Кареева, Ницше, М. Ковалевского, Тугана-Барановского. Естественно, что в этих ответах на анкету опубликованная марксистская, нелегальная литература, которая тоже читалась известным кругом молодежи, не попадалась. Упоминание о таком чтении мы найдем в автобиографиях мемуарах русских деятелей революционного движения.

Обратимся к примерам. Известный революционер-народник Н. А. Морозов писал в своей автобиографии: ¹³ «Поступив во второй класс Московской гимназии, я там продолжил внеклассные занятия естественными науками, накупил на толкучке много научных книг и основал «Тайное об-во естествоиспытателей-гимназистов», так как явные занятия этим предметом тогда преследовались в гимназии». Вместе с естественнонаучными книгами к молодежи проникала и социальная «нелегальная» литература.

Профессор В. Г. Тан-Богораз вспоминает, что, учась в гимназии, он читал и «нелегальную литературу» ¹⁴.

Среди гимназистов пользовался распространением в нелегальных кружках «Капитал» К. Маркса и другие марксистские труды, произведения революционеров-демократов, начиная с 70—80-х гг. XIX века, как об этом свидетельствуют автобиографии многих деятелей революционного движения А. П. Баха, В. П. Волгина, В. В. Воровского, Г. М. Кржижановского, С. И. Гусева и других ¹⁵. На эти факты указывают и труды по истории педагогики, например, известные «Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века» Ш. И. Ганелина (М., 1954).

Отличными от мальчиков и юношей, как показала работа К. Левина и другие обследования, были запросы и содержание чтения девочек, девушек-учениц гимназий и институтов.

Идеалами гимназисток и связанными с этим запросами и интересами в их развитии занимался специально психолог-экспериментатор Н. Рыбников. Такой поворот своего исследования в предисловии к книге «Идеалы гимназисток» (М., 1916) он обосновывал тем, что жизнь стала отводить женщине бóльшую роль в обществе, чем это было ранее. Больше всего ответов он собрал от учениц первых шести классов гимназий, по видимому, старшеклассницы неохотно откликнулись на опрос.

Гимназистки свое отношение к литературе и интересы в чтении связывали с мечтами о будущей практической деятельности, преимущественно в области педагогики и медицины, с этическими идеалами, часто выражали это наивно, эмоционально. «Я буду учительницей, хочу учить бедных детей и быть похожей на хороших людей...», «Когда я читала «Накануне» и «Евгений Онегин», то мне нравились героини Елена и Татьяна и мне хочется быть... похожей на них». Многие их высказывания проникнуты духом буржуазной благотворительности, христианской моралью. На первом месте у девушек интерес к художественной литературе и часто далеко не высокосортной.

Н. А. Рубакин, изучавший чтение учащихся частных женских гимназий еще в последнее десятилетие прошлого века, обращал внимание на низкий уровень их запросов, литературных вкусов и содержания чтения. Больших изменений у этой категории юных читательниц не произошло и в начале XX века. Если Рубакин с горечью отмечал, что по записям в библиотеках девочки-подростки чаще, чем классу, читают авантюрную, низкопробную литературу вроде «Похождений Рокмболя» дю Террайля, «Лондонских тайн» Троллопа, «Петербургских трущоб» В. Крестовского и т. п., то по наблюдениям педагогов в начале века кумиром девочек становится Л. Чарская, пропагандируемая монархическими, буржуазными издательствами. По этому вопросу в печати появилась не одна статья. Возьмем факты из статьи, критически направленной против низкопробного чтения учащихся, З. Масловской:¹⁶ «На вопрос, кто любимый писатель, большинство девочек ставят Чарскую на первое место». В восьми женских гимназиях, рассказывает автор статьи, в сочинении «Любимая книга» учащиеся почти единогласно указали на повести Чарской. Заполняя анкету в одной библиотеке, на вопрос, что не нравится в библиотеке, было получено в ответ: нет книг Лидии Чарской. З. Масловская отмечает еще, что сочинения этой писательницы постоянно фигурируют в списках подарков, о которых мечтают дети, и героини ее повестей служат постоянной темой разговоров гимназисток и институток. Во всем этом нет преувеличения. Правда, в запросах и чтении девочек и девушек еще фигурирует увлечение историческими и историко-географическими повестями и романами. Однако Н. А. Рубакин, изучая чтение исторических романов учащимися обоего пола и положительно отмечая большой спрос, отмечает низкий уровень читаемой литературы. Молодежь читает, но далеко не лучшие исторические произведения.

Придавая справедливо большое воспитывающее значение чтению молодежью исторической литературы, он доказательно писал и о больших недостатках самого процесса чтения таких книг, если молодежь не умеет читать исторические романы и выбирает далеко не лучшее в этой тематике. Рубакин считал,

что при таком положении «этот вид литературы становится силой отрицательной»¹⁷. Вместе с тем работы Рубакина дают сведения, какие именно исторические романы спрашивались и читались учащимися средней школы; среди них, наряду с романами Вс. Соловьева, Мордовцева, Данилевского, из переводных произведений зарубежной классики романы А. Дюма, В. Скотта и В. Гюго. Несколько реже встречались романы Г. Эберса, Г. Сенкевича, Меримэ, ФARRERA.

Н. А. Рубакин, как и другие авторы названных обследований и статей, в заключение делает выводы о необходимости коренного улучшения книжных фондов библиотек, библиотечного обслуживания учащихся, самой системы руководства чтением. Однако этих коренных изменений сама действительность России без революционного преобразования дать не могла. Обследование, проведенное Н. Рыбниковым в 1912—1913 гг., деревенских школьников мало что добавляет к общей картине. У сельских школьников заметно преобладает чтение сказок и других жанров художественной литературы. Мальчики дают в любом возрасте в среднем более высокий процент развивающихся познавательных интересов и показатели чтения книг о путешествиях, научно-популярной литературы. Небезынтересны статистические выкладки экспериментатора о том, какое место в чтении детей занимают книги того или иного жанра и тематики в зависимости от возраста и пола.

Так, например, по данным обследований 1912—1913 гг.¹⁸ Повести и рассказы занимают 43,5% в чтении учащихся; сказки — 20,6%; приключения и путешествия — 17,2%; научно-популярные книги — 13,6%. Или другой вопрос: как с возрастом падает интерес к сказке?

В 8 лет сказка занимает 73% в чтении детей; в 9 лет — 41%; в 10 лет — 26%; в 11—12 лет — 9%; в 13—14 лет — 2—3%.

Все эти данные могут быть интересны только в плане напоминания того, что было, и для сопоставления с тем, чем мы располагаем в изучении всей этой проблемы в наши дни, да и то с учетом того, к какой исторически обусловленной социальной среде относятся все эти статистические выкладки.

Из всего рассмотренного фактического материала, рисуящего запросы и содержание чтения учащихся средних школ России в предреволюционную эпоху, можно сделать некоторые выводы, необходимые, как представляется, для дальнейшей работы над историей русского читателя.

По сравнению с поколениями своих сверстников в 1870—1880-х гг., учащаяся молодежь средних школ рассматриваемого исторического периода заметно росла, менялась, эволюционировала в своих читательских запросах и содержании чтения. У учащихся, особенно старших классов, росли, бурно развивались интересы в области общественных наук и естествознания.

Это было особенно заметно в среде гимназистов, реалистов и отражало веяния жизни, характерные черты развития страны, общества при переходе России к последней стадии капитализма — империализму. Рост классовых противоречий, обострение идеологической и политической борьбы вызывало у известной части молодежи тягу к общественным проблемам, усиление чтения нелегальной литературы по нелегальным каналам массовой коммуникации.

Учащаяся молодежь разных классов и социальных прослоек жадно тянулась к знаниям, книге, просвещению, не удовлетворяясь системой и содержанием школьного обучения, и справедливо рассматривала книги и чтение как единственное в те годы средство самообразования. Правда, надо сказать, что читательское и общее развитие девочек-подростков и девушек (особенно в закрытых учебных заведениях), несмотря на известный в те годы рост женской эмансипации, очень заметно отставало от запросов и содержания чтения гимназистов, реалистов, кадет и даже учащихся профессиональных училищ.

Таким образом обследования читательских запросов и содержания круга чтения учащихся, наряду с явным ростом их познавательных интересов, тяги к практической деятельности и самообразованию, обнаружили в массе низкий еще уровень литературного развития молодежи, ее литературных вкусов, однако интерес к литературной форме, своеобразию художественной передачи содержания литературных произведений у наиболее развитой, думающей, интеллигентной части юношества возрос, по сравнению с их сверстниками в 70—80-х гг. XIX века.

Изучение чтения учащихся специально проводимыми обследованиями, характерными для тех лет, вскрывало многие недостатки: пренебрежение царской школы к этой стороне развития молодежи, стихийность и бессистемность чтения, отсутствие у подавляющего большинства учащихся читательской культуры, необходимых читательских навыков, низкий уровень эстетического развития в целом (особенно у девочек), отсюда и перстрота содержания и невысокое качество чтения.

Серьезная литература часто тонула в потоке низкосортного чтения. В массе своей чтение учащихся было плохо организовано, плохо руководимо взрослыми, педагогами и воспитателями, хотя именно в эту историческую эпоху интерес к вопросам детского чтения у педагогической общественности России сильно возрос, и прогрессивная ее часть горячо обсуждала эти проблемы, активно стремилась улучшить существовавшее положение. Большим тормозом был низкий уровень постановки библиотечного дела. Растущие читательские запросы учащихся не встречали должного удовлетворения из-за плохого состава книжных фондов библиотек министерских школ, многих частных гимназий и домашних библиотек.

Вся государственная система образования, как и другие области жизни России, требовала решительной ломки общественного строя и коренных революционных преобразований страны. Это могла принести только победа социалистической, пролетарской революции, к которой народные, трудящиеся массы вела в борьбе с самодержавием и буржуазией партия коммунистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из размышлений инспектора классов. — «Пед. сборник», 1913, СПб., Книга ноябрьская, с. 372.

² Левин К. Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь. — «Мир божий», 1903, № 11, с. 185—198. Автор статьи — педагог, защитник широких интересов молодежи писал: «Я целый ряд лет жил одной жизнью с учащимися трех учебных заведений и жизнь учащихся... изучил в мельчайших подробностях (с. 185).

³ Одесский И. Экскурсы в душевный мир учащихся. Психология юного читателя. — «Вестник воспитания», 1899, № 3, с. 68.

⁴ Вахтерова Э. О чтении детей и юношества. — «Русская школа», 1909, № 17—18, с. 145—165.

⁵ Рубакин Н. Частные библиотеки и внеклассное чтение учащихся. — «Женское образование», 1889, № 6—7, с. 401.

⁶ Роков Г. П. Параллели. — «Вестник воспитания», 1905, кн. VII, с. 179.

⁷ См.: Левицкий А. Из студенческих воспоминаний. — «Вестник воспитания», 1906, № 8, с. 84.

⁸ Валерий Брюсов. (Автобиография). — В кн.: Брюсов В. Я. Стихи. М., 1972, с. 353.

⁹ Каверин В. Освещенные окна (отрывок из автобиограф. романа). — «В мире книг», 1973, № 7, с. 61.

¹⁰ См.: Шагинян М. С. Человек и время. — «Новый мир», 1973, № 4, с. 113—131.

¹¹ Симонов И. С. Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов (Из заметок офицера-воспитателя). — «Пед. сборник», 1905, февраль, с. 210—215; июнь, с. 692—665; июль, с. 29—46; август, с. 89—105.

¹² Левин К. Указ. соч., с. 188.

¹³ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40, столб. 306.

¹⁴ Там же, т. 40, столб. 438.

¹⁵ См.: Костылева Н. А. Первый том «Капитала» Карла Маркса в среде русской учащейся молодежи 70-х годов XIX в. — В кн.: История русского читателя. Вып. 1. Л., 1973, с. 93—107.

¹⁶ Масловская З. Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской. — «Русская школа», 1911, № 9, с. 102—125.

¹⁷ Рубакин Н. А. Исторические романы и преподавание истории. — «Русская школа», 1901, № 1—2; отд. издание — 1902, № 1.

¹⁸ См.: Рыбников Н. Деревенский школьник и его идеалы. М., 1916.

А. В. БЛЮМ

ИЗ ИСТОРИИ МАССОВОГО ЧТЕНИЯ «ЗНАНИЕВСКОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ

В начале 1900-х годов демократическая русская пресса постоянно отмечала новое явление — распространение книги в тех слоях общества, которые прежде вообще не были знакомы с печатным словом или, в лучшем случае, питались лубочными поделками и нравоучительными брошюрами официозного характера. В январском номере журнала «Мир божий» за 1901 г. критик А. И. Богданович пишет: «За последнюю четверть века народился новый читатель, явившийся из тех слоев населения, которые раньше не имели ничего общего с литературой... с распространением грамотности, с одной стороны, с другой — с общим ростом культуры. Интерес к чтению, к книге стал проникать в такие углы, где прежде книга встречалась как редкость и за пределы помещичьей усадьбы не выходила». Активная ориентация на «нового читателя» — крестьянина, рабочего, городского ремесленника — чрезвычайно характерна для передовых издательств начала XX века. Включение новых читателей в сферу влияния демократической литературы должно было помочь им осознать себя как общественно значительную силу.

Хорошо известно, что наиболее четко и сознательно эти цели поставило перед собой издательство «Знание», руководимое А. М. Горьким. В новейших работах советских исследователей «Знание» нашло всестороннюю и глубокую оценку¹. Тем не менее, традиционное игнорирование (перелом наблюдается лишь в последнее время) чрезвычайно существенного «компонента», звена любой литературной и издательской деятельности — читателя — существенно обедняет наши представления о значении этого издательства в жизни русского общества в начале XX века.

Настоящая статья вовсе не претендует на исчерпывающее исследование этой большой и многоаспектной проблемы. Она ставит своей конкретной задачей обратить внимание историков литературы и книговедов на две группы документов, которые,

по разным причинам, пока еще не вошли в сферу научного изучения. На наш взгляд, они представляют большой интерес не только при исследовании данной проблемы, но и вообще при изучении истории русского читателя конца XIX — начала XX вв. Мы имеем в виду, с одной стороны, ежегодные отчеты общественных библиотек, которые содержат ценнейший статистический материал, характеризующий в динамике интенсивность чтения произведений различных писателей; с другой — документацию Ученого комитета министерства народного просвещения, в которой зафиксирована политика регламентации царского самодержавия в отношении новейшей демократической литературы.

В России начала XX века шла яростная борьба за читателя. С кем он, новый читатель? Для А. М. Горького ответ на этот вопрос был ясен: «...Самый внимательный и строгий читатель наших дней — это грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ. Этот читатель ищет в книге прежде всего ответов на свои социальные и моральные недоумения, его основное стремление — к свободе, в самом широком смысле этого слова...»². Демократическая трибуна, предоставленная в распоряжение писателей в «Знании», исключительно благоприятные условия, созданные для них А. М. Горьким, — все это в необычайно короткий срок позволило заполнить «вакуум» на книжном рынке. Массовыми, невиданными до того тиражами появляются книги «Знания», обращенные непосредственно к новому читателю. В период организационной ломки издательства, когда оно постепенно переходит полностью в сферу влияния горьковского направления (1902 г.), А. М. Горький пишет К. П. Пятницкому: «Из многих дыр, ям и щелей империи нашей обращаются ко мне люди разные с просьбами — книг пришли! Пишут ремесленники из Грайворона, железнодорожные рабочие из Кутаиса, финны из Улеоборга, административно-ссылные из Вятской губернии. Везде хотят читать! И — необходимо всех удовлетворить. А посему хорошо бы, если бы кто-либо в Питере покупал для меня вновь выходящие хорошие книжки, сразу по многу и — с уступкой. Не имеете ли в виду подобного человека»³.

Еще за несколько лет до организации издательства, в 1898 г., А. М. Горький гневно обрушился на «Ванькину литературу» — те «забористые» книжки, которые так любил читать лакей барона Брамбеуса (О. И. Сенковского), состоявший «в родне» с Петрушкой Чичикова⁴. В статье «Ванькина литература», опубликованной в «Нижегородском листке», он пишет: «Говорят — по Сеньке и шапка... Ну, Ванька, скверная же у тебя шапка! Неужели ты не чувствуешь, что заслуживаешь лучшей? Неужели ты действительно не хочешь и не можешь сорвать с себя эту гадкую и грязную? Ты бы подумал над этим,

Ванька, ведь ты уже не крепостной и не лакей, ты достаточно свободен для того, чтобы крикнуть людям, отравляющим тебя всякой мерзостью: не хочу мерзостей!»⁵.

«Знаньевцы» в короткий срок сумели, не приноравливаясь к массовому читательскому сознанию, не становясь на колени перед «меньшим братом», противопоставить рыночным и официальным поделкам литературу, наполненную высоким гражданским пафосом, гуманизмом, которая по каплям должна была «выдавить раба», — литературу, воспитывающую новое революционное сознание. Это обеспечило изданиям «Знания» необычайную популярность. Как свидетельствуют различные мемуары, знаньевские книги расходились мгновенно, проникая в самые отдаленные «медвежьи» углы России. Н. Д. Телешов, в частности, вспоминает: «Книжные магазины не только подписывались на них заблаговременно, но и упрашивали знакомых писателей помочь им подписаться, чтобы не пропустить очередь. Такого успеха книг я не запомню»⁶. Разумеется, успеху «знаньевской» литературы способствовало не только ярко выраженное демократическое содержание ее, но и высокий художественный уровень. Как известно, Горькому удалось привлечь к работе в издательстве выдающихся мастеров слова (И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. В. Вересаева и других), чьим сотрудничеством он очень дорожил. Хотя взаимоотношения этих писателей с Горьким были чрезвычайно сложны и пути некоторых из них после революции 1905—1907 гг. разошлись со «Знанием», первые годы деятельности издательства отличались цельностью и сплоченностью коллектива писателей.

Наибольший успех выпал на долю «Сборников товарищества «Знание». Первый сборник вышел тиражом 33 тыс. экземпляров, второй — 81 тыс. В одном только Ростове-на-Дону, по сообщению А. С. Серафимовича, 200 экземпляров разошлось в три дня⁷. Успеху «Знания» немало способствовала прогрессивная провинциальная пресса, которая с большим воодушевлением встречала появление каждого сборника, рассматривая выход их как большое литературное и общественное событие. Особенно активно пропагандировала творчество писателей-знаньевцев демократическая сибирская печать, в которой сотрудничали политические ссыльные⁸. Важную роль в популяризации «знаньевской» литературы сыграла рекомендательная библиография начала века. Почти в каждом рекомендательном пособии мы находим сведения о многих книгах писателей из горьковского окружения, которые в глазах передовых библиографов того времени являлись благодарным воспитательным материалом. Даже в третьем издании знаменитой работы Х. Д. Алчевской и ее соратниц «Что читать народу?», во многом утратившей к тому времени (1906) свой первоначальный демократический характер и не отвечавшей запросам и веяниям времени, широко рекомендуются читателям произведения

А. М. Горького, А. И. Куприна, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева и других писателей-знамьецев.

Общественные библиотеки того времени, несмотря на стесненное цензурно-правовое положение, широко пропагандируют творчество этих писателей. Выдача их книг постепенно растет, достигая кульминации в годы первой русской революции. Вот таблица выдачи книг, составленная по материалам общественной библиотеки в станице Каменской⁹ за 1905 год:

Авторы	Число книг	Число удовлетворенных требований
Л. Н. Толстой	23	271
Горький	9	211
Чехов	7	206
Достоевский	24	125
Гончаров	24	113
Сборники т-ва «Знание»	6	109
Тургенев	11	106
Вересаев	4	104
Короленко	6	89

Если учесть количество экземпляров, которым располагала библиотека, то следует придти к выводу, что книги «знамьецев» выходят на первое место, соперничая лишь с произведениями Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, — факт, чрезвычайно примечательный для истории массового чтения в начале XX века. Не менее характерны, хотя и отличаются от приведенных выше данных, сведения о популярности писателей-знамьецев, собранные в Нижегородской публичной библиотеке (по данным ежегодных отчетов).

Год	Горький (I) Сборники «Знания» (II)	Занимаемое место по количеству выдач
1901	I	16
1902	I	7
1903	I	6
1904	I	15
1905	I	6
	II	17
1906	I	6
	II	1
1907	I	6
	II	1
1908	II	2
1909	II	2
1910	II	3
1911	II	4
1912	II	6

Таблица в динамике показывает рост популярности, а затем спад читательского интереса к сборникам «Знания». Конечно же, здесь нашло отражение и изменение читательских вкусов в годы реакции, и необычайно сложная ситуация, сложившаяся в «Знании». О. Д. Голубева в главе, выразительно озаглавленной «Крах издательства», очень точно замечает: «Но, самое главное, — интерес к сборникам «Знания» совершенно упал, книжные магазины или сокращали заказы или совсем отказывались их принимать. Читающая публика стала называть сборники, исключая вещи Горького, никчемными»¹⁰.

Впрочем, как видно из библиотечной статистики, падает интерес и к произведениям Горького. Хотя по данным Нижегородской библиотеки он в дальнейшем фигурирует в списке наиболее читаемых авторов (выдано более 100 книг за год — критерий), но в «первую десятку» уже не входит. В отдельные годы с ним соперничают и даже иногда опережают Л. Н. Андреев и А. И. Куприн; видное место начинают занимать произведения писателей-модернистов. Очевидно, спад общественной активности очень ярко сказывается на круге чтения массового читателя. Приблизительно такие же данные приводят отчеты и других библиотек. Так, например, Екатеринбургская городская библиотека сообщает в своих ежегодных отчетах о том, что А. М. Горький занимал в 1905—1907 гг. 7 место в списке наиболее популярных авторов; в 1912 — 17. Сборники товарищества «Знание» в 1906—1907 гг. занимали соответственно первое и второе места (в 1907 г. выданы 1398 раз), в 1914 — лишь 28. Такая же картина наблюдается по данным Астраханской, Борисоглебской и других общественных библиотек.

Разумеется, должна быть сделана существенная поправка на низкое читательское сознание и невзыскательный вкус посетителей библиотек. Как свидетельствуют отчеты, на первые места нередко выходили второстепенные, и даже третьестепенные беллетристы, имена которых прочно преданы забвению и известны сейчас лишь специалистам. Нередко Л. Н. Толстого, который, как правило, занимал первые места, опережали Вербицкая, Чарская и другие поставщики массового чтения. Поэтому включение имен писателей-знаньевцев даже в первые две десятки наиболее читаемых авторов свидетельствует об огромном интересе к их творчеству.

Как и всегда, при изучении истории массового читателя наибольшую сложность представляет реконструкция читательского сознания, выявление особенностей эмоционального отношения читателей к прочитанному. Действительно, какой отклик вызывали в душе читателя из народа произведения, обращенные непосредственно к нему, как он реагировал на появление новых литературных героев? Массовый читатель, в отличие от «выдающегося», не оставил нам дневников, писем, мемуаров и других документов, которые позволили бы воссоздать полно-

кровный облик его. Очевидно, изучение этой проблемы — задача дальнейших исследований, чрезвычайно осложненных отсутствием многих необходимых источников, но все-таки возможных. В качестве подтверждения сошлемся на одну чрезвычайно любопытную и, по-видимому, не единственную в этом роде статью Е. Соловьевой «М. Горький в суждениях народа», опубликованную в 1903 г.¹¹ Автор на основе личных наблюдений во время публичных чтений произведений Горького в разнородной городской среде (рабочие, мещане) приоткрывает завесу над «неизведанной землей» массового читательского сознания. Полемизируя с весьма распространенной в то время точкой зрения — народу не нужна литература, рисующая его положение и бедствия, он не любит читать «про себя», «...народ любит больше про королей и их замки читать, чем про лапти, избы и рогожу...», Е. Соловьева приводит пример характерной реакции молодого рабочего парня на такие произведения Горького, как «Челкаш», «Дело с застегжками» и др.: «А я, как послушал эти чтения, так мне куда смелее житья стало — перестал унывать... С тех пор куда веселее стало. А прежде все как ущемленный ходил, чего-то ждал и боялся, дрожал, каждую копейку считал, какой-то «черный день» вспоминал, а тут светлые проходили, не видел их. Теперь мне куда лучше, как будто выздоровел!». Чтение рассказов Горького наводит на размышления о собственной жизни, собственной судьбе. Характерны восклицания слушателей: «Неужели так и не видно конца!», «Конца не видно, терпения уже нет. Скоро ли будет, лучше или хуже? Что-нибудь другое, только бы изменить все!» Устроители чтений тонко уловили это еще неоформленное, неосознанное, но страстное желание выйти из тупика, навеянное чтением горьковских произведений: «Неопределенность и тягота жизни предстали перед всеми ярче и сильнее... Все погрузились в это настроение, которое временами бледнело, но не исчезало... А иногда нарастало во что-то грозное, разрушительное... У каждого было свое, взятое из жизни. Книжка добавила факты, осветила мысль, заставила их высказаться и испытать свое перед судом толпы, каждый заглянул в свою душу». Читателей из народа больше всего привлекает демократизм, гуманизм Горького, который, в отличие от писателей «из бар», понимает душу простого человека, сочувствует ему: «...А ведь славный парень этот Горький: вышел в люди, не стыдится своих прежних товарищей («босяков». — А. Б.), не задирает носа, а описал их рядом с собою... Не скрыл, что с ними водился, вместе один кусок хлеба грыз, под открытым небом рядом спал... не забыл их».

После публичных чтений книги Горького еще долгое время спрашивались читателями. Характерно, как отмечает автор, что имя Горького было открыто читателям лишь после прочтения, так как, как правило, «читатель из народа» именами авторов

не интересуется. Любопытен еще один штрих, характеризующий массовое чтение — читатели часто дают свои заглавия произведениям («Челкаш» — «Таможенный вор», «Супруги Орловы» — «Сапожник в холерной больнице», «Кирилка» — «... где горбушку ели» и т. п.).

Очевидно, дальнейшие находки аналогичных материалов смогут существенно обогатить наши знания о восприятии произведений писателей-знаньевцев в массовой среде.

Как же относился охранительный аппарат самодержавия к молодой литературе «Знания», нашедшей своего читателя в глубинных народных пластах? Этот вопрос, на наш взгляд, представляет большой интерес для изучения истории массового чтения в начале XX в. Мы не касаемся здесь политики цензурного ведомства министерства внутренних дел: с одной стороны, этот вопрос изучен весьма подробно советским литературоведением, с другой — запрещенные произведения писателей-знаньевцев, естественно, почти целиком были исключены из сферы массового чтения. Прямое отношение к теме настоящей статьи имеет деятельность цензуры другого рода, так называемой «педагогической», осуществлявшейся Ученым комитетом министерства народного просвещения. Особый отдел этого комитета, созданный в 1869 г., поставил своей основной целью борьбу с «развращающим влиянием современной литературы на умы подрастающего поколения». Постепенно сфера действия Особого отдела расширяется: не только учащиеся, но и взрослые читатели — посетители народных бесплатных библиотек — становятся объектом наблюдения. В 90-х годах прошлого века Особым отделом была уже закончена жесточайшая система регламентации круга чтения «детей и простолюдинов». Почти полувексовая деятельность Особого отдела привела к тому, что из круга чтения народа были изгнаны многие шедевры русской классической литературы, принадлежащие Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Салтыкову-Щедрину и другим крупнейшим писателям XIX в. Итог деятельности комитета в этом направлении был подведен в 1913 г. А. В. Мезьер: «Школьно-народная библиотека — это библиотека без русских знаменитейших и известнейших писателей»¹².

Л. Н. Толстой, прекрасно знакомый с деятельностью Ученого комитета (большинство его детских и народных рассказов в течение многих лет подвергалось решительному исключению из круга чтения детей и взрослых), однажды сказал поэту И. А. Белоусову, который пожаловался на запрещение Ученым комитетом изданного им сборника «Утро»: «Так, значит, ваша книга прошла сквозь цедилку»¹³. Здесь дано очень точное и меткое определение Ученому комитету, который действительно занимался «процеживанием», «фильтрацией» литературы, изгоняя из круга народного чтения все, что сколько-нибудь противоречило основным догмам самодержавия и религии. В сущно-

сти, Ученый комитет осуществлял педагогическую «сверхцензуру», рассматривая книги, уже вышедшие в свет. На основе отзывов, составленных членами Особого отдела (как правило, реакционно настроенными педагогами), периодически выпускались так называемые «министерские» каталоги, которыми и регламентировался круг чтения посетителя бесплатной народной библиотеки. Осуществляя элитарный подход к художественной литературе, лицемерно «заботясь» о «духовном здоровье народа», педагоги-охранители предлагали читателю, взамен высочайших достижений русской классики и лучших произведений современной литературы, морализаторские, сюсюкающие рассказы, написанные в псевдонародном стиле, но имевшие одно неоспоримое преимущество в глазах Ученого комитета — они полностью удовлетворяли требованиям «благонамеренности» и «истинной религиозности».

Вполне понятно, что в таких условиях книги писателей, принадлежавших к горьковскому кругу, оказались недоступными для посетителей народных библиотек. Оценку их произведений можно вывить, главным образом, в связи с рассмотрением в Особом отделе многочисленных дешевых изданий, а также сборников и хрестоматий, в которых часто перепечатывались рассказы и стихотворения писателей-знамьецев. Примечательно, что буквально первые литературные шаги Горького, Бунина, Куприна, Л. Андреева сразу же привлекают к себе внимание прогрессивных педагогов, которые охотно и обильно включают их произведения в хрестоматии, в издания типа «Чтец-декламатор», столь популярные в предреволюционные годы. Подавляющее большинство сборников такого типа, как показало изучение архивов Ученого комитета, было запрещено для школ и народных читален, причем единственным «криминалом» во многих случаях являлось включение в них произведений писателей-знамьецев.

Прежде всего, с точки зрения Ученого комитета, неуместно **самое упоминание** имен писателей-знамьецев в книгах, предназначенных для народного чтения, ибо это приводит к «нежелательной» популяризации их творчества. Рецензируя одну из хрестоматий, член комитета Радонежский отметил: «Между статьями, помещенными в этой хрестоматии, есть произведения Андреева, Горького, Бальмонта, Брюсова. Излишне мне показалось фиксировать внимание учеников на произведениях современной русской литературы»¹⁴. Особенно строго относился Ученый комитет к популярным периодическим изданиям начала века, публиковавшим на своих страницах произведения «знамьецев». Уже в 1901 г. была запрещена для выписки в народные библиотеки газета «Русское чтение», так как «в № 92—93 напечатаны статьи, не соответствующие тому обширному кругу читателей, для которых предназначена газета...». Кроме того, редакция обещает дать подробный очерк о Горьком, «об этом

известном русском писателе, сочинения которого покупаются нарасхват», а равно познакомить с его рассказами¹⁵. Такая же участь постигла журналы «Народное благо», в котором (1903, № 3) было «помещено известие об избрании нового академика Максима Горького и портрет его», «Товарищ», только за то, что «в числе сотрудников журнала указан Максим Горький, произведения коего, в виду уже вполне определившегося направления этого писателя, без сомнения не могут быть пригодны»¹⁶.

Другой характерный мотив запрещения — преимущественное внимание составителей сборников к новейшей литературе «в ущерб классике», той самой классике, которая нещадно изгонялась Особым отделом на протяжении ряда десятилетий. «В составе книги, — пишет Радонежский о хрестоматии «Из родной литературы», — есть статьи образцовых писателей, но сравнительно больших таких, кои принадлежат современным новейшим писателям: Вересаеву, Телешову, Горькому и Андрееву»¹⁷. Настоящая инвектива против новейшей литературы звучит в докладной записке этого же педагога, направленной министру народного просвещения. Вызвана она была тем, что составленная им хрестоматия «Родина», выходявшая многочисленными изданиями, начиная с 1875 г., и встречавшая неизменное благоволение Ученого комитета благодаря официозному ее характеру, неожиданно была отвергнута членом Основного отдела комитета И. Ф. Анненским. Один из крупнейших поэтов начала XX века, И. Ф. Анненский, занимаая пост директора Царскосельского лицея, являлся одновременно (1899—1910 гг.) членом Ученого комитета. Как свидетельствуют сохранившиеся в архиве рецензии Анненского, поэт стремился продвинуть в школу все богатство русской литературы и был совершенно лишен того снобистского отношения к читателю из народа, который был так свойствен его коллегам по Ученому комитету. Защищая свою хрестоматию, Радонежский доносил министру: «До 1905 г. «Родина» расходилась в большом количестве экземпляров. С наступлением же в России лихолетья, когда не только книги с патристическим направлением, но и самое стечество подверглось поруганию и гонению, — требования на книгу для школ если совсем не прекратились, то значительно сократились. «Родина» байкотировалась. Ее место в школах заняли хрестоматии отрицательного направления, наполненные литературными изделиями Горького, Андреева, Бальмонта и других новейших сочинителей. Вследствие этого в нашей школе создано нежелательное направление, прямо противоречащее главному назначению ее — насаждать и развивать в учащихся чувство любви к государю и отечеству»¹⁸.

Характерно, что приведенные выше отзывы полностью смыкаются с той оценкой новой литературы, которая звучит в это время в черносотенной критике. Выступая с трибуны 4-й Государственной думы, глава союза имени Михаила Архангела

Пуришкевич обрушился на литературные хрестоматии, которые, с его точки зрения, «готовят вторую русскую революцию» и являются «брошенной в народную массу и русскую народную школу идейной революционной бомбой»¹⁹. В специальном сборнике, выпущенном черносотенцами под устрашающим названием «Школьная подготовка второй русской революции» (СПб., 1913), подверглись уничтожающему разбору литературные хрестоматии, причем имена Горького, Бунина, Андреева, Куприна и других знаньевцев встречаются чуть ли не на каждой странице.

Примечательно, что Ученый комитет не допускает в сферу народного чтения даже такие критические работы, в которых звучит неприязненное отношение к Горькому. Одна из первых работ такого рода, вышедшая в Киеве в 1901 г. (Г. Александровский. «Максим Горький и его сочинения»), получила следующий отзыв: «Ввиду неустановившейся и модной темы о сочинениях М. Горького, книга едва ли полезна с педагогической точки зрения, хотя взгляды автора на деятельность Горького сами по себе кажутся верными» (!)²⁰. Заметив в рецензии на две другие книги о Горьком, вышедшие в 1903 г., что они «верно передают общий тон горьковских произведений», член комитета Н. А. Майков замечает: «Конечно, Горький, благодаря неумению пользоваться своим сильным талантом... не может быть допущен в народные библиотеки и читальни. Поэтому и книги о нем в эти библиотеки допускать бесцельно»²¹.

Ученый комитет в ряде случаев даже не затруднял себя анализом содержания произведений писателей-знаньевцев. В делах Ученого комитета сохранился любопытный документ, свидетельствующий об огромном интересе рабочих к творчеству этих писателей. В 1900 г. инженер-технолог А. Сильверсван, заведовавший читальней Обуховского завода в Петербурге, представил в Ученый комитет обширный аннотированный список книг, которые собирался приобрести для читальни. В числе прочих книг Сильверсван указывал трехтомное издание «Очерков и рассказов» Горького и снабжает его следующей характеристикой: «Трудно передать содержание всех очерков и рассказов этого молодого и талантливого автора, можно только сказать, что они все взяты из мира так называемых босяков, причем автор, изображая всю внешнюю неприглядную обстановку жизни этих босяков, умеет найти в каждом из них какую-нибудь симпатичную черту, сохранившуюся под грубой оболочкой. Читаются очерки с интересом. Прося о разрешении приобрести эти книги, я позволю себе указать на то, что при выборе книг я руководствовался спросом как со стороны рабочих Обуховского завода, так и со стороны других читателей из числа обывателей нашей местности». По-видимому, напрасно инженер Сильверсван особенно отметил интерес к творчеству Горького со стороны рабочих: как раз это обстоятельство и

послужило основным мотивом запрещения выписки произведений писателя в библиотеку завода. Резолюция комитета, рассматривавшего прошение инженера, гласила: «Принимая во внимание, что читальня предназначена для рабочих (подчеркнуто комитетом. — А. Б.), необходимо исключить из списка «Рассказы» Чехова и «Очерки и рассказы» Горького»²². Конечно же, в отзыве Сильверсвана звучат общие места либеральной критики того времени, но сам факт рекомендации произведения Горького рабочим чрезвычайно симптоматичен.

К числу наиболее, пожалуй, «популярных» мотивов запрещения относится обвинение писателей-знаньевцев в «мрачности, пессимизме», отсутствии «положительных начал», противопоставлении «имущих — неимущим». По мнению комитета, «вряд ли постоянное указывание отрицательных, темных сторон жизни может помочь развитию идеализма в юношеской душе...», «простой читатель» совершенно не нуждается в литературе, изображающей бедствия народа, рисующей его страдания, ибо такая литература воспитывает в нем «социальный сентиментализм» (выражение Н. А. Майкова), заставляет критически, негативно относиться к окружающей действительности. Молодая литература «Знания», восприняв заветы и лучшие традиции русской литературы XIX в., гневно обрушилась на «свинцовые мерзости» жизни. Вполне понятно, что эта сторона творчества «знаньевцев» вызвала самое решительное сопротивление в среде официальной педагогики. Особое внимание Ученый комитет обратил на изображение тягот и страданий нещадно эксплуатируемого рабочего класса в произведениях Горького, Серафимовича, Телешова. Член комитета Майков, запретив хрестоматию «Наша речь», обратил внимание на то, что «люди в ней, конечно, делятся на обездоленных и наделенных разными благами, причем последние большею частью живут за счет первых», отнеся в первую очередь эти слова к публикации отрывков из произведений Горького («Коновалов» и др.). Не следует также, с точки зрения охранителей, изображать ужасающие условия жизни шахтеров. В связи с этим был запрещен для библиотек рассказ А. С. Серафимовича «Под праздник» (М., 1897; позднее название — «Маленький шахтер») и очерк Н. Д. Телешова «Шахты», написанный после посещения писателем Н.-Тагильских заводов Демидовых.

Не менее последовательно изгонялись из библиотек произведения «знаньевцев», в которых изображалась тяжелая жизнь крестьянства. Майков пишет о рассказе И. А. Бунина «Федосевна»: «Бедная деревенская старуха, замерзающая среди дороги, так как была лишена приюта своим зятем и дочерью», заключая свой отзыв таким патетическим восклицанием: «Удивительный выбор сюжетов для рассказов, предназначенных для чтения детям и народу!»²³.

Характерно, что «дети» и «народ» (как и во многих других случаях) отнесены к одной читательской категории: Особый отдел всегда ставил между ними знак равенства, считая, что «народ» — это просто «повзрослевшие дети» и нуждается в связи с этим в специально предназначенной для него литературе. Трагичность рассказа, написанного Буниным с позиций беспощадной правды и реализма, вызвала следующее решение Ученого комитета: «Книжка не может быть допущена ни в какие библиотеки». Такая же резолюция была вынесена по поводу другой книги Бунина — «На край света» (о проблеме переселения крестьян в Сибирь). Запрещены для народных библиотек были также и многие рассказы Телешова, посвященные этой же теме («Елка Митрича», «Домой», «Самоходы» и др.). В 1915 г. эти же рассказы Телешова вошли в сборник «Верный друг и другие рассказы», который также не попал в народные библиотеки. Майков писал о нем: «По своему основному настроению во всех 9 рассказах виден одинаково плаксивый сентиментализм, имеющий целью развивать в юных сердцах излишнюю нездоровую чувствительность. Автор играет на возбуждении чувства жалости»²⁴.

Также систематически подвергались остракизму рассказы знаньевцев о детях («Петька на даче», «Гостинец», «Ангелочек» Л. Андреева, «Дед Архип и Ленька» М. Горького и многие другие).

Молодые писатели-знаньевцы, находившиеся под могучим идейным влиянием Горького, смогли преодолеть то пассивно-сострадательное отношение к народу, «меньшому брату», которое так ярко проявилось в народнической беллетристике 80—90-х годов XIX в. Уже в ранних произведениях этих литераторов звучит открыто и ясно мотив активного вмешательства в жизнь, переустройства ее на новых началах. Горьковская мысль о «сопротивлении среде», о необходимости действенного гуманизма, активной борьбы за освобождение человека находит в их творчестве яркое воплощение. Реакция Ученого комитета на произведения Горького и его соратников, в которых звучали свободолобивые мотивы, могла быть только однозначной — самое решительное запрещение. Знаменитая романтическая легенда М. Горького «Песня о Данко», его же «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» не допускались в ученическую и народную среду на протяжении всего дореволюционного периода. «Песня о Данко» неизменно называлась «... рассказом ужасного, кровавого, мрачнейшего, притом совершенно безумного содержания»²⁵. Сборник «Образцовые писатели» (Тифлис, 1908) не может быть допущен в библиотеки, так как в нем «совсем неуместны думы о Соколе, песни о Буревестнике и он не может быть допущен впредь до уничтожения боевых произведений Горького»²⁶. Отрывки из ранних романов Горького («Фома Гордеев», «Трое»), в которых изображался трагиче-

ский стихийный бунт одиночки, процесс «выламывания» его из пошлой, закосневшей среды, довольно часто публиковались в различных книгах для чтения, что также приводило к их за-прещению. Произведения других писателей-знаньевцев, в кото-рых звучат мотивы «бунта», борьбы за свободу, тоже неизменно отвергались комитетом. Так, например, был запрещен для библиотек сборник рассказов А. С. Серафимовича «Простая жизнь» (СПб., 1911) за публикацию аллегории под названием «Капля». «В общем, — писал о ней член комитета В. В. Сиповский, — получается что-то сумбурное и тенденциозное». «Классовое чутье» не обмануло здесь сотрудника комитета: под завуали-рованной оболочкой он увидел истинный, пророческий смысл этой аллегории, разъясненной впоследствии самим Серафимо-вичем: «Многим, даже оппозиционно настроенным против цар-ского самодержавного строя, тогда казалось, что самодержавие стоит прочно в веках, как могучая сила, что ему износу не будет. Надо было разъяснить, что идущая десятилетиями под-польная революционная работа подтачивает, как подпочвенная вода, стекающая каплями, устой самодержавия»²⁷.

Итак, все попытки (мы опускаем здесь многие аналогичные документы из архива Ученого комитета) демократически на-строенных педагогов и издателей провести в народную и школь-ную среду свободололюбивые произведения «знаньевцев», закон-чились неудачей. Член комитета Майков, заключая свой отзыв об одной из таких хрестоматий, отметил: «Не могу признать книгу желательною для употребления в школе и невольно еще раз вспоминаю о тех совершенно определенных программах для таких книг, которыми руководствуются составители в Гер-мании, давая, кроме материала для классного занятия, и мате-риал для воспитания немецкого гражданина»²⁸. «Зависть» педагога-охранителя вполне понятна: школьные хрестоматии кайзеровской Германии (так же, как и позднее Германии фашист-ской) своей главной целью ставили оболванивание молодых людей, искоренение в них малейших признаков индивидуаль-ности (вспомним, в связи с этим, ироническую и совершенно убийственную характеристику таких хрестоматий в романе Э.-М. Ремарка «Возвращение»).

Ряд произведений молодых писателей из окружения Горь-кого был изгнан из народных и школьных библиотек за отсут-ствие «религиозного элемента» или, более того, из-за изобра-жения «отрицательных черт» в жизни духовенства. К последней группе изданий были отнесены Ученым комитетом многие рас-казы С. И. Гусева-Оренбургского, А. С. Серафимовича, Н. Д. Телешова и других писателей.

В архиве Ученого комитета сохранились также отзывы, в которых звучит откровенно неприязненное отношение охранит-елей-педагогов к художественным достижениям, стилю и языку молодой демократической литературы. Не решаясь открыто

предъявить «знаньевцам» претензии чисто политического свойства, члены комитета, в ряде случаев, апеллировали к «художественной слабости», «несовершенству» произведений этих писателей. Так, например, отмечалось, что постоянно включаемые в хрестоматии и сборники «такие отрывки, как «Гроза в степи» и «Море ночью» Горького (из рассказов «Мой спутник» и «Челкаш». — А. Б.) ничего в себе, кроме набора слух, неестественных противоположений, метафор, не представляют и могут быть даже вредными примерами для читающих хрестоматии учеников». Но более ясно истинная подоплека раскрыта в отзыве Радонежского: «В подборе статей много мрачного, тяжелого, Во многих статьях природа представлена в мрачном виде. Природа изображается в большей части ночью или зимой, в бурю, грозу»²⁹.

Таким образом, подлинная причина запрещения этих отрывков заключается не в их «художественном несовершенстве», а в том, что, с точки зрения цензоров Ученого комитета, они придают некий «мрачно-грозовой» характер книге для чтения. Совершенно неприкрыто эта установка выражена в следующей резолюции: «Требуется возвышенный и здоровый взгляд на явления природы и потому не должно сообщать своим читателям плаксивых и тенденциозных описаний природы, так как наши авторы часто прибегают к картинам природы только для того, чтобы выразить свои политические неудовольствия». Сопоставим эти отзывы обскурантов из Ученого комитета о ярких, красочных описаниях природы в ранних рассказах Горького, с той высокой оценкой, которую дал им И. Ф. Анненский. В частности, рецензируя книгу Ф. В. Виноградова «Литературный вечер» (1902), он назвал эти описания «красивыми», отказавшись, разумеется, от того утилитарного, спекулятивного подхода, который виден в приведенных выше отзывах.

Последовательно изгонялся из круга массового чтения рассказ М. Горького «Ярмарка в Голтве» по той причине, что он пестрит «грубыми» выражениями, но, главным образом, из-за частого употребления «малороссийских слов и выражений». В этом сказался не столько «эстетизм» педагогов, «шокированных» грубыми словами, сколько их шовинизм, систематически проявлявшийся в отношении украинского народа и его языка вплоть до 1917 г.

Совершенно неаргументированно звучит «критика» в адрес знаменитого рассказа А. И. Куприна «Штаб-капитан Рыбников» (1909): «В рассказе описываются кутежи литераторов. Рассказ, кроме того, глупый. Штаб-капитана Рыбникова принимают за японского шпиона и, между прочим, потому, что он сказал слово «банзай». Книжку нельзя допустить ни в школы, ни в библиотеки»³⁰. О чудесной сказке М. Горького «Воробышко», помещенной в «Голубой книжке. Сказки Горького и Саши Черного» (СПб., 1912), член комитета Холодняк заме-

тил: «Сказка никакими литературными достоинствами не обладает. Молодой воробей относится ко всему критически, распевает глупые песни собственного сочинения, вываливается из гнезда и едва не попадает в лапу кошке»³¹. Совершенно безобидная и забавная сказка Л. Андреева «Храбрый волк», опубликованная в сборнике «Утро» (1909), была названа «...тенденционно-декадентским измышлением модного беллетриста». Отзыв члена комитета Коринфского свидетельствует об отсутствии у него чувства юмора, узколобом, пуристском понимании специфики литературного творчества для детей; но, скорее всего, дело заключалось не столько в содержании самой сказки, сколько в самом факте публикации в сборнике для детей произведения Леонида Андреева.

Были изгнаны из библиотек и многие произведения А. С. Серафимовича, так как, по отзыву члена комитета А. А. Папкова, «все его рассказы слишком заурядны, малосодержательны и даже малограмотны, а потому не заслуживают никакого внимания со стороны Ученого комитета»³². Приводимые Папковым фразы из произведений Серафимовича свидетельствуют, прежде всего, о неприятии педагогами-охранителями тех новых изобразительных средств, которые вошли в новейшую русскую литературу на рубеже веков, в частности, особенностей языка, отразивших катастрофичность действительности, ожидание перемен. Ряд выражений Серафимовича, приведенных в отзыве, вполне традиционны: очевидно истинная причина запрещения рассказов заключалась не столько в «неудобной форме», сколько в «неудобном» содержании произведений писателя-реалиста, отразившего в них тяжелую жизнь народа.

Но еще более ясно уровень «официальной критики» проявляется в оценке Ученым комитетом произведений такого мастера, каким был И. А. Бунин. Рецензируя его рассказы «На край света» и «Кастрюк», член комитета Аверкиев заметил, например: «Оба рассказа бессодержательны и скучны» (1897 г.). Через четыре года тот же член комитета запрещает для народных библиотек сборник «Полевые цветы», в который вошли три рассказа Бунина («На Донце» — последнее название «Святые горы», «На чужой стороне» и «Скит»). Сначала Аверкиев пытается найти в рассказах «политику»: «Молодой помещик, разговаривая с Мелитоном, задает ему разные вопросы. Один из них, например, такой: «Правда ли, что тебя гоняли сквозь строй?». На что Мелитон отвечал «Правда». Конечно же, такие напоминания крайне нежелательны, ибо «вызывают напряженность умов». Но вот «критика» художественных достоинств рассказов Бунина: «...все описание бесталанно и скучно... все три рассказа крайне бессодержательны и скучны»³³. Снова сравним приведенные выше отзывы с мнением И. Ф. Анненского, рецензировавшего для Ученого комитета пятитомное собрание сочинений И. А. Бунина, выпущенное

издательством «Знание». Он отмечает «огромную культуру, свежесть, изобретательность» Бунина и заключает свой отзыв так: «Горячо рекомендую вниманию педагогических советов сочинения Бунина при пополнении библиотек средних учебных заведений»³⁴.

Перечень подобных примеров, показывающих гелертерское отношение членов Ученого комитета к творчеству писателей-знаньевцев, можно было бы продолжить... Чем же объясняется столь резко негативное отношение членов Ученого комитета к произведениям писателей-знаньевцев, особенно — к художественной форме их произведений? Конечно же, не каждый, даже очень опытный и добросовестный критик, может по достоинству оценить новые художественные достижения (например, А. М. Скабичевский первоначально не оценил некоторые ранние рассказы Бунина). Среди членов комитета (мы не говорим сейчас об откровенных реакционерах А. А. Радонежском и Н. А. Майкове) были видные драматурги (Д. В. Аверкиев, близкий одно время к Ф. М. Достоевскому), крупнейшие историки литературы (В. В. Сиповский и И. А. Шляпкин), которые также «приложили руку» к литературе «Знания». В своих **собственных** научных работах они проявляли и вкус, и такт, и объективность (например, В. В. Сиповский в своем известном исследовании по истории русского романа). Очевидно, мы наблюдаем здесь интересный феномен раздвоения личности, когда изменение психологической и идеологической (как сказал бы современный психолог, «ролевой») установки — в данном случае, служба в охранительном учреждении — коренным образом меняет и эстетические критерии, приводит к чрезвычайно субъективистской искаженной оценке достижений новейшей литературы. Но тут важно вот какое обстоятельство: в том случае, если бы эти оценки были высказаны литературоведами в открытой печати, в качестве **личного** их мнения, они бы являлись, в общем, лишь фактами биографии самих ученых; но право вето, которым обладали члены Ученого комитета, приводило к изгнанию молодой литературы из круга массового чтения, чрезвычайно сужало сферу ее распространения. В этом — одно из основных отличий «критики официальной», как называл К. Маркс цензуру, от критики публичной... Истинная же подоплека запрещения «знаньевской» литературы заключается не в «художественных недостатках» ее, а в гуманистическом содержании, изображении нищеты и бедствий народных, в романтическом призыве к борьбе. Таким образом, в приведенных выше отзывах, классовый подход к новой литературе замутнен, прикрыт флером «эстетических» претензий.

Итак, новый читатель начала XX века, на которого открыто ориентировались в своем творчестве и издательской деятельности писатели-знаньевцы, находился в чрезвычайно трудном положении, отягощенном пресловутыми «независящими обстоя-

тельствами». Мы наблюдаем настойчивое — чаще открытое, а иногда завуалированное стремление охранительного лагеря изгнать произведения писателей горьковской плеяды из сферы обращения в массовых кругах читателей. Общее настороженное, подозрительное отношение ко всей новейшей литературе начала XX в. наиболее отчетливо проявилось именно в оценке «знаньевской», так как в ней, с точки зрения цензурных учреждений, заключалась наибольшая опасность для идеологии самодержавия. Манипулируя общественным сознанием, педагогическими охранителями не случайно обратили внимание на круг массового чтения, ибо совершенно справедливо видели в нем основу для формирования идейных и нравственных убеждений человека. Умозрительно создав «модель» массового читательского сознания, они стремились подогнать под нее всю русскую литературу. Все, что не совпадало с этой «моделью», искусственно сконструированной в головах защитников самодержавия, должно было быть изгнано из круга чтения.

Таковы лишь отдельные проблемы истории массового чтения «знаньевской» литературы в начале XX века. Дальнейшее изучение этой темы позволит более детально и всесторонне восстановить картину чтения литературы «Знания» в предреволюционное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С наибольшей полнотой история издательства исследована О. Д. Голубевой. См. например, ее книгу: Горький-издатель. М., «Книга», 1968.

² См.: Горький М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 28, с. 322.

³ См.: Архив А. М. Горького. Т. 4. М., 1954, с. 88.

⁴ См.: Горький М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 23, с. 287.

⁵ Там же, с. 292.

⁶ См.: Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1948, с. 108.

⁷ См.: Голубева О. Д. Указ. соч., с. 23.

⁸ Подробнее об этом см. в нашей статье: Бунин и Сибирь. — «Сибирские огни», 1970, № 10, с. 143—147.

⁹ Данные приводятся по статье А. Маклецова «Из хроники народной библиотеки» («Рус. школа», 1906, № 4, с. 43).

¹⁰ Голубева О. Д. Указ. соч., с. 45.

¹¹ См.: «Образование», 1903, № 9, с. 85—100.

¹² Мезьер А. В. — «Рус. школа», 1913, № 1, с. 9.

¹³ Белоусов И. А. Царская цензура. — «Сегодня». Альманах. Вып. 2, М., 1927, с. 170.

¹⁴ Центральный Гос. исторический архив СССР, ф. 734, оп. 3, 1911 г., д. 129, л. 1221.

¹⁵ Там же, 1901, д. 96, л. 325.

¹⁶ Там же, ф. 733, оп. 172, 1902 г., д. 1902, л. 148.

¹⁷ Там же, ф. 734, оп. 3, 1910 г., д. 127, л. 1657.

¹⁸ Там же, ф. 733, оп. 196, 1911 г., д. 558, л. 189.

¹⁹ Стенографический отчет 4-й Государственной Думы. Сессия I. СПб., 1913, с. 352.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 196, 1902 г., д. 462, л. 71.

²¹ Там же, 1904 г., д. 2312, л. 33.

²² Там же, ф. 733, оп. 172, 1901 г., д. 1671, л. 161.

²³ Там же, ф. 734, оп. 3, 1902 г., д. 98, л. 243.

- ²⁴ Там же, 1911 г., д. 222, л. 53—54.
- ²⁵ Там же, ф. 734, оп. 3, 1909 г., д. 123, л. 1597.
- ²⁶ Там же, ф. 736, оп. 3, 1908 г., д. 120, л. 423.
- ²⁷ Серафимович А. С. Собр. соч. Т. 3. М., 1948, с. 372.
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 734, оп. 3, 1910 г., д. 127, л. 2722.
- ²⁹ Там же, ф. 734, оп. 3, 1903 г., д. 124, л. 1851.
- ³⁰ Там же, ф. 733, оп. 196, 1912 г., д. 634, л. 722.
- ³¹ Там же, ф. 734, оп. 3, 1913 г., д. 226, л. 48.
- ³² Там же, ф. 733, оп. 196, 1916 г., д. 1047, л. 1849.
- ³³ Там же, ф. 734, оп. 3, 1902 г., д. 98, л. 1424.
- ³⁴ Там же, ф. 733, оп. 196, 1908 г., д. 305, л. 137.

В. А. ФОКЕЕВ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ КРЕСТЬЯНИНА ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КАК ЧИТАТЕЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Тема «Произведения В. И. Ленина и читатель» по праву занимает одно из самых почетных мест в советском библиотековедении, библиографии и истории книги. Процесс распространения ленинских трудов — это доведение до умов и сердец миллионов трудящихся идей марксизма-ленинизма, овладение ими массами и превращение их в материальную силу.

Анализ высказываний читателей о работах В. И. Ленина — неотъемлемый элемент многих исследований издания и распространения ленинских произведений до Великой Октябрьской социалистической революции¹. После победы Великой Октябрьской социалистической революции произведения В. И. Ленина стали объектом социологических исследований книги и чтения, особенно широко проводившихся в 1920-е годы. Сведения о восприятии книг и статей В. И. Ленина читателями мы можем найти в работах Е. Хлебцевича, Б. Банка, А. Виленкина, В. А. Невского, М. А. Смушковой и других библиотковедов. Первой статьей, специально посвященной анализу чтения ленинских трудов, была работа Е. Хлебцевича, появившаяся в 1924 году². Из современной литературы по данному вопросу заслуживает внимания исследование интереса рабочих Горьковского автозавода к произведениям В. И. Ленина³. Можно без преувеличения сказать, что не только центральные союзные и республиканские библиотеки, но и все областные выпустили к настоящему времени разнообразные материалы об опыте пропаганды ленинских трудов с анализом их чтения.

Особый интерес представляет изучение вопросов распространения и чтения произведений В. И. Ленина в первые годы Советской власти. Впервые в истории широко народные массы получили возможность открыто читать, изучать марксистско-ленинскую литературу. Процесс овладения трудящимися теорией марксизма-ленинизма был сложным, многогранным. Мил-

лионы читателей и слушателей произведений В. И. Ленина усваивали не только новые идеи, понятия, но и новую для них терминологию. Постепенно формировался тип массового читателя общественно-политической литературы, читателя — активного борца за коммунистические идеалы. Между тем, специальных исследований, где были бы проанализированы особенности восприятия ленинских трудов различными читательскими группами в 1917—1923 гг., показано их значение в усвоении массами политики Коммунистической партии, не существует. Не претендуя на исчерпывающую полноту разработки темы, мы попытаемся рассказать в настоящей статье о чтении произведений В. И. Ленина представителями беднейшего и среднего крестьянства.

* * *

*

Передовые представители беднейшего и среднего крестьянства были знакомы с некоторыми произведениями В. И. Ленина еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Как показывают документы царской охранки и воспоминания, особенно активно читалась в деревне знаменитая книга «К деревенской бедноте»⁴. По далеко не полным данным только с мая 1903 по декабрь 1905 г. эта книга Ленина распространилась в 75 населенных пунктах страны. Большое значение в процессе подготовки Октябрьской революции имела популяризация среди крестьянства «Открытого письма к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов 7(20) мая 1917 г.»; «Речи по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г.»; «Речи об отношении к Временному правительству 4(17) июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов», «Речи о войне 9(22) июня 1917 г.»; «Уроки революции», «Политические партии в России и задачи пролетариата», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и других работ о земле, войне, мире, о программных требованиях большевиков. В своих письмах в ЦК РСДРП(б) и местные комитеты крестьяне просят прислать им Программу партии. Большевистские агитаторы знакомят крестьян с трудами В. И. Ленина.

Однако только после свержения Временного правительства ленинская книга стала по-настоящему доступна деревне. Общеизвестно, с каким энтузиазмом встретило крестьянство Декреты о земле и мире, как жадно вчитывались или вслушивались крестьяне в каждую строку декретов. Далеко не случайны первые советские издания работ В. И. Ленина были рассчитаны именно на деревенского читателя и посвящены аграрному вопросу. Это брошюра «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало крестьянам правительство большевиков» (Пг., 1917), «Ответ на запросы крестьян», опубликованный в газетах и в форме листовки, тематический сборник «Материалы по аграрному вопросу» («Прибой», Пг., 1917) и другие.

В 1917—1923 гг. только в виде книг, брошюр и листовок произведения В. И. Ленина выходили на территории СССР около 770 раз⁵. Партия придавала особое значение распространению в деревне этих изданий, газет и журналов с работами В. И. Ленина — могучего средства политического воспитания крестьянских масс, пропаганды марксистско-ленинской теории.

Этот вопрос обсуждался на партийных съездах и конференциях. Восьмая Всероссийская конференция (2—4 декабря 1919 г.) в «Тезисах об использовании новых членов партии» записала решение мобилизовать грамотных коммунистов для чтения газет и брошюр в клубах, избах-читальнях, книгоношества по деревням и т. д. Согласно уставу партии, принятому этой конференцией, волостные комитеты были обязаны организовывать распространение литературы⁶.

В резолюции VIII съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» указывалось, что для грамотных на первом месте должно стоять распространение общеполитической и специально для крестьян издаваемой литературы и газет в выдержанном коммунистическом духе⁷. Продвижение ленинской книги в деревню велось в широких масштабах, несмотря на транспортные трудности. Только за один май месяц 1919 г. в Коротокоякском уезде Воронежской губернии было распространено среди крестьян 490 различных ленинских брошюр, за август 1920 г. в Агдашском уезде (ныне территория Азербайджанской ССР) были распределены 215 экз. работ Ленина и т. д.⁸

Партийные ячейки организовывали громкие читки и разъяснения ленинских работ среди крестьян. Громкие читки были самой распространенной формой ознакомления крестьянства с трудами В. И. Ленина. Это объяснялось прежде всего безграмотностью основной массы крестьянства, что учитывалось как издательскими работниками, так и коммунистами-агитаторами, пропагандистами произведений В. И. Ленина.

Следующей важной особенностью крестьянина — читателя первых лет Советской власти была конкретность мышления, отсутствие навыков чтения теоретической литературы. Все прочитанное или услышанное во время чтения он сопоставлял со своим крестьянским опытом, искал примеры из жизни своей деревни. Его могли привлекать лишь работы, в которых он надеялся получить ответы на волновавшие его вопросы о земле, мире, дальнейшем развитии революции, судьбах крестьянства.

Под воздействием вышеперечисленных факторов складывался особый, специфический для данного периода тип изданий произведений В. И. Ленина. Прежде всего, его характеризовали заглавия книг, которые давались редакциями или издательствами, публиковавшими ленинские работы. Заглавия подбирались с тем расчетом, чтобы привлечь внимание крестьянина, показать, что это издание необходимо ему. Часто заглавия слу-

жили как бы лозунгами, формулировками задач, стоящих перед страной, партией, народом. Иногда они ставились в форме вопроса, который часто задавали сами крестьяне. Практиковалось вынесение в заглавие имени Ленина. Вот некоторые из заглавий произведений, особенно популярных в те годы — «Как коммунисты (большевики) относятся к среднему крестьянству», «Чтобы добиться мира, нужно разбить Врангеля», «Ответ буржуям на пять вопросов», «Задачи коммунистов в деле просвещения масс», «Чего требует от нас текущий момент», «Три главных врага: коммунистическое чванство, безграмотность и взятка», «Пять уроков Ильича из колчаковщины», «На хозяйственный фронт», «Чему учиться и как учиться».

Усвоить содержание ленинских работ крестьянину помогал и своеобразный прием их деления на небольшие части с подзаголовками, публикация отдельных высказываний в газетах под заглавиями «Тов. Ленин сказал», «Кулацкая опасность», «Почему на крестьянское хозяйство обращается больше всего внимания», «Помощь крестьянству — наша первая задача». Издания сопровождалась иногда словариками непонятных терминов, комментариями редакций и издательств.

Для крестьянина — читателя произведений В. И. Ленина были свойственны и высокая активность, стремление разыскать, получить издания ленинских работ, некоторые из которых не всегда доходили до деревни, разобраться в них, следовать идеям, выраженным в произведениях любимого вождя. Об этом прежде всего свидетельствуют крестьянские письма В. И. Ленину и в комитеты партии. Так, крестьянин Ф. А. Пименов из деревни Бердишево Муромского уезда Владимирской губернии 8-го февраля 1918 г. в письме ЦК РСДРП(б) просил выслать ему «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции». Пименов объяснял свое желание тем, что он «считается большевиком» и очень хочет научиться «нашей большевистской программе, которую издал Ленин»⁹.

Комиссар агитпоезда Советской Армии Украины М. Кисилев вспоминал, что крестьяне с исключительным интересом читали ленинские брошюры и слушали записи его речей на пластинках¹⁰. Агитаторы сообщали из деревни, что трудящиеся «усиленно спрашивают сочинения Маркса, Ленина, программу коммунистов...»¹¹.

Крестьяне не только внимательно следили за статьями, речами и брошюрами В. И. Ленина, но и собирали их у себя дома. «Несмотря на то, что я беспартийный, хлебороб, много имеется у меня книг Ленина, а также других — о Ленине»¹², — писал крестьянин из станицы Алексеевской Хоперского округа Царицынской губернии М. М. Закачурин.

Естественно, что основная масса крестьянства знакомилась с ленинскими работами в библиотеках, избах-читальнях. Крестьяне зачастую выступали инициаторами создания библиотек,

открытия в них отделов Октябрьской революции с включением в них трудов Ленина¹³.

В 1918 г. из 120 наименований книг в библиотеке при Гифметьевском комбед (Казанская губерния) 24 брошюры принадлежали перу В. И. Ленина: «Очередные задачи Советской власти» (24 экз.), «Главная задача наших дней» (10 экз.), «Доклад и заключительная речь на III Всероссийском съезде Советов» (7 экз.) и другие. Примерно такой же состав литературы был в тот год в Зюзинской волостной библиотеке Лаишевского уезда, Староивановской библиотеке Чистопольского уезда и других¹⁴.

Очень многие издания произведений В. И. Ленина входили в комплекты «Библиотечек для изб-читален», которые рассылались по деревням библиотечным отделом ЦК партии и Наркомпросом.

В 1923 г. 22 библиотеки Московской губернии на вопрос анкеты губполитпросвета о книгах, которые читались наибольшее количество раз из политической литературы, назвали различные ленинские работы или ответили: «произведения Ленина вообще», «Ленин»¹⁵.

Произведенный нами просмотр крестьянских заявок на книги В. И. Ленина, а также изучение воспоминаний, документов библиотек и других материалов позволяет нам выделить работы, которые пользовались наибольшим спросом крестьянства. К ним относятся перечисленные выше издания, а также труды по аграрному вопросу, брошюры «Политические партии в России и задачи пролетариата», «О продналоге», «Успехи и трудности Советской власти», «Уроки революции», «Ответ буржуям на пять вопросов» (Ответ на вопросы американского журналиста, 20 июля 1919 г.), «Великий почин», «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Деникиным», «Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря на VIII Всероссийском съезде Советов 22—29 декабря 1920 г.», «Странички из дневника», «О кооперации» и другие. Подготовленные, имеющие навык чтения политической литературы крестьяне, а также красноармейцы усиленно читали «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Лучше меньше да лучше» и другие произведения.

Мы остановимся более подробно на чтении крестьянами работ, посвященных проблеме, которая особенно волновала деревню — об отношении партии к среднему крестьянству.

Учитывая двойственную классовую природу среднего крестьянина-труженика и в то же время мелкого хозяйчика, партия никогда не смешивала его с кулаком, стремилась к соглашению с ним. «Тов. Ленин ясно и определенно сказал, что

желание крестьян жить лучше — это законное желание, которое Советская власть должна всячески удовлетворять», — писала 11 августа 1918 г. «Правда» в статье «Средний крестьянин и Советская власть», комментируя ленинскую речь на V съезде Советов.

На этом съезде левые эсеры, готовившие бесславный мятеж против Советского правительства, пытались использовать трибуну, как арену борьбы против большевиков, натравить крестьян на Коммунистическую партию, оклеветать ее перед крестьянством.

Но крестьяне читали произведения В. И. Ленина, и находили в них совсем не то, о чем разглагольствовали левые эсеры. Работа «Письмо к Елецким рабочим», статья «Товарищи рабочие! Идем в последний и решительный бой», «Телеграмма всем совдепам о союзе рабочих и крестьян» помогли им уяснить политику партии по отношению к крестьянству — беспощадная борьба с кулаком, соглашение со средним крестьянством, слияние с деревенской беднотой.

Усвоению крестьянскими массами ленинских идей способствовали публикация и распространение речи В. И. Ленина на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний 8-го ноября 1918 года. Он говорил в этой речи об организации бедноты для борьбы против кулачества, значении организации коммун, артельной обработки земли, товариществ крестьян. Учитывая важность речи, газета «Беднота» опубликовала ее дважды — 9 ноября — газетный отчет, а на следующий день — стенографическую запись. Газеты с текстом речи широко распространялись в деревне. На собрании союза рабочих села Кукморы Мамадышского уезда Казанской губернии 26 ноября 1918 года было вынесено постановление об ознакомлении всего населения с ее содержанием¹⁶.

Причины перехода от лозунга нейтрализации средних крестьян, которого партия придерживалась на первом этапе развития социалистической революции, к политике прочного союза с ними В. И. Ленин обосновал в статье «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной 20 ноября 1918 г. и опубликованной 21 ноября в «Правде», а затем в «Петроградской правде», «Северной коммуне», «Уральском рабочем» (Пермь) и других газетах. Переход вызывался поворотом среднего крестьянства на сторону Советской власти, наметившимся осенью 1918 года и вызванным ее правильной внутренней и внешней политикой.

Неоценимое значение в усвоении партийной общественностью и широкими крестьянскими массами политики партии по отношению к крестьянству имела публикация на страницах партийной и советской печати других ленинских работ, в которых развивались положения, выдвинутые в статье. В «Правде», «Известиях», «Бедноте» и других центральных и местных газе-

тах и журналах печатались «Речь на собрании 20 ноября 1918 года, посвященном чествованию В. И. Ленина», «Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года», «Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 года» и другие.

В речи на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 года В. И. Ленин говорил о постепенном переходе к общественной обработке земли, необходимости убеждения среднего крестьянства, союза, соглашения с ним.

Впечатление, произведенное речью на крестьян-делегатов съезда, было настолько велико, что они потребовали от президиума отпечатать и раздать им ее текст. «Беспреренно, чтоб была, — строго говорит мне сосед-владимирец, когда я ему объявил, что редакция «Бедноты» выпустит речь отдельным листком», — писал корреспондент газеты «Беднота» в своем отчете о съезде¹⁷.

На следующий день в «Бедноте» было помещено объявление об издании для делегатов съезда ленинской речи. Она раздавалась им в Доме Союзов в киоске «Бедноты».

В политсводках по Восточному фронту за декабрь 1918 года отмечалось, что среди крестьян Поволжья усиливается интерес к созданию сельскохозяйственных коммун, общественной обработке земли, и в связи с этим наблюдается большой спрос на газеты, книги, брошюры, главным образом агитационные по крестьянским вопросам. Советская литература была настолько популярна, что за старый номер газеты крестьяне платили по 12 рублей¹⁸. Об аналогичных фактах сообщали из Рязанской губернии: «Положительные стороны деревни выражаются в... тяге крестьян к книге и грамоте. Я видел как мужички брали газету «Беднота» или «Советский календарь» с речью Ленина за 50 руб., который стоит 2 руб. 50 коп.»¹⁹.

В избах-читальнях, на крестьянских сходах, съездах речь В. И. Ленина зачитывалась и комментировалась. Съезд волостных земотделов Мокшанского уезда Пензенской губернии, общее собрание крестьян Гриминской волости Ржевского уезда (ныне Калининская область), ознакомившись с речью, послали приветственные телеграммы В. И. Ленину с заверением приложить все силы и энергию на организацию коллективных и советских хозяйств и искренним сердечным приветом за благие начинания по земельной реформе²⁰.

«Чтобы подвести крестьянские массы к строительству хозяйства на коллективных началах, нужна была длительная работа среди основной массы крестьянства, — писала впоследствии Н. К. Крупская. — Читая письма крестьян, Ильич постоянно это чувствовал. Сохранилась пометка Ильича на одном письме крестьянина о положении в деревне, на этом письме от

февраля — марта 1919 года Ильич отмечает: «Вопль за середняка-крестьянина»²¹.

Крестьянин Г. Гулов сообщал в «Известия»: «После того, как тов. Ленин сказал, что крестьяне-середняки есть самая хорошая опора для государства, середняки это слово твердят каждую минуту и говорят: «если бы правительство отделило середняков от кулаков и бедноты, то середняки всеми силами поддерживали бы Советское правительство, в особенности хлебом и другими продуктами»²². Но, по свидетельству Г. Гулова, середнякам все еще было неясно их положение и отношение к ним Коммунистической партии. Поэтому он просил Ленина разъяснить, что значит крестьянин-середняк и какую помощь он окажет социалистическому строителю, «если о крестьянах-середняках будут понимать правильно»²³.

В. И. Ленин откликнулся на крестьянскую просьбу, опубликовав 15 февраля в «Правде» и «Известиях» статью «Ответ на запрос крестьянина», перепечатанную затем в «Бедноте» и газетах 10 губернских городов, изданную брошюрами в Киеве, Одессе (два издания), Чернигове. «Ответ на запрос крестьянина» переводился на чувашский, латышский, татарский языки. VIII съезд РКП(б), заслушав 23 марта 1919 года доклад В. И. Ленина «О работе в деревне», принял решение о переходе к прочному союзу со средним крестьянством при опоре на бедноту для борьбы с кулаками, вовлечении крестьян в дело строительства социализма.

Один из делегатов съезда предложил сразу же после доклада «О работе в деревне» прекратить прения и перенести работу в деревню, так как, по его мнению, после доклада все дальнейшие разговоры были бы только перефразировкой того, что сказано²⁴. Но В. И. Ленин не согласился с этим предложением. Он подчеркнул важность продолжения прений «...для всей России, которая не только будет вычитывать решения нашего съезда, но и захочет знать насколько партией разделяется интерес к работе в деревне»²⁵.

Вся Россия, как и предсказывал В. И. Ленин, вчитывалась в съездовские документы, доклад «О работе в деревне», разошедший по стране в тысячах экземпляров. В 1919—1920 годах доклад был издан 27 раз в разных городах страны. Издательство «Коммунист» выпустило доклад двумя изданиями под броским заголовком, впервые употребленным 26 марта редакцией газеты «Беднота» — «Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству». «Эту речь должен знать каждый партийный товарищ. Нужно ее знать и крестьянам... Она представляет громадный интерес для крестьянства»²⁶, — писала Н. К. Крупская в рецензии на брошюру.

«Читай, крестьянин, эту книжку, в которой записана речь всемирно известного вождя революции товарища Ленина — ты

узнаешь подлинное отношение к себе коммунистов и Советской власти. Непонятное себе спроси у старых коммунистов. Читай эту книжку и помни, что коммунисты твои союзники»²⁷, — таким обращением к крестьянам открывалась брошюра, изданная Гомельским губотделом распространения печати.

Ленинский доклад публиковался не только в форме брошюр, но и в листовках. Такие листовки были напечатаны Шацким уездным комитетом партии (Рязанская губерния), Боровичским укомом. Перед текстом доклада и резолюцией съезда в последней листовке, названной «Большевики-коммунисты о крестьянах», крупными буквами абрано: «Расклеить на видном месте. Прочсть на сходах»²⁸.

Пропаганда идей ленинского доклада среди широких крестьянских масс, распространение среди сельского населения литературы стало одним из основных направлений агитационно-пропагандистской работы партии после съезда. Сотни агитаторов выехали в деревни. Они читали и разъясняли доклад, распространяли его среди крестьян, проводили беседы по содержанию ленинской брошюры, других документов съезда.

Как и многие другие произведения В. И. Ленина, его доклад на VIII съезде партии зачитывался на собраниях крестьян, волостных сходах, съездах Советов. Чернецкий волостной съезд Советов (Шуйский уезд Иваново-Вознесенской губернии), ознакомившись с докладом, послал В. И. Ленину свое горячее приветствие²⁹.

Крестьянин с. Макарова Новохоперского уезда Воронежской губернии Я. Рыльков писал В. И. Ленину в июле 1920 года о том, что когда он прочитал брошюру «Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству», то решил вступить в Коммунистическую партию. Я. Рыльков воевал с белогвардейцами, служил в советской милиции. Он рассказывал В. И. Ленину в своем письме, что хотя и защищал Советскую власть, но не мог ответить на вопросы крестьян-односельчан, почему власть Советов не может существовать без партии коммунистов и как большевики относятся к беднякам и середнякам. «Но когда я достал книжку под заголовком «Как коммунисты относятся к среднему крестьянству», которую прочитал и разъяснил своему старику-отцу и соседям, то таковые очень увлеклись Вашей речью, ибо идея Ваших слов зажгла в моем отце-старике и соседях революционное пламя»³⁰, — продолжал Я. Рыльков.

Печать того времени также отмечала, что из всей революционной литературы самыми любимыми в деревне были брошюры с речами В. И. Ленина и особенно его доклад «О работе в деревне». В статье «Ленин и крестьянство», помещенной в казанской газете «Знамя революции» от 22 апреля 1920 года, го-

ворилось об интересных наблюдениях коммунистов, работавших в селах по выполнению хлебной разверстки.

Тогда, когда со стороны советских работников допускались ошибки, крестьяне очень оживленно ссылались на Ленина и даже появлялась «как из-под земли» знаменитая брошюра о «середняке». Но не было случая, чтобы в деревне обмолвились о Ленине, когда крестьяне чувствовали, что правда не на их стороне.

Один из агитаторов-коммунистов Курской губернии сообщал 15 мая 1919 г. в «Бедноте», что после громкого чтения брошюры В. И. Ленина крестьянам и многочисленным беседам с ними он пришел к убеждению: середняк понимает, что дала ему Октябрьская революция, и для защиты завоеваний этой революции он готов идти на любые жертвы.

Таким образом, даже сведения о распространении и восприятии произведений В. И. Ленина по одному вопросу только меньше чем за два года дают возможность проследить, как внимательно крестьяне следили за каждой вновь появлявшейся ленинской работой, как труды вождя Коммунистической партии и Советского государства способствовали росту политического самосознания трудового крестьянства.

Сила воздействия печатного ленинского слова на крестьян была очень велика. «Начну с того, как быстро развивается человек, а главное теперь не по месяцам, а по дням; вчера я думал так, а уж сегодня по-другому... Две недели речь товарища Ленина по работе в деревне на 2-м Всероссийском совещании понимал так, а сегодня перечитывал и теперь уже для меня представилась такая ясность, что думаю не ошибусь, что до сегодняшнего дня, что жил, что нет, а как будто бы сейчас родился»³¹, — делился с В. И. Невским впечатлениями от чтения речи В. И. Ленина на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 года крестьянин из Саратовской губернии коммунист Беляков.

Неотразимая ленинская аргументация приводила читателей его произведений к правильным выводам, к пониманию политики партии. «Читая «Правду», я убедился, в особенности на речи Ленина, что нам необходимо иметь трехмиллионную революционную армию. Действительно, это задача, в особенности для крестьян, которые получили от революции землю, луга, леса, что и должны отстаивать своими силами»³², — писал в «Правду» один из крестьян в ответ на доклад В. И. Ленина на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года, в котором обосновывалась необходимость создания несравненно более могучей Красной Армии, увеличения ее до трех миллионов красноармейцев.

Эту силу ленинского слова коммунисты-агитаторы и пропагандисты использовали в своей работе среди населения. Так,

член партии с 1917 г., начальник организационно-мобилизационного отдела Северо-Восточного фронта В. И. Суздальцев-Тагунова рассказывает, что наряду с устной агитацией главным оружием в мобилизации в Красную Армию были брошюры и листовки, распространявшиеся среди населения прифронтовой полосы: «...Мы твердо верили, что ленинская книжка убедит бедняка, убедит середняка и что последние в особенности вспомнят наши книжки и листовки, ежели попадут в лапы интервентов, и вспоминали... Каждое слово прочитанной ленинской книжки било в точку, открывало глаза, призывало к действию, к борьбе»³³.

В печати того периода и документах партийных организаций мы находим убедительные свидетельства того, что произведения В. И. Ленина и устная большевистская агитация, способствовали активизации трудящихся для претворения ленинских идей в жизнь, для выполнения задач, которые ставила перед народом партия. Так, «Беднота» сообщила 25 марта 1919 года, что в ответ на ленинскую статью — призыв «Все на работу по продовольствию и транспорту», опубликованную «Правдой» 28 января 1919 г., в Новоржевском уезде Псковской губернии на заготовку дров встало 6 тысяч крестьян³⁴.

Замечательным примером воздействия ленинского слова является работа «Великий почин», после появления которой коммунистические субботники стали организовываться в широких масштабах по всей стране, в том числе и в деревне.

Известно значение произведений о новой экономической политике в уяснении крестьянством ее отличия от политики периода военного коммунизма. Ленинские работы, посвященные продовольственному налогу, основной массой крестьян были встречены с воодушевлением. Газета «Советский юг» писала весной 1921 г. о многочисленных фактах, когда после оглашения ленинского доклада на X съезде партии, документов о продналоге, хлеборобы заявляли: «хотел только пять десятин посеять, теперь постараюсь и, может, 8—10 оборудую»³⁵. Петроградский уком подчеркивал в телеграмме губкому значение распространения среди крестьянства брошюр о продналоге и отмечал, что производительность труда в некоторых местах повысилась³⁶.

После появления статьи «Странички из дневника» в деревне началось движение за подъем культурного уровня, ликвидацию безграмотности, укрепление союза с рабочим классом. Статья «О кооперации» знаменовала собой новый этап кооперативного движения в деревне.

Подобных примеров можно было бы привести множество. И все они подтверждают слова, написанные летом 1920 г. казаками, делегатами Донской области на II Конгрессе Коминтерна В. Воробьевым и Н. Пономаревым (станция Луганская)

в альбоме отзывов о В. И. Ленине: «Сии книги помогают нам стать на истинную, справедливую сторону коммунизма»³⁷.

Так в чем же сила печатного ленинского слова? Почему произведения В. И. Ленина оказывали столь сильное воздействие на крестьянские массы? Что об этом думали сами крестьяне? Ответ на эти принципиально важные вопросы позволяют дать вышеизложенные факты, материалы социологических исследований 1920-х гг. о чтении красноармейцев — бывших крестьян, анализ крестьянских отзывов на ленинские работы.

Правдивость, глубокое проникновение в сущность явлений, происходивших в деревне, и знание фактов крестьянской жизни в первую очередь отмечалось крестьянами-читателями и слушателями произведений В. И. Ленина.

«Он настоящую правду, бедную правду говорит. И знает, что сказать»³⁸. «Известия ЦИК» и «Правду» читаю. Статьи с более фактическими обоснованиями и выводами из фактов... Речь Ленина, так как он выводы свои делает из фактов», «Все его (Ленина. — В. Ф.) проекты основываются на учитываемых факторах жизни и потому всегда правильны и справедливы»³⁹. В. И. Чапаев в беседах о В. И. Ленине говорил с восхищением: «Какой простой на вид человек, а как правильно все понимает в жизни. Вот читал его статью, до чего же она верная. Ведь Ленин — интеллигент, а почему же ему так понятна крестьянская судьба?»⁴⁰. Ему вторит делегат Восьмого съезда Советов крестьянин Рязанской губернии Буянов: «Речь т. Ленина меня как беспартийного удовлетворяет особенно тем, что тов. Ленин, хотя он сам и не крестьянин, понимает душу крестьянского строительства и что в этом отношении он ничуть не расходится с моим крестьянским мировоззрением»⁴¹.

Крестьяне, красноармейцы ценили труды В. И. Ленина за доступность, ясность, простоту изложения. «И никакие писатели объяснить так просто не могут. Прояснить што б. Он те десять слов и — готово. Во ведь штука какая»*. «Мысли свои тов. Ленин выражает словами ясными, понятными для всех. Прочитав его книгу, остается ясное понятие и вывод», — делились крестьяне и казаки своими мыслями о ленинских книгах⁴².

И, наконец, крестьян подкупала скромность В. И. Ленина, проявлявшаяся в его произведениях. Один из делегатов II съезда Советов СССР писал, что он «все время следил за статьями т. Ленина и всякими декретами». «Я видел, что т. Ленин ни в одной статье не писал: я сделал, я сделаю, я при-

* О правдивости ленинских работ говорилось и в комментариях к их изданиям, рассчитанных на крестьянство. Издавая в 1919 г. «Ответ на вопросы американского журналиста» 20 июля 1919 г. под заглавием «Ответ буржуям на пять вопросов», Госиздат сопроводил текст «пояснениями» газеты «Беднота»: «Открытый, честный, правдивый ответ!» «И этим ответом тов. Ленин попадает не в бровь, а прямо в глаз буржуям», «Но тов. Ленин отрезал правду-матку в глаза» и т. д.

казываю, а всюду — мы сделали, мы делаем, мы думаем делать. Из этого я заключил, что только такие люди — друзья всему человечеству»⁴³.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные убедительно свидетельствуют о том, что труды В. И. Ленина уже при его жизни в первые годы Советской власти получили подлинное признание среди крестьян и оказали глубокое влияние на развитие революционных процессов на селе. Нового читателя-крестьянина первых лет Советской власти, несмотря на его малограмотность, характеризует стремление к активному чтению общественно-политической литературы и, в первую очередь, произведений В. И. Ленина, умение анализировать прочитанное и применять полученные знания, участвуя в строительстве нового общества. «Его заветы о диктатуре глубоко запали в наши сердца», — писали о В. И. Ленине крестьяне в траурные дни 1924 года⁴⁴, и в этом выдающуюся роль сыграли прижизненные издания и публикации ленинских трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Списки этих работ см. в кн.: Левин Л. Библиография библиографий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. М., 1961, с. 96—176; Левин Л. А. Указ. библиогр. работ. 1961—1972. М., «Книга». 288 с.; Ленинина Т. И. Произведения В. И. Ленина и литература о них. М., 1971, с. 289—466; Ежеквартальники ИМЛ при ЦК КПСС. «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин» (1968—75 гг.).

² Хлебцевич Е. Какие произведения больше всего читаются в библиотеках. — «Коммунистическое просвещение», 1924, № 1 (13), с. 163—164.

³ Рабочий читает Ленина. Из опыта работы профсоюзной библиотеки. М., 1970, с. 80.

⁴ См., например: Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956, с. 57; Революционное движение в Тульской губернии в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Тула, 1956, с. 28; Большевики Смоленщины до Октября 1917 г. (Сборник документов). Смоленск, 1957, с. 67, 78, 80—81, 103 и др.

⁵ Подсчет автора, произведенный на основании картотек и каталогов библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС, Книжной палаты, областных библиотек РСФСР, библиографических указателей. Кроме изданий в форме книг и брошюр, учитывались также листовки и плакаты с текстом Ленина.

⁶ См.: Программы и уставы КПСС. М., 1969, с. 254.

⁷ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970, с. 80—81.

⁸ ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 2, д. 40, л. 8; Папуша З. Е. Среди крестьянских масс. Баку, 1967, с. 122.

⁹ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Т. 2. М., 1957, с. 406.

¹⁰ См.: Кисилев М. Агитпоезд (Воспоминания). М., 1933, с. 13—14.

¹¹ ЦГАОР, ф. 1252, оп. 1, д. 87, л. 127.

¹² Крестьянские делегаты XI съезда Советов РСФСР и II съезда Советов СССР о Ленине. М., 1924, с. 23.

¹³ См.: Абрамов К. В честь первой годовщины Великого Октября. — «Библиотекарь», 1968, № 11, с. 10—11.

¹⁴ См.: Кибардин А. А. и др. В огне революции рожденные. Казань, 1967, с. 124.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 117, л. 18; ЦГА РСФСР, ф. 23, оп. 7, д. 29, л. 18; ГАМО, ф. 972, оп. 3, д. 35, лл. 30, 44, 45; д. 36, лл. 8—29 и др.

¹⁶ См.: Кибардин А. А. и др. В огне революции рожденные. Казань, 1968, с. 121.

¹⁷ «Беднота», 1918, № 212, 12 дек.

¹⁸ См.: ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, ед. хр. 22, л. 524; ед. хр. 21, л. 22; ед. хр. 23, л. 186.

¹⁹ Цит. по кн.: Щербак В. М. Большевицкая агитация и пропаганда (октябрь 1917 — март 1919 г.). М., 1969, с. 104.

²⁰ См.: Любовь всенародная. Письма и приветствия В. И. Ленину от трудящихся Пензенской губернии (1918—1924 гг.). Саратов — Пенза, 1966, с. 61—62; Ленин и Тверской край. Сборник документов и материалов. М., 1969, с. 137.

²¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. — В кн.: Воспоминания о Ленине. Т. 1. М., 1968, с. 571.

²² «Правда», 1919, № 9, 15 янв.

²³ «Известия», 1919, № 24, 2 февр.

²⁴ VIII съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959, с. 358.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 206.

²⁶ Крупская Н. К. Литература по земельному вопросу. — «Вестник агитации и пропаганды», 1920, № 4, с. 46.

²⁷ Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству. Гомель, Губ., отд. распр. произ. печати, 1919, с. 4.

²⁸ Большевики-коммунисты о крестьянах. Боровичи (1919), с. 1.

²⁹ Ленин В. И. и трудящиеся Иваново-Вознесенского края. Сборник документов и материалов. Ярославль, 1969, с. 179.

³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 147—148, л. 80.

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 201, л. 64.

³² «Правда», 1919, № 9, 15 янв.

³³ Суздальцева (Тагунова) В. И. Партийная работа на Северном фронте. Архангельск, 1936, с. 36.

³⁴ «Беднота», 1919, № 292, 25 марта.

³⁵ Восстановительный период на Дону. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1962, с. 14.

³⁶ ЛПА, ф. 16, оп. 1072, д. 9233, л. 9.

³⁷ «Исторический архив», 1957, 2, с. 18.

³⁸ См.: «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1919, № 184, 15 авг.

³⁹ «Знамя революции» (Казань), 1920, № 87, 22 апр.

⁴⁰ Борисова Р. В огне гражданской войны. (Воспоминания). Саратов, 1966, с. 21.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 7, д. 8 (ч. 2), л. 229.

⁴² «Знамя революции» (Казань), 1920, № 87, 22 апр.

⁴³ Крестьянские делегаты XI съезда Советов РСФСР и II съезда Советов СССР о Ленине. М., 1924, с. 15.

⁴⁴ Там же, с. 15.

И. А. ШОМРАКОВА

КРЕСТЬЯНСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ 20-х ГОДОВ (1920—1930)

Социалистическая революция в качестве неперемennого условия построения социализма предполагает культурную революцию. Один из результатов культурной революции — превращение духовных ценностей в достояние всех трудящихся.

«Теперь же, — говорил В. И. Ленин в 1918 году, — все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»¹.

Одной из первых важнейших задач культурной революции явилось создание и распространение массовой книги, т. е. книги, помогающей широким массам рабочих и крестьян поднимать свой политический и культурный уровень.

Издание массовой литературы для деревни, крестьянской литературы — одна из самых важных проблем советского книгоиздательства. Политическому воспитанию крестьянства партия большевиков всегда уделяла большое внимание. В ЦК был специальный отдел по работе с крестьянами; пропаганда должна была сочетаться с реальной помощью деревне. И в успешном решении этих задач книге отводилась важная роль.

«Книжкой, словом, идеей, заключенной в прокламацию, в брошюру, в листовку должны (коммунисты. — *И. Ш.*) звать крестьян»², — так определил задачи издательств по отношению к деревне В. Невский на 2-м Всероссийском съезде Центропечати в 1920 году.

Начало издания крестьянской книги относится к 1923 г. Первыми книгоиздательствами, начавшими ее выпуск, были «Новая деревня» и «Красная новь». На необходимость всемерного увеличения издания крестьянской книги, улучшения ее качества и распространения обратил внимание XIII съезд РКП(б). С 1924 года начался постепенный количественный рост и качественные изменения этого вида литературы. Если в 1923 году было выпущено только 344 названия, то уже

в 1924 году количество их достигло 1014. Увеличивались и тиражи: если в 1924 году обычным тиражом считалось 25 тыс. экз., то в 1925 году — 25 тыс. экз. был самым низким; 50 тыс. экз. — средним, а обычным тиражом считалось 100 тыс. экз. В 1923—1924 гг. только семь издательств выпускали крестьянскую книгу, в 1924—1925 гг. — уже двенадцать. Расширилась и тематика крестьянской литературы: помимо сельскохозяйственной и научно-популярной стали выпускать художественную, общественно-политическую и прикладную-ремесленную. В 1924 году издание крестьянской книги выглядело таким образом:

сельскохозяйственная	— 37,5 %;
социально-политическая	— 30 %;
художественная	— 17 %;
научно-популярная	— 15,2 %;
прочая	— 0,3 %.

Такое соотношение можно считать нормальным для того времени и соответствующим потребностям деревни в том или ином виде литературы.

Между издательствами существовало некоторое «разделение труда»: «Новая деревня» выпускала преимущественно сельскохозяйственную литературу (76,6% своей продукции); Ленгиз — социально-политическую (63,8%); «Долой неграмотность» — учебную (63%). С 1924 года ведущее место стал занимать Госиздат, издававший все виды литературы для крестьян.

Именно в Госиздате сформировались основные типы издания крестьянской литературы: 1) популярные брошюры — «книжки-копейки» (стоимостью в 1-2 коп.), рассчитанные на малограмотных; 2) популярные книги объемом в 3—5 печ. л. — «ситцевые книжки» (3-4 коп.), предназначенные читателям средней грамотности и 3) серии более фундаментальных изданий, адресованные грамотным крестьянам, в основном, партийному активу, каждая книга в такой серии стоила от 8 до 30 коп.

Крестьянская книга охватывала все виды литературы: общественно-политическую, экономическую (по всем отраслям сельского хозяйства), учебную, научно-популярную, художественную и др.

Наиболее удачной серией крестьянской литературы была «Сельскохозяйственная библиотека», состоявшая из 60 книг, по всем вопросам сельского хозяйства, написанных опытными агрономами и вполне понятным для крестьян языком. Издания составлялись с учетом специфики хозяйства отдельных районов. Конечно, и здесь встречались книги, далекие от практических потребностей деревни. Например, брошюра В. В. Винера «Многопольные севообороты Западной области (Белоруссия)», в которой много говорилось о севооборотах в Германии, Англии, и

очень мало — о Белоруссии. Но, в целом, это была настолько удачная серия, что Главполитпросвет считал ее лучшей из аналогичных изданий и в своем циркулярном письме предлагал всем органам системы политпросвета помогать Госиздату в ее распространении.

Другой, не менее значительной, была «Библиотека для крестьян и рабочих». Книги этой серии должны были помочь рабочим и крестьянам разобраться в их каждодневной жизни, в работе, в быту. В «Библиотеке» было 8 отделов: 1) дом, двор, хозяйство (5 названий); 2) охрана здоровья (6 названий); 3) воспитание детей и самообразование (3 названия); 4) промыслы и ремесла (13 названий); 5) полевое хозяйство (30 названий); 6) животноводство и плодоводство (27 названий); 7) садоводство и огородничество (9 названий); 8) кооперация, справочники (6 названий)³. Таким образом, несмотря на свое название: «Библиотека для крестьян и рабочих» — это была в полном смысле слова крестьянская библиотека, носившая сугубо прикладной характер; все ее издания — брошюры объемом 1,3—1,5 печ. л.

Помимо таких хозяйственно-прикладных серий, Госиздат выпускал политическую и антирелигиозную литературу для крестьян. Так, каждый доклад на Первом Всесоюзном съезде Советов был издан отдельной брошюрой в популярном изложении. Вся серия материалов по вопросам съезда состояла из 10 брошюр стоимостью в 50 коп. 100-тысячный тираж разошелся в три месяца, и Госиздат повторил серию, напечатав еще по 50 тыс. экз. каждой брошюры.

Большое значение для политического воспитания и образования деревни имела художественная литература. Для крестьян в первую очередь следовало издавать русскую реалистическую литературу, по возможности ту, которая раскрывала тему крестьянства, революционную борьбу в прошлом, строительство новой жизни в настоящем. Иностранная литература служила дополнительным чтением. И здесь также отбирались произведения «из жизни крестьян» в других странах.

Самой популярной серией художественной литературы, издаваемой специально для крестьян, была «Имба-читальня». План ее обширен. В серии было несколько отделов: 1) современная пролетарская и крестьянская литература; 2) произведения советских писателей; 3) произведения писателей-реалистов начала XX века (А. П. Чехов, А. И. Куприн, Скиталец, В. Г. Короленко); 4) произведения западных писателей (В. Гюго, Ч. Диккенс, Э. Золя, Г. Мопассан, А. Барбюс и др.); 5) избранные сочинения русской классики (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев и т. п.). Кроме того, в «Имба-читальне» были подсерии: русские исторические романы — по отдельным периодам русской истории; романы из всеобщей истории по странам; и тематические циклы: жизнь крестьянина,

жизнь рабочего, жизнь солдат и офицеров и т. п. — в русской и зарубежной литературе; а также подсерии «Рабоче-крестьянский театр» (для кружков самодеятельности) и «Народные сказки и песни»⁴. Даже простое перечисление отделов «Избы-читальни» говорит о стремлении издательств дать крестьянину возможно более широкое представление о русской и мировой литературе, о ее темах и жанрах.

В этой серии особенно заметны традиции первых советских издательств, которым следует Госиздат. Характерен не только отбор имен (только реалистическая, классическая, «проверенная временем» литература), но и отбор произведений: в серию входили только произведения малых жанров, преимущественно отражающие крестьянскую или революционную, социальную тему, с яркой фабулой, наиболее простые по форме и стилю. Два типа изданий характерны для «Избы-читальни»: сборники коротких повестей и рассказов и отдельные издания, как правило, пересказ, переделка сложных, многосюжетных произведений. Последнее особенно применялось для издания зарубежной классики. В «Избы-читальне» в пересказе были изданы «Углекопы» Э. Золя, «Девяносто третий год» В. Гюго*.

Спрос на крестьянскую литературу рос непрерывно и так быстро, что Госиздат не поспевал за ним. В 1929 году издание крестьянской книги в Госиздате по сравнению с 1928 годом выросло в четыре раза. Основная масса крестьянской литературы в Госиздате выходила не позже начала января, так как зима — основной сезон крестьянской книги: летом крестьяне книг читали гораздо меньше. Главными покупателями крестьянской литературы были избы-читальни, библиотеки, кооперативы, партийные и комсомольские организации.

Издание массовой литературы было делом новым и, естественно, здесь было немало неудач. Основные недостатки массовой книги заключались в оторванности ее от жизни, тяжеловесности изложения, малодоступности языка, технической неряшливости и дороговизне.

Все это объяснялось объективными причинами: отсутствие опытных и талантливых авторов и, главное, сам **тип массовой книги**, новой книги для рабочих и крестьян, был неясен, он только складывался, шли настойчивые поиски наиболее совершенного типа массового издания.

Но проблема создания и издания массовой книги в 20-е годы имела важнейшее значение. От ее решения зависел и успех самой культурной революции, ибо книга была ее основным оружием, и дальнейшее развитие советского книжного дела, так как процесс книгоиздания — процесс двусторонний. Он пред-

* Некоторые книги этой серии по заказу Госиздата выпускало частное издательство «Петроград» — переделки романов Ж. Занд «Солдаты революции», Э. Шатриан «История крестьянина» и др. — ЦГАОРСС, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 309, л. 47.

полагает не только увеличение выпуска книг, но и расширение состава читателей.

Массовая литература, широкие круги читателей — эти понятия слишком общи. Для создания действительно общедоступной книги надо было издавать не вообще массовую литературу, а книгу для конкретного, определенного круга читателей. При этом, естественно, непременным условием являлось изучение массового читателя. В 20-е годы оно велось по двум социальным группам: а) рабочий читатель, б) крестьянский читатель. Причем наиболее интенсивно изучалась вторая группа — крестьянский читатель.

Изучением крестьянского читателя занимались самые различные учреждения и организации: массовые библиотеки, избы-читальни, издательства, редакции периодических органов. Для руководства изучением крестьянского читателя была по специальному постановлению ЦК ВКП(б) образована в 1925 году специальная комиссия при Библиотечном отделе Главполитпросвета. В нее входили: заведующая Библиотечным отделом М. А. Смушкова, представитель Редакционно-издательского совета Главполитпросвета, председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности, представители отделов печати ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ПУРА, представители издательств. Возглавлял комиссию Л. Н. Троповский.

Практически после Великой Октябрьской социалистической революции * изучение крестьянского читателя началось с 1923 года, хотя отдельные попытки в этом направлении предпринимались и раньше**, и особенно усилилось после XIII съезда ВКП(б), выдвинувшего в качестве первоочередной задачи необходимость «создания и издания массовой популярной и доброкачественной книги, вполне доступной для рабочих и крестьян»⁵.

Это подтверждается, в частности, и количеством статей на данную тему, опубликованных в периодической печати: 1918 — 3 статьи; 1919 — 1, 1920 — нет; 1921 — 2; 1922 — 4; 1923 — 40; 1924 — 67; 1925 — 69⁶.

Во второй половине 20-х годов при изучении массового, в том числе и крестьянского читателя, стали применяться комплексные исследования по единой программе и методике⁷. Большую роль в активизации изучения массового читателя

* Изучение сельского читателя имеет более чем столетнюю историю. См.: Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в). М., «Книга», 1969.

** В 1920 году Н. Рыбников провел обследование читательских интересов красноармейцев; в 1922 году Отдел печати ЦК РКП(б) организовал изучение отношения крестьян к массовой газете. — См.: Банк Б. В. Из истории изучения читателя в СССР. — В кн.: Советский читатель. М., 1968, с. 22; Смородинская М. Д., Ханин М. Г. и Яновер В. И. Социология чтения жителей советского села. 20—60 гг. — В кн.: Книга и чтение в жизни советского села. Вып. I. М., 1972, с. 29—70.

(крестьянского, в первую очередь) сыграло постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя» (от 28 декабря 1928 г.), в числе других неотложных задач потребовавшее от издательств «обеспечить максимальную доступность массовой книги (по форме и изложению) для широкого читателя», обязавшее их «увеличить процент массовой книги в общих издательских планах»⁸.

Методы изучения читателя применялись самые разнообразные: анкета, письмо-отзыв, наблюдение, читка и обсуждение рукописи или книги, эксперимент, статистический метод, учет спроса, анализ библиотечной документации* и др.

Наиболее распространенным и разработанным являлся анкетный метод. Анкеты рассылались по библиотекам и самими библиотеками и избами-читальнями, издательствами, вклеивались в книги, применялись на книжных выставках. С 1919 г., когда ПУРОм была впервые использована анкета для изучения читательских запросов красноармейцев, анкеты все время совершенствовались: в 1922 г. были разработаны анкеты-отзывы, в 1924 — анкеты-опросы. Анкетный метод использовался не только при массовом⁹, но и при индивидуальном изучении читателя.

Другим распространенным методом были письма-отзывы. Этот метод, в отличие от анкетного, преимущественно применявшегося библиотеками, избами-читальнями и т. п., обычно чаще использовался издательствами. Так, например, количество писем, поступивших в Госиздат в 1925 году, превысило несколько тысяч, только за 3 месяца 1927 г. издательство послало 644 экз. книг в деревни на отзыв и получило 363 ответа¹⁰.

«Крестьянская газета» за пять лет получила свыше 10 тыс. писем. Письма-отзывы поступали большей частью «самотеком». Издательства, как правило, в книжках лишь обращались к читателю с просьбой прислать отзыв и сообщить данные о себе. Издательства не только анализировали полученные письма и полученные данные использовали в своей непосредственной деятельности, но и отвечали на все заданные в письмах вопросы, указывали другую литературу по интересующей читателя теме, посылали книги адресату, стремясь закрепить связь с данным читателем. Последнее давало возможность длительного изучения определенного читателя, определенной читательской группы.

И, наконец, третьим распространенным методом были громкая читка и обсуждение рукописей или книг. Этот метод одинаково широко применялся и издательствами, и библиотеками, и другими учреждениями Главполитпросвета. В 1925/1926 гг. таких читок в массовых крестьянских аудиториях Госиздатом и Библиотечным отделом Главполитпросвета было проведено

* Так, в 1924/1925 гг. Главполитпросвет провел анализ отчетов 400 волостных библиотек¹¹.

307¹². Госиздат использовал для этих целей студентов-практикантов Тимирязевской академии, поручая им организацию таких чток в деревнях. В издательстве «Новая деревня» была создана специальная крестьянская коллегия, состоявшая из крестьян-выдвиженцев Наркомпроса. Эта коллегия занималась организацией обсуждений рукописей в крестьянских аудиториях. За 7 месяцев 1927 года коллегия проработала таким образом 215 рукописей¹³.

Анкета позволяла выяснить читательские интересы, мотивы выбора книг, цели чтения и, в меньшей степени, восприятие прочитанного (как правило, анкета содержала лишь однозначную характеристику — понравилось или не понравилось, хорошая книга — плохая и т. п.) и совсем не помогала в определении результативности чтения и не давала возможности конкретно и подробно выяснить, почему именно понравилась или не понравилась книга. Письмо-отзыв содержало, как правило, развернутое, но весьма субъективное объяснение достоинств и недостатков прочитанного, зачастую в нем не было необходимых сведений о читавшем. Читка и обсуждение рукописей или книг позволяла целенаправленно определить доступность, конкретные положительные или отрицательные места текста, причины недоступности. Индивидуальные особенности различных читательских групп и отдельных читателей, их требования и интересы ярче и яснее вырисовываются из писем-отзывов или при читках и обсуждениях. Именно поэтому эти методы чаще использовались издателями и редакциями периодических органов, стремившихся выявить наиболее конкретные требования к массовой крестьянской книге, с тем, чтобы непосредственно учесть их при выпуске изданий.

Использовались и другие методы изучения читателей*. Так, для постоянного наблюдения за крестьянским читателем у Госиздата были специальные книжные киоски в деревнях и целая «опытная» волость (Издешковская, Смоленской губернии). Любопытный и ценный материал давали и периодически предпринимавшиеся попытки привлечь самих крестьян к творчеству, к созданию книг. Так, издательство «Новая деревня» объявило 3-месячный конкурс на брошюры по 26 темам, связанным с сельским хозяйством и ремеслами. Объявление об этом конкурсе было опубликовано в газете «Беднота». В конкурсе приняло участие 700 человек, из них 60% — крестьяне, 10% — врачи, агрономы, учителя, 30% авторов не указали своего социального положения и профессии. Было представлено 698 рукописей, большая часть — коротенькие, не более четверти (288) или половины печатного листа рассказы и очерки. Только 118 рукописей были объемом до 2 печатных листов и 17 — до 3 печ. л. Большинство присланных рукописей (376) свя-

* Методы изучения читателей в библиотеках рассмотрены Б. В. Банком.

зано с полеводством, животноводством и землеустройством. Присланные рукописи также позволяли издательству понять, какие книги требуются читателю-крестьянину.

Методика изучения читателя-крестьянина, применявшаяся в 20-е годы, обеспечивала **достоверность** фактического материала, глубину анализа, обоснованность выводов. Результаты огромной работы по изучению крестьянского читателя в 20-е годы зафиксированы в многочисленных статьях, брошюрах, книгах, опубликованных в те же годы. За 1923—1926 гг. было напечатано 190 статей, большей частью в журналах Главполитпросвета и Госиздата. Регулярно печатали статьи об изучении читателя «Красный библиотекарь», «Книгоноша», «На книжном фронте» и другие журналы. Материалы периодической печати, как правило, сообщали о результатах обследований, в меньшей степени — о методике изучения читателя.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов появились монографии, подводившие итоги изучения крестьянского читателя. Ценными были монографии М. Н. Слуховского*, А. Г. Меромского и П. Путника, Э. Коробковой, Я. Шафира, Б. В. Банка и А. Виленкина, А. М. Топорова¹⁴.

Основанные на изучении огромного фактического материала**, они явились, по существу, основными книгами, в которых отчетливо были сформулированы наиболее характерные черты крестьянина-читателя.

Работы Э. Коробковой, Н. Фридьевой и А. Балика, М. В. Муратова и другие¹⁵ содержали конкретные вопросы методики и организации изучения читателя. В них перечислялись наиболее эффективные методы, примерные вопросы для анкет и обсуждений, объяснялось, каким образом проводить громкие читки рукописей, как составлять протоколы для них. К этим брошюрам, как правило, в виде приложений давалось несколько книжек в качестве конкретного материала для организации изучения читательских интересов.

В книге Я. Шафира¹⁶ сделана одна из первых и удачных попыток теоретической разработки проблемы «читатель—книга». Давая обзор изменения читательской среды и читательских интересов в России на протяжении XVIII—начала XX века, изучая мотивы обращения к той или иной литературе, автор выдвигает в качестве своего основного тезиса понятия о социальной функции чтения, о социальном типе читателя. Положения эти не исследованы, не подкреплены убедительным анализом взаимодействия среды и читательских интересов, но сама

* Рукопись этой книги была просмотрена и одобрена Н. К. Крупской.

** Монография «Деревня за книгой» основана на изучении более 10 тыс. писем читателей-крестьян, поступивших в редакцию «Крестьянской газеты»; монография Б. В. Банка и А. Виленкина — на результатах исследования чтения в сельских библиотеках, проведенных Ленинградским губполитпросветом.

их постановка была несомненно верной и своевременной. Я. Шафир одним из первых попытался перейти с позиций психологических, свойственных дореволюционным и первым советским исследователям читателя, на позиции социологические, хотя, естественно, при этом ему не удалось избежать элементов вульгаризации. В работе Я. Шафира много точных методических разработок. Она могла быть использована и, вероятно, использовалась в качестве методического пособия.

Большая роль в разработке основных направлений и методики изучения крестьянского читателя принадлежит Н. К. Крупской.

Статьи, брошюры и монографии, посвященные изучению читателя, написанные и опубликованные в 20-е — начале 30-х годов, для современников представляли огромную ценность — это был живой, конкретный материал, необходимый для практической работы: не только для дальнейшего изучения читателя, но и для улучшения изданий массовой книги, для дальнейшего воспитания читателя, для совершенствования библиотечной работы и т. п. Для исследователя нашего времени эти материалы — золотая россыпь фактических документальных данных.

Кроме того, все издания и публикация 20-х — начала 30-х годов, связанные с интересующей нас проблемой, сами могут стать объектом исследования в тех случаях, когда изучается историческое развитие и основные теоретические предпосылки, выводы данного направления в книговедении, выясняется организация и методика, применявшиеся в то время для изучения читателя.

В обоих случаях (используя эти материалы как источник исследования или как объект изучения) современное книговедение может получить ценные результаты, ибо многие идеи, высказанные в 20-е годы в области читателеведения, остаются плодотворными и сегодня¹⁷.

В данной работе мы используем названные выше статьи и книги, а также архивные материалы в качестве **основных источников** для исследования типа читателя-крестьянина 20-х годов.

Тип читателя, как нам представляется, складывается из совокупности многих черт: 1) потребность в чтении, привычка к чтению, периодичность (систематичность) чтения; 2) читательский интерес (что читают); 3) требования, предъявляемые к книге, газете, журналу; 4) мотивы выбора (почему читают); 5) цели чтения — основная и побочные (зачем читают); 6) манера чтения, восприятие прочитанного; 7) результативность (эффективность) чтения*.

* В настоящее время при определении типа читателя выделяются три основные черты: 1) социально-профессиональные и демографические признаки; 2) общепсихологические признаки и 3) особенности восприятия. (См.: Книга и чтение в жизни советского села. Вып. 1, М., 1972, с. 2).

Каждая из этих черт может стать объектом специального исследования*, но только анализ их совокупности позволяет выявить более или менее определенный тип читателя.

Все названные черты будут неодинаковыми у читателей различных социальных групп, профессий, рода занятий, разного политического, образовательного и культурного уровня. Следовательно, тип читателя — категория в первую очередь социальная, ее формирование обуславливается объективными причинами: социальной принадлежностью, возрастом, уровнем образования и общей культуры, степенью политического сознания, профессией, родом занятий.

Устанавливая критерии, по которым определяются читательские группы, прежде всего надо иметь в виду, что деревня была неоднородна по своему социальному составу, образовательному, культурному и политическому уровню, — отсюда и неоднородность крестьянской читательской аудитории, в которой явно выделялись несколько основных категорий: по социальному положению — бедняки, середняки и кулаки; по образовательному уровню — грамотные, полуграмотные и малограмотные (две последние — наиболее многочисленные); по уровню политического сознания — политически сознательные: члены партии, комсомольцы, руководители различных сельских государственных и общественных организаций и учреждений, рабочие, приехавшие для организации коллективных хозяйств, крестьяне, служившие в Красной Армии (все крестьяне этой группы грамотные), и политически неразвитые, составляющие большинство крестьян-читателей, как правило, полуграмотных и малограмотных.

Крестьянская читательская аудитория была неоднородна и по возрасту. Исходя из возрастного критерия, можно также выделить несколько категорий читателей: 1) дети, школьники; 2) крестьяне до 23 лет (молодежь); 3) от 23 до 50 лет — среднее поколение; 4) свыше 50 лет — старшее поколение.

Таким образом, суммируя названные выше социальные, образовательные, возрастные, политические и культурные различия, всю крестьянскую читательскую аудиторию можно было бы разделить на три неравные группы:

I группа — неграмотные и малограмотные, политически неразвитые читатели; по социальному признаку в эту группу попадут и бедняки и середняки и даже частично кулаки; по возрастному — среднее и старшее поколения, в меньшей степени — молодежь.

* Особенно важны вопросы формирования читательских интересов, мотивов выбора чтения, восприятия и результативности прочитанного. Именно эти проблемы стали основными в исследованиях читателя, проводимых в последние годы Библиотекой СССР им. В. И. Ленина. См.: Советский читатель. М., 1968, с. 342; Книга и чтение в жизни небольших городов. Вып. I—IV, М., 1969—1973.

II группа — грамотные, политически образованные крестьяне, главным образом, молодежь, среднее поколение, реже — старшее. В эту группу преимущественно входят середняки и бедняки.

III группа — дети, подростки, школьники.

В каждой из этих групп основные черты, в совокупности определяющие тип читателя, будут проявляться по-разному.

I. Привычка к чтению, потребность в чтении, периодичность (систематичность) чтения

Среди крестьян всегда было сильно чувство уважения к книге, стремление к грамоте, к чтению. В крестьянской среде встречались истовые книголюбцы, знавшие наизусть не только Писание, но и стихи А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, огромное количество сказок. Таким книголюбом был, например, дед С. Есенина, крестьянин, не только помнивший и читавший внуку стихи русских поэтов (в частности, поэму Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»), но и тонко понимавший красоту стиха и возвышенные гражданские цели поэзии. «Стихи слагать, — говорил он внуку, — это тебе не щи варить, не колеса у телеги смазывать. Тут ум нужен, душа...»¹⁸. Но такие грамотные любители чтения и знатоки книги были редкостью. Основная масса крестьянства была неграмотной, и естественно, что говорить о появлении привычки к чтению, об укреплении потребности в чтении можно только после Великой Октябрьской социалистической революции, с начала и середины 1920-х годов*, когда увеличивается число грамотных в деревне и повышается общий уровень культуры и политического сознания. Особенно интенсивно формируется потребность в книге, вырабатывается систематичность чтения у крестьян второй группы, в первую очередь у молодежи.

II. Читательский интерес (что читают)

Читательские интересы крестьян — наиболее изученная часть интересующей нас проблемы. Читательские интересы были различны среди разных читательских групп.

* Культурный уровень села значительно вырос к 1924 году. Так, в Воронежской губернии уже 41,53% крестьянских хозяйств имели книги; увеличилось число грамотных (с 15,86% в 1900 г. до 38,46% в 1924 г.), 18% всех хозяйств выписывали газеты, а читали их 44,81%. Но все-таки по-прежнему был велик и процент неграмотных, не читающих, не имеющих книг, особенно среди бедняков — 75% бедняцких хозяйств книг не имело; более половины не читало газет (55,19%). Отсутствие потребности в чтении, привычки к систематическому чтению подтверждается и количеством времени, которое крестьянин тратил на чтение — 14 часов в год, т. е. 0,3% свободного времени, а на религиозные потребности — 90 часов, т. е. 1,8%. В то же время один рабочий в городе расходовал на чтение в год 133 часа (2,8% свободного времени) и лишь 15 часов, т. е. 0,3%, на религиозные нужды¹⁹.

Читатели I группы охотно читали агрономическую и ветеринарную литературу, общественно-политической же книгой интересовались постольку, поскольку она непосредственно касалась их жизни. Читателей этой группы интересовала литература о налогах, о земельном кодексе, о советской власти на местах. Читатели II группы наряду с сельскохозяйственной широко интересовались и литературой о советском государственном строительстве, о марксизме, экономической и историко-революционной, юридической литературой.

Молодежь, особенно комсомольский актив, также много и охотно читала политическую марксистскую, историко-революционную литературу. Дети и подростки-школьники читают художественную литературу: сказки, биографии великих людей, фантастику, рассказы на бытовые темы, серию ЗИФа «Герои и жертвы труда». Любопытно, что у деревенского читателя-ребенка были совершенно непопулярны книжки К. Чуковского «Мойдодыр», «Тараканище» и др., как абсолютно чуждые им по духу и непонятные.

Неоднородность интересов у разных групп деревенского читателя тем не менее не исключает возможности определить общие закономерности, свойственные крестьянству в целом, как определенному типу читателя.

Исследования 20-х годов изучали преимущественно читательский спрос на книгу. Основные тенденции спроса литературы в деревне, позволяющие судить о читательских интересах в 1920 г., по наблюдению Н. А. Рыбникова, выглядели следующим образом (в процентном отношении к общему числу спрашиваемой литературы): сельскохозяйственная литература — 98%; приключенческая — 30%; о здоровье — 25%; о любви — 19,5%; историческая — 14%; как люди на белом свете живут — 12%.

У М. М. Слуховского картина чтения в середине 20-х годов выглядит, на первый взгляд, несколько иначе: сельскохозяйственная литература — 20%; промысел и ремесла — 17,3%; самообразование и культурная работа — 14,5%; общественно-политическая — 11,2%; беллетристика и театр — 5,7%; юридическая — 5%; естествознание и медицина — 2,7%²⁰.

И. Тарадин, характеризуя домашние библиотеки крестьян Воронежской губернии, указывает следующие тематические разделы: учебная книга — 35,3% от общего числа книг в данной семье; сельскохозяйственная — 12,4%, общественно-политическая — 7,09%, беллетристическая — 7,45%, религиозная — 35,39%. При сравнении этих данных с аналогичными до революции становится очевидным резкое сокращение религиозной книги (50,5% до революции), столь же отчетливое возрастание доли учебной книги (2,2% до 1917 г.)²¹.

При сопоставлении всех приведенных данных с очевидностью выясняется: а) первое место по спросу на протяжении

всего интересующего нас периода занимала сельскохозяйственная и ремесленно-прикладная литература; б) диапазон крестьянского чтения расширялся под влиянием общего культурного роста деревни.

Если в 1918—1921 гг. помимо сельскохозяйственной литературы охотно и много (30%) читали приключенческую книгу, научно-популярную медицинскую литературу, художественную, то в 1922—1925 гг. усиливается интерес к политической книге, к историко-революционной литературе, к «историческим книгам о геройских подвигах, о погибших за дело революции. Эти книги крестьяне читают с большим интересом, при чтении этих книг у крестьян является злоба к старому и сожаление о погибших за правое дело. Пробуждается любовь к партии»²². Большим спросом пользовались книги о К. Марксе, Ф. Энгельсе, В. И. Ленине*, К. Либкнехте, литература о рабочих. «Желательно больше книг про заводы и фабрики, про рабочих и их жизнь, про электрификацию и про тракторы». В 1926—1930 гг. возрос спрос на книги о коллективизации, об организации работы в колхозах. В эти же годы деревня по-настоящему приобщается к художественной литературе. Беллетристика читалась в деревне всегда, но круг авторов постепенно менялся. В 1918—1920 гг. крестьяне читали, как и встарь, лубочную книгу: «Повесть о Ваньке-Каине», «Повесть о приключении аглицкого милорда» и т. п. Крестьянского читателя увлекали яркие образы, необычные ситуации, стремительность, динамичность действия, т. е. то, что противостояло будничной жизни. Отсюда тяга к литературе романтической, приключенческой (30% у Рыбникова!), даже бульварной. Охотно читали Ф. Купера, В. Скотта, Ж. Верна. «Ярунда — а не отвяжешься, вторично читаю», — так отзывался крестьянин о «Детях капитана Гранта»²³.

В 1922—1925 гг. круг беллетристического чтения расширяется: читают классику — В. Г. Короленко, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова; современных авторов — М. Горького, И. Вольнова, М. П. Герасимова, С. А. Обрадовича, Д. Бедного, Вс. Иванова, В. Шишкова, Б. Пильняка; крестьянских же поэтов — Н. А. Клюева, П. В. Орешина — читали мало, они не пользовались вниманием деревенского читателя из-за сложности сюжета, вычурности языка, схематичности образного строя, они были недоступны, непонятны, вызывали раздражение.

Крестьяне малограмотные читали преимущественно короткие рассказы из жизни крестьян, грамотные — произведения классической русской литературы.

В 1926—1930 гг. художественная литература заняла прочное место в чтении всех категорий крестьянского читателя.

* О чтении крестьянами произведений В. И. Ленина см. статью В. А. Фокеева в настоящем сборнике.

В предыдущие годы к беллетристике отношение было особое: в ней видели лишь чтение для развлечения, и поэтому охотно читали, но покупали редко. В 1926—1930 гг. крестьяне стали чаще заказывать магазинам и издательствам художественную литературу, коллективно выписывали даже полное собрание сочинений А. С. Пушкина и обращались в Госиздат с просьбой выпустить собрание сочинений Н. А. Некрасова. В этот период охотно читали Н. С. Лескова. Восторженно относились к А. С. Неверову, А. С. Серафимовичу. Стало меняться отношение и к новой литературе — к советским писателям. Если в 1918—1920 гг. можно было прочесть в крестьянских письмах пренебрежительные отзывы, например, о С. П. Подъячеве: «Бабыя книжка, небось для бабкома писана»²⁴, то уже в 1926 г. Подъячев стал очень популярен у крестьянского читателя.

Изменилось и отношение к М. Горькому. В ранних рассказах Горького неискушенный крестьянский читатель 1918—1920 гг. видел лишь необычную форму, обращал внимание на некоторые излишества в речевой характеристике героев. Так, о рассказе М. Горького «На плотях» крестьяне, причем молодые — 23—28 лет — отозвались очень резко: «Такую ругательную книгу в библиотеке не должно бы держать — страшно»²⁵, «Максим Горький он что-ли из необразованных. Чего же тогда допускают к потреблению — не допускать и баста. Нешто книги для этого пишутся? Мы и без того ругаться можем». Но уже в середине 20-х годов М. Горький стал любимым писателем, в его произведениях крестьянский читатель находил близкие для себя темы, в героях узнавал знакомые черты. «Хороший писатель, — отзывались крестьяне о М. Горьком. — Теперь (1930-е годы) таких нет. Писал он о мужиках и скрозь все правильно»²⁶.

Самыми читаемыми писателями в деревне к концу 20-х годов были: А. С. Неверов, В. Г. Короленко, С. П. Подъячев, М. Горький, А. Н. Толстой, А. С. Серафимович, Д. Фурманов; из русской классики: А. Ф. Писемский, А. П. Чехов, И. С. Тургенев; из современной зарубежной литературы: Д. Лондон, Э. Синклер²⁷.

Книга чисто развлекательная (кроме песенников) с середины 20-х годов перестала пользоваться успехом, так же, как и фантастическая, но по-прежнему оставалась любимой приключенческая литература.

В течение всего интересующего нас периода крестьяне охотно читали историческую литературу, но относились к ней по-разному. Вначале историческая книга воспринималась лишь как интересный вымысел, ей отказывали в достоверности, но уже с середины 1920-х годов историческая книга стала рассматриваться как отражение реального прошлого и в ней начали видеть средство и воспитания и образования одновременно.

Из научно-популярной литературы пользовалась спросом книга медицинская и литература по естествознанию. К последней отношение было различным у читателей неверующих и верующих. Для первых книги по естествознанию служили источником знаний о происхождении вселенной, человека, о развитии жизни на земле, о движении звезд и планет, о солнце и т. п. Крестьяне верующие, стоящие как бы на распутье, искали в литературе по естествознанию опровержения привычных, укоренившихся религиозных представлений.

В деревне все категории читателей активно интересовались газетами, т. к. газета более непосредственно связана с жизнью, чем книга.

Таким образом, становится очевидным, что читательские интересы крестьян были достаточно многообразны, имели отчетливую тенденцию к расширению, углублению, но вместе с тем сохраняли устойчивость в отношении определенных видов литературы.

III. Требования, предъявляемые к книге

Этот вопрос также был обстоятельно изучен в 20-е годы, и полученные результаты позволили издательствам выяснить, какой тип массовой крестьянской книги был оптимальным для того времени.

Конкретность, связь с повседневной жизнью, утилитарный, прикладной характер — таковы основные требования крестьян к книге. Крестьянин искал в книге ответа на сугубо практические вопросы. В крестьянских отзывах о книгах чаще всего встречаются нарекания именно по поводу непрактичности той или иной книги.

Крестьянин из деревни Гришино прочитал книгу о том, как предохранить избу от гниения. Книга, видимо, ему понравилась. Но вот что пишет он в издательство: «Я должен сказать, что эта книга привлекает читателя узнать, как и чем можно избавиться от гниения дерева... Мало указано средств для борьбы с гниением дерева. Прошу прислать письмо, в котором указать, в какой книге это все можно узнать».

Прочитав брошюру Стукова «Кооперация и деревня», крестьянин пишет: «Вот тут-то и не представлено, почему будет ситец»²⁸. О книге Шефлера «Кредит крестьянам» — «Книжка маленькая, толковая. Плохо только, что не дает легких и точных советов»²⁹.

Крестьянин хотел бы иметь такую универсальную книгу, которая сразу же давала ответы на все вопросы. Например, такую книгу по пчеловодству, «где бы указывалось: а) история пчеловодства, б) уход за пчелами, в) необходимые принадлежности, г) какие полагаются и рекомендуются ульи и как их делать, д) где можно достать семена трав, которые сеются спе-

циально для пчел, е) а также интересные мероприятия и законные положения власти по вопросу о пчеловодстве вообще»³⁰.

Книга должна быть приспособлена к экономическому профилю данной местности.

И к научно-популярной книге подход был чисто практический. «Предлагаю, — писал крестьянин с Северного Кавказа, — выпустить книгу по астрономическому делу, в общем, как книга научности и интересующая многих из нас, и выпустить такие научные книжки, чтобы мы могли предугадать погоду хотя бы на 100 дней вперед».

Требовалась точность и подробное объяснение всех указанных фактов и явлений. «Нужно объяснить, что такое электричество: видно, что горит, а отчего оно бывает — не знаем», — упрекали читатели автора брошюры «От лучины к электричеству». В беседе по поводу брошюры «Сила и разнообразие жизни» крестьяне говорили: «Тут достаточно сказано о жизни моря, пустыни и всех живых существ. Интересно отколь природа взялась». На ответ — «природа из клеточки» последовал новый вопрос: «Кто оживил клеточку?»³¹. По поводу брошюры Гремяцкого «Первые люди на земле» крестьяне писали: «Как из пяти пальцев зародился один (копыто). Каким это образом? В книжке недостаточно ясно об этом сказано. Почему в настоящее время не происходит из пяти пальцев один?» Если книжка недостаточно понятна и подробна, то расправа с ней коротка: «Крестьянин будет разбирать историю Адама и другую историю про человека, смотря какую разъяснять будут, а если не разъяснят обе, скурить можно»³².

Крестьянский читатель резко отрицательно относился к «голой агитке», не подкрепленной ни фактическим, ни научным материалом. «Политика-то верная, а книга худая, нудная»; «такие бы книжки надо писать с примерами и рисунками, а так скучно и неинтересно», — отозвались 22-летние крестьяне о брошюрах Никулихина («Политика партии в деревне») и Елизарова («Будем беречь народные средства, разовьем нашу промышленность, дадим деревне товары») ³³.

В агитационной книге должны быть и практические указания, как данное явление провести в жизнь. «Поучила бы книжка, как нам из тяжелого положения выйти»³⁴.

Особые требования предъявлялись к книге антирелигиозной. Открытая антирелигиозная пропаганда с нападками на попов не достигала цели. «Здесь показано, — писали крестьяне о брошюрах «Бог служит богатым» и «Христос не воскрес», — какое подлое, поганое духовенство. Но если у нас паршивое духовенство, то иной скажет, что это еще не значит, что бога нет»³⁵. Крестьяне просили присылать: «...Если есть еще какие политические, о происхождении земли, как появились животные и люди, — одним словом, чтобы при помощи этих книг можно было вести с крестьянами беседу и тем рассеивать ту тьму, ко-

тору попы, да обновленные иконы дурманят и закручивают голову крестьянам и пр.»³⁶.

И к беллетристике у крестьян было отношение сугубо практическое: в художественной литературе все должно быть совсем «как в жизни» и с обязательной социальной или моральной тенденцией. «Содержание книжки неплохое, — писал крестьянин с Псковщины о «Дубровском», — интересное. Такие книжки нам нужны. Оглядываясь на прошлое при помощи таких книжек, наш крестьянин научится оценивать настоящее»³⁷. О «Спартаке» — «Пока не кончилась, читала. Какой он смелый! За таким хорошо жить»³⁸ — отзыв девушки.

Крестьяне требовали от беллетристики широты и художественного обобщения, глубины содержания, эмоционального изложения, определенной занимательности. Отзывы крестьян непреложно доказывают способность крестьянского (даже малограмотного) читателя к тонкому и глубокому пониманию художественного произведения.

«Роман о колхозной жизни, но я, колхозник, ничему в нем не верю... Шибко тесно в романе от людей, а они нужны в нем, как на мосту дыры», — о романе Панферова «Бруски». «По событию стих слабоват, а сам по себе крепкий. ... Сто тысяч партбилетов не заменят одного Ленина» — о стихотворении Безыменского «Партбилет № 224322». «Печально и хорошо. Кто не любил, тот не поймет... «Она» видно об «нем» и не думала. А у «него» горя ладно было! Видно у них ничего не вышло!» — о стихотворении Блока «Лишь заискрится бархат небесный»³⁹.

От массовой крестьянской литературы обязательно требовалась доступность языка: она должна быть написана хорошим, понятным, а не псевдонародным языком. Но авторы должны были, конечно, учитывать запас слов у читателя и осторожно пользоваться не только иностранными, но и русскими словами и терминами. Так, например, выражение «организовать хозяйство» крестьяне понимали, как объединиться в одно хозяйство, а автор имел в виду: как вести, устраивать хозяйство. Слово «идеал» для крестьянина было также непонятно, как и его русская замена «возвышенное состояние»; выражение «наглость убийц» крестьяне понимали как «совсем убили, а не так ранили там или как»⁴⁰.

Крестьяне проявляли поразительную чуткость к языку. «В книге... мне сильно понравилась легкость высказывания слов, без затруднительности и понятный язык без прикрас и задоров. Читая книжку я просто удивился, как будто автор ставил точки, запятые и знаки восклицания с началом и концанием моего дыхания»⁴¹. Или о В. Маяковском: «Стих растрепистый! Шебаршистые какие-то (стихи. — *И. Ш.*)»⁴².

Крестьяне чутко реагировали и на внешний вид книги и на ее форму, техническое исполнение, иллюстрации. От последних

также в первую очередь требовалась конкретность, точность, достоверность изображаемого. «В книжке слабое техническое оформление и печальная обложка»⁴³. «Обложка очень хорошая, а больше всего для меня в ней нравится клевер и плуг. Недостатки этой книжки: неясный рисунок лап экстирпатора и нужно бы нарисовать весь экстирпатор, потому что не всем читателям пришлось, приходилось и придется увидеть экстирпатор»⁴⁴.

Крестьянские письма содержали не только непосредственную, бесхитростную оценку вышедших книг или рукописей, но довольно часто в них были и конкретные предложения, касающиеся формы, языка, содержания массовой книги. «Больше всего заинтересовала бы молодежь, — пишет комсомолец, — такая книга, где начало было бы с простенького рассказа, в котором явились бы действующим лицом или героем молодой человек, влюбившийся в девушку, девушка тоже взаимно любезно отвечала бы на его ухаживания. Они вместе посещали кружки молодежи, вели бы рассказы и разнообразные споры о науке, о возникновении земли. Потом хаживали бы по домам, как бы друг к другу в гости. Там тоже заводи́ли беседы о религии и т. п. Молодежь интересуется книгой более такой, чтобы она привлекала к себе читателя, как хорошая девушка может привлекать к себе сердце молодого человека»⁴⁵.

IV—VI. Мотивы выбора. Цели чтения — основные и побочные (зачем читают). Манера чтения

Цели чтения были самыми различными: практические (но при этом не следует преувеличивать внимание крестьян к агрономической, ветеринарной, ремесленно-прикладной книге), образовательные, развлекательные. Цели чтения совпадали с мотивами выбора литературы, но здесь, конечно, играли большую роль и другие факторы. Выбор в какой-то мере был предопределен предложением литературы, ее наличием в библиотеке, в избе-читальне, в деревенской лавочке, у учителя или агронома и т. п.

Немаловажную роль играли также советы знакомых. В письмах читателей-крестьян нередко рассказы о том, что понравившаяся книга была отдана с настоятельной рекомендацией прочесть и дать почитать другим. Беллетристика, как правило, выбиралась самостоятельно, научно-популярная литература — по рекомендации библиотекаря, учителя, избача⁴⁶. Обычно было коллективное чтение понравившейся книги, которую потом брали уже для более детального изучения. Что же касается манеры чтения, то этот вопрос не привлекал внимания исследователей и поэтому не представляется возможным сколько-нибудь точное его освещение.

VII—VIII. Восприятие и результативность (эффективность) чтения.

И восприятие и результативность тесно связаны с целями и мотивом выбора чтения. Если книга читалась с целью познавательной, то и восприятие ее было чисто практическое, а отсюда следовало и стремление сразу же или применить полученные знания на практике или сообщить о них другим. «Я как только прочел, то тут же сделал опыт, как узнать зараженность пьяным хлебом. Этот опыт для меня ценный материал. Я узнал насколько заражен овес... Теперь займусь разъяснением крестьянам об упоминавшейся книжке»⁴⁷.

Но книгу воспринимали не только с практической («перехватить кое-чего») или познавательной целью, но и эмоционально. «Спасибо, что дали читать — плакал, очень для души... хорошо», — так отзывался крестьянин о «Хижине дяди Тома»⁴⁸. «Все бабы про Мишку этого только и говорят теперь. Зазнобно он к ихнему сердцу пришелся» — о повести А. С. Неверова «Ташкент — город хлебный»⁴⁹. Крестьянский читатель способен был увлечься чтением глубоко и самозабвенно: «Раз я читал 93 год Виктора Гюго. Всю ночь без отрыву читал. Бабы встали печку затоплять, а я все читаю»⁵⁰.

При чтении художественных произведений крестьяне, особенно крестьянки, как бы «подставляли» себя на место героев, воспринимая и оценивая сюжетные коллизии применительно к самим себе. «Вообще роман очень хорош и теперь таких не пишут. Я бы так не сделала, как Анна Каренина. Зачем кончать жизнь; если сошлась с другим. А если он бросил можно прожить и самой или к другому идти»⁵¹. Так воспринимали роман Л. Н. Толстого и судьбу его героини 20-летние крестьянки.

Подведем некоторые итоги: особый, отличный от городского, хозяйственный быт деревни, особый уклад жизни крестьянина, сформировавшиеся на протяжении столетий психологические особенности, уровень образования, культуры, политического сознания, в целом более низкий, чем у массового читателя в городе, — все это вместе взятое позволяло в 20-е годы считать крестьянина особым социальным типом читателя. Для этого типа читателя было характерно: 1) отсутствие привычки к чтению, формирование потребности к систематическому чтению лишь к концу 20-х годов; 2) разнообразие читательских интересов со стойким преобладанием интереса к беллетристике, прикладной (в первую очередь сельскохозяйственной) и общественно-политической книге; 3) практицизм — как главная основа требований, предъявляемых к книге; 4) определение мотивов выбора и целей чтения, связанное с тягой к усовершенствованию своего хозяйства, быта, к самообразованию; 5) глубина и эмоциональность восприятия и 6) конкретность и стремление

к немедленному применению полученных из книг сведений на практике.

Неоднородность крестьянской читательской аудитории, о которой мы говорили выше, представляет внутренние различия частного порядка и не противоречит нашему представлению о типе читателя-крестьянина в 20-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35. М., 1962, с. 289.
- ² Невский В. Работа в деревне и Центропечать. М., 1923, с. 19.
- ³ См.: ЦГАОРСС, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 310, л. 60—63.
- ⁴ См.: Там же, ед. хр. 289, лл. 1, 2.
- ⁵ Советская печать в документах. М., 1961, с. 67.
- ⁶ См.: Смушкова М. А. Первые итоги изучения читателя. М., 1926, с. 4. См. также: Смородинская М. Д., Ханин М. Г. и Яноввер В. И. Социология чтения жителей советского села. — В кн.: Книга и чтение в жизни советского села. Вып. 1, М., 1971, с. 32.
- ⁷ См.: Смородинская М. Д. и др. Указ. соч., с. 36—37.
- ⁸ Советская печать в документах. Указ. изд., с. 327, 328.
- ⁹ См.: Банк Б. В. Из истории изучения читателя в СССР. — В кн.: Советский читатель. М., 1968, с. 23.
- ¹⁰ См.: Файдыш В. П. Как создается книга для деревни. — «На книжном фронте», 1928, № 40, с. 3.
- ¹¹ Какая книга нужна крестьянину. М. — Л., 1927, с. 3.
- ¹² См.: Файдыш В. П. Указ. соч., с. 3.
- ¹³ См.: Смушкова М. А. Указ. соч. с. 3—4.
- ¹⁴ Слуховской М. Н. Книга и деревня. М. — Л., 1928. 231 с.; Меромский А. Г. и Путник П. Деревня за книгой. М., 1931. 132 с.; Банк Б. В. и Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга. М. — Л., 1929. 215 с.; Банк Б. В. и Виленкин А. Деревенская беднота и библиотека. М. — Л., 1927. 101 с.; Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М. — Л., 1930. 284 с.; Шафир Я. Газета и деревня. 2-е доп. изд. М., 1924. 144 с.
- ¹⁵ Коробкова Э. Как узнать, что думают крестьяне о наших книжках. М., 1926. 25 с.; Фридьева Н. и Балика А. Изучение читателя. Опыт методики. М. — Л., 1927. 118 с.; Как и для чего изучать читателей. М. — Л., 1926. 24 с.; Какая книга нужна крестьянину. М. — Л., 1927. 24 с.; Как проверять рукописи для деревни. М., 1926. 40 с.; Муратов М. В. Оценка и анализ общедоступной книги. М., 1926. 82 с.
- ¹⁶ См.: Шариф Я. Очерки психологии читателя. М., 1927. 88 с.
- ¹⁷ Коган В. З. Советская социология печати в 20-е годы. — В кн.: Социологические исследования. Вып. 8. Новосибирск, 1968; Смородинская М. Д. и др. Цит. соч., с. 29—70.
- ¹⁸ Андреев А. Есенин. Легенда. М., 1973, с. 62.
- ¹⁹ См.: Коган В. З., с. 120.
- ²⁰ См.: Слуховской М. Н. Указ. соч., с. 37.
- ²¹ См.: Тарадин И. Слобода Ровеньки. Воронеж. 1926, с. 129.
- ²² Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 106, 109.
- ²³ Отзывы крестьян о прочитанных ими книгах в Библиотеке первой опытной станции Наркомпроса в Калужской губернии. 1918—1919 гг. Сообщ. библиогр. Л. И. Радченко. — Архив А. Г. Кравченко. ГПБ. Рукоп. отдел. Кн. пост. 49. 1973. Материал предоставлен нам Н. Н. Розовым.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 154.
- ²⁷ См.: Банк Б. В. и Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга. М. — Л., 1929, с. 35—36; Банк Б. В. и Виленкин А. Деревенская беднота и библиотека. М. — Л., 1927, с. 39—40.

- ²⁸ ЦГАОРСС, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 104, л. 6.
²⁹ Смушкова М. А. Указ. соч., с. 16.
³⁰ Банк Б. В. и Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга,
с. 135.
³¹ Слуховской М. Н. Указ. соч., с. 60.
³² Там же, с. 66.
³³ Смушкова М. А. Указ. соч., с. 17, 18.
³⁴ Банк Б. В. и Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга,
с. 135.
³⁵ Смушкова М. А. Указ. соч., с. 14.
³⁶ Там же, с. 20.
³⁷ Слуховской М. Н. Цит. соч., с. 90.
³⁸ Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 150.
³⁹ Архив А. Г. Кравченко. ГПБ. Рукоп. отдел. Кн. пост. 49, 1973.
⁴⁰ Топоров А. М. Указ. соч., с. 189, 234, 237.
⁴¹ Муратов М. В. Указ. соч., с. 42—43.
⁴² Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 77.
⁴³ Архив А. Г. Кравченко. ГПБ. Рукоп. отдел. Кн. пост. 49, 1973.
⁴⁴ Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 80.
⁴⁵ ЦГАОРСС, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 104, л. 102.
⁴⁶ Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 40.
⁴⁷ См.: Банк Б. В. и Виленкин А. Деревенская беднота и биб-
лиотека, с. 90—93.
⁴⁸ Меромский А. Г. и Путник П. Указ. соч., с. 85.
⁴⁹ Там же, с. 14.
⁵⁰ Топоров А. М. Указ. соч., с. 162, 189.
⁵¹ Банк Б. В. и Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга,
с. 45.

В. Д. РАЗОВА

КНИГА И ЧТЕНИЕ В ЖИЗНИ МАРШАКА

Книга и чтение занимали большое место в жизни и литературной деятельности Самуила Яковлевича Маршака. Собственно они и были подлинной жизнью для него. Сам поэт отлично это понимал. Во многих статьях, выступлениях, письмах он ратовал за то, чтобы каждый человек воспитывал в себе талантливого читателя.

Он был поэт, художник слова, и это не могло не отразиться на характере его чтения — творческое начало его натуры проявлялось не только в литературном, но и в читательском творчестве: он был читатель-творец.

Творчество читателя Маршака принимало разные формы. Иногда знакомство с литературным произведением давало толчок его редакторской мысли, и он дарил замысел новой книги для детей молодому писателю. Стихи, написанные школьником, могли привлечь его внимание свежестью поэтического изображения природы и повлиять на его собственное творчество. Чтение зарубежной поэзии в подлиннике рождало страстное желание приобщить к ней советского читателя; красками русского языка написать портрет английского, чешского, немецкого или итальянского стихотворения. Однажды размышления над теорией воспитания ума и сердца известного русского педагога привело поэта к созданию лирической эпиграммы. А критическое осмысление процессов, происходящих в современной литературе, находило свое выражение в серии статей о мастерстве и стиле. Часто с детства знакомые образцы классической поэзии подвергались им творческому анализу, обретая новый смысл в его читательском самосознании.

Учащиеся отделения детских библиотек Владимирского библиотечного техникума в марте 1948 года просили написать, как С. Я. Маршак относится к работе библиотекаря, в частности, детского библиотекаря. Поэт ответил будущим библиотекарям 19 апреля 1948 года:

«Дорогие товарищи — будущие библиотекари, ... специальность вы избрали очень хорошую и полезную. Работа детского

библиотекаря, — как вы и сами понимаете, — дело ответственное. Прежде всего надо любить детей и книгу. Ребята — народ любопытный и любознательный, и тому, кто собирается руководить их чтением, необходимо подготовиться к их многообразным вопросам и запросам, то есть позаботиться во-время о своем собственном развитии. Библиотекарь должен сам быть хорошим читателем. Без этого он не может привлечь к литературе ребят и отличить хорошую книгу от дурной. Ему надо обогатить свой язык и развить художественный вкус, читая лучших наших писателей (поэтов, прозаиков, критиков).

Вот несколько общих мыслей, которые я хотел высказать вам в ответ на ваше милое письмо.

Примите мой искренний привет»¹.

Поэт глубоко верил в созидательную роль литературы, в ее гуманную миссию, в ее удивительную способность преображать мир. Он был убежден, что стихи Пушкина и Блока, повести Гоголя и романы Достоевского озарили новым светом город над Невой. Он написал о своем читательском восприятии Ленинграда через классическую литературу:

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад — Онегина глава,
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский...
По-прежнему живет петровский век
В углу между Фонтанкой и Невой.
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою².

Биография Маршака-читателя началась рано: он научился читать, когда ему было всего четыре года, таким образом, рождение читателя произошло всего на четыре года позже рождения человека.

Детство, отрочество и юность — время ненасытного чтения, становления читательской культуры, воспитания литературного вкуса. Для мальчугана из маленького провинциального городка под Воронежем — Острогожска, где прошли первые 14 лет жизни поэта, каждая новая книга была большим событием.

«Я знал в детстве одну только детскую книгу, — писал С. Я. Маршак в статье «Щедрый талант», — переведенную с немецкого русским немцем, который, по всей видимости, был не слишком силен в русском языке. Но его бойкие стишки о Степке-Растрепке запомнились на всю жизнь. И пожалуй, еще глубже запечатлелись в памяти четкие и выразительные картинки, изображавшие мальчика с шапкой спутанных, дико взъерошенных волос и удалого портного, услужливо остригающего ножницами у маленького неряхи пальцы»³.

До конца дней своих любил читать стихи и прозу вслух и с неизменным интересом относился к новым художникам — иллюстраторам детских книг.

Детство поэта проходило в 90-е годы прошлого века, когда детская литература не была еще той «великой державой с суверенными правами и законами», какой она стала после Великой Октябрьской революции. Но и тогда в распоряжении детей были Пушкин, Крылов, Жуковский, Диккенс, Жюль Верн...

«Доставать книги было нелегко, и читал я все, что попадалось под руку, — пишет С. Я. Маршак в автобиографической повести «В начале жизни». — Не меньше двадцати раз подряд перечел роман Жюль Верна «Север против Юга», где изображались подвиги, поражения и победы северных американцев в борьбе за освобождение негров.

Снабжал меня книгами наш сосед, сивоусый, строгий и рассудительный красильщик, у которого был большой выбор третьесортных, изобилующих дешевыми приключениями «романов» из приложений к мещанскому журналу «Родина». Сосед очень гордился своими книгами, от которых за версту несло мышами и затхлостью»⁴.

У другого соседа — лабазника, продающего извозчикам овес и ячмень, мальчик часто находил под прилавком книги без обложек и не зная ни имени автора, ни названия читал множество самых разнообразных произведений в стихах и прозе. Среди них были и знаменитые сказки Шехерезады «Тысяча и одна ночь», и многие другие книги.

Отец поэта Яков Миронович Маршак — мастер на мыловаренном заводе — всячески поощрял тягу детей (а их было шестеро) к книге, к знаниям. И каким радостным было то утро в семье, когда почтальон принес первый номер журнала «Вокруг света», присланный в рабочую слободку на Майдане в Острогжске из Петербурга и адресованный двум гимназистам — Моисею и Самуилу. Не так-то легко было отцу из своих скудных заработков выкроить деньги на этот журнал, но он готов был отказать себе в самом необходимом, чтобы скрасить суровые будни семьи.

«Я любил в детстве смешное и героическое. Лирику я почувствовал позже — в юности, — писал поэт в автобиографии. — Сочинять стихи начал лет с четырех. К одиннадцати годам я написал уже несколько длиннейших поэм и перевел оду Гоция»⁵.

Видимо, существуют особые законы восприятия литературного произведения, по которым развиваются читательские интересы детей, жаждущих забав и развлечений, веселья и героики, жизнерадостных и увлекательных книг. Такое восприятие свойственно детям, рожденным в разных социальных слоях общества.

31 июля 1959 года сотрудники Дома детской книги в Ленинграде просили поэта написать о своих любимых писателях и книгах.

11 октября 1959 года Самуил Яковлевич ответил ленинградцам: «Первая детская книга, которую я прочел, называлась «Степка-Растрепка». Это был вольный и довольно неуклюжий перевод с немецкого. И все же эту книжку я без конца перечитывал. Мне нравились и бойкие, веселые стихи, и картинки (до «Степки-Растрепки» я не видел книг с рисунками).

...С благодарностью вспоминаю книгу Н. А. Рубакина. Кажется, она называлась «Из мира науки и истории мысли». Состояла она из отдельных биографий великих ученых и выдающихся изобретателей. Особенно взволновала меня биография «Мученика науки, доктора Исаака Джеймса», впервые применившего при лечении больного переливание крови. Большой выздоровел, а оба сына врача, у которых он взял кровь для переливания, погибли.

Я обливался слезами, читая эту грустную историю, и впервые понял, что наука без жертв не обходится»⁶.

Гимназия не всегда поддерживала интерес своих воспитанников к книге, к чтению. Особенно плохо обстояло дело с изучением литературных новинок, у учеников создавалось впечатление, что на романе «Обрыв» И. Гончарова обрывалась вся история русской культуры. Да и то, что было до него, излагалось на уровне подчас с такой скукотой и формализмом, что отвращало гимназистов от классики. Маршак вспоминал об этом времени:

«Как прививают людям вакцину, для того, чтобы они не заболели по-настоящему, так постепенно — скучной зубрежкой отрывков из «Евгения Онегина» (главным образом о временах года) да еще писанием сравнительных характеристик Онегина и Ленского или Татьяны и Ольги — вырабатывали у нас иммунитет к Пушкину, как бы заботясь только о том, чтобы мы не «заболели» им всерьез»⁷.

Юный гимназист пускался на поиски чтения, которое могло бы утолить жадный интерес юноши к новым мыслям и чувствам, на поиски новых книг. И вот уже держит в руках гимназист Маршак номер с крупным узорным заголовком «Нива», где на видном месте напечатана глава из нового романа Льва Толстого «Воскресение» с рисунками художника Леонида Пастернака.

Так же вошел в жизнь острогожского гимназиста Антон Чехов, пьесы которого «Медведь», «Предложение» и короткие рассказы читал он вслух своим одноклассникам. Имя Максима Горького Маршак-гимназист узнал, когда впервые раскрыл небольшой томик в зеленоватой обложке, откуда полились полные сдержанной могучей силы строки «Буревестника»: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает...».

Гимназическое образование Маршак продолжил в столичной гимназии, а произошло это так: один из знакомых Якова Миновича показал стихи его сына самому В. В. Стасову, который

искренне полюбил талантливого мальчика, добился его перевода в одну из лучших столичных гимназий и познакомил его со многими знаменитыми людьми — Ф. И. Шаляпиным, А. М. Горьким, И. Е. Репиным, композиторами А. Глазуновым и А. Лядовым и другими, писал о нем в письмах к Л. Н. Толстому, наконец, открыл перед 14-летним гимназистом двери Публичной библиотеки, где работал главным библиографом.

Долгие счастливые часы провел юноша за чтением прекрасных произведений мировой литературы под руководством Владимира Васильевича Стасова, подарившего подростку и первую в его жизни библиотеку — десятки книг русских и зарубежных классиков. Когда же здоровье болезненного мальчика ухудшилось, Алексей Максимович Горький предлагает ему жить в Ялте, где находилась его семья, а Федор Иванович Шаляпин платит за его обучение в гимназии.

Самообразование продолжается и в Ялте.

«Читаю я много, — пишет он из Ялты Владимиру Васильевичу Стасову 2 декабря 1904 года. — Здесь прочел и перечел я вот что: Байрона, Шекспира, Гете и Льва Толстого. Многие вещи последнего я теперь только понял и страшно люблю!»⁸.

Вернувшись в столицу, Маршак готовится к поступлению в университет, но процентная норма закрывает двери перед талантливым юношей. И все же спустя несколько лет он продолжает свое образование: заручившись денежной поддержкой нескольких петербургских газет, уезжает в Англию вместе с женой, молодые супруги поступают в Лондонский университет.

И снова библиотека, но уже не в русской, а в английской столице. Студент Маршак с увлечением работал в залах университетской библиотеки, но особенно любил он круглый зал Британского музея, где под стеклянным куполом могло разместиться за широкими удобными секретерами около тысячи человек. Здесь впервые познакомился он и полюбил на всю жизнь английские народные баллады, забавный детский фольклор этого народа, стихи и поэмы Вильяма Блейка, песни Бёрнса и сонеты Шекспира. Здесь читал он в подлиннике детства любимого Диккенса.

Но Маршак не был кабинетным человеком, от книг его тянуло к людям. Он знакомится с молодыми поэтессами Сарожджиной Наиду и Лаурой Сойни из Финляндии и посылает переводы их стихов на родину. Интерес к Индии, который всколыхнуло в нем знакомство с ее поэзией, занял его надолго: он принялся за изучение истории этой страны, ее литературы, скульптуры, религии, живописи и архитектуры.

Чтение студента Лондонского университета было чрезвычайно многообразным, его интересы были разносторонними, и за какой бы раздел человеческой культуры он ни брался, он изучал его досконально и глубоко. Впервые заинтересовали его

здесь вопросы воспитания, в частности теория гармонического развития в общении с природой, так называемая «Школа простой жизни» Филиппа Ойлера. Молодой студент знакомится не только с книгой английского педагога, но и с самим автором. Некоторое время он вместе с женой и новорожденной дочкой живет в Южном Уэльсе, где в домиках, построенных руками самих воспитанников, располагалась своеобразная коммуна. Здесь Маршак читает и переводит книгу художника Джозефа Ноулза «Два месяца в лесах», которая и стала его первой книгой, вышедшей в издательстве «Прометей» в 1914 году.

К этому времени С. Я. Маршак выработал в себе навыки профессионального чтения, литературные интересы его определились, он стал читателем-творцом. У него возникла потребность учить чтению других. Вернувшись из-за границы, он отдал свой талант делу воспитания детей. В Краснодаре С. Я. Маршак во главе группы писателей, художников, музыкантов, актеров и педагогов создал своеобразный клуб для детей — детский городок. В нем был детский театр, спортивные секции, мастерские, детский сад и детская библиотека. Основанная весной 1920 года, она была одной из первых советских детских библиотек.

В 20—30-е годы С. Я. Маршак участвует в создании целого ряда детских библиотек в Ирбитском колхозе «Гигант», в Ленинградском Доме детской литературы и других. Всю свою жизнь советский поэт-гуманист следил за развитием читательской культуры в нашей стране. Он не раз обращал внимание юных читателей на то, что по тому, какие книги читает человек, можно судить о его духовной культуре, о его внутреннем богатстве. «Учитесь читать!» — призывал он. При этом писатель имел в виду не столько навыки чтения, сколько умение проникать в суть художественных произведений, слышать голос автора, различать особенности языка и стиля писателя.

Сам пройдя прекрасную читательскую школу, Маршак призывал совершенствовать искусство чтения.

Есть читатели-накопители и ревнивые хранители знаний, единолично владеющие ими. Это своеобразные книжные эгоисты. Но есть читатели-альтруисты, стремящиеся разделить свою радость общения с книгой с другими людьми, щедро раздающие свои читательские богатства. Самуил Яковлевич Маршак принадлежал к их числу.

Маршак был Просветителем в самом высоком и благородном смысле этого слова, он стремился поделиться теми культурными богатствами, которыми владел, с читателями своих книг, с молодыми писателями и критиками, с друзьями и родными.

В 1934—1937 гг. Маршак был художественным руководителем Дома детской литературы и часто читал школьникам свои любимые произведения.

Чаще всего читал Пушкина — «Пророк», «Обвал», «Эхо», «Цветок засохший, безуханный», «Водопад» и «Не ослеплен я музою моей» А. Баратынского, «Люблю грозу в начале мая» Ф. Тютчева, «Смальмгольский барон» В. Жуковского, «Пятый Интернационал» В. Маяковского. Любил рассказывать детям о забытых поэтах, о Каролине Павловой, например, о ее поэтической и житейской судьбе. Любил он и стихи Дениса Давыдова — «Старых барынь духовник». Особенно часто читал детям стихотворения «Филантроп», «О погоде», «Генерал Топтыгин» Н. А. Некрасова.

Маршак — читатель русской и зарубежной классики — сохранил до конца дней своих всю свежесть первого юношеского, а иногда и детского восприятия литературы. Читая вслух любимыи строки, всегда заметно волновался, вновь испытывая наслаждение от встречи со своими старыми друзьями. И всякий раз, перечитывая давно знакомое произведение, поэт находил в нем новые достоинства, у него рождались свежие ассоциации с современностью, его комментарии к только что прочитанному были превосходны.

«Разговор о Пушкине длился часами, — вспоминает журналист Вл. Николаев. — Вряд ли кто другой так знал гениального поэта, как Маршак. Кажется, всего его, включая и прозу, и драмы, и письма, он цитировал по памяти. А какое тонкое понимание, какое глубокое толкование! Я учился в ИФЛИ, у нас были неплохие преподаватели, почти все мы вынесли огромную любовь к литературе и сами потом преподавали ее в вузах, с годами все глубже вглядываясь в бездонные глубины, признавая величие и смысл классики, и все же, должен признаться, беседы Маршака о литературе нашей и зарубежной, были подлинным откровением. Для себя считал, что прохожу у Маршака второй университет»⁹.

Евгений Шварц вспоминает, что блистательное знание Самуилом Яковлевичем русской и зарубежной классики и умение вводить ее в редакционную работу обогащало и окрыляло молодых авторов.

«Для того, чтобы объяснить мне, — пишет Е. Шварц, — почему плохо то или иное место рукописи, Маршак привлекал Библию, и Шекспира, и народные песни, и Пушкина, и многое другое, столь же величественное или прекрасное... И когда я шел домой или бродил по улицам с Маршаком, то испытывал счастье, чувствовал, что не только выбрался на дорогу, свойственную мне, но еще и живу отныне по-божески. Делаю великое дело»¹⁰.

Маршак-читатель оказывал незаменимую помощь Маршаку-редактору повседневно.

Однажды он прочел у Сетона-Томпсона о том, что волк читает газету, и это дало толчок редакторской мысли Мар-

шака. Ход рассуждений был следующий: коль скоро лесной зверь читает газету, значит эта газета не совсем обычная — лесная, а следовательно, в ней могут быть представлены и репортажи со дна реки, и очерки о постройке гнезда, и рассказ синички, и вести из леса, и отдел происшествий — все газетные жанры. И, конечно, в такую газету пишут не спецкоры, а лескоры. Так родился у Маршака замысел о создании «Лесной газеты» для детей, он подарил его В. В. Бианки, который воплотил эту идею в прекрасную научно-художественную книгу.

Как-то он обратил внимание своих верных помощников — редакторов Т. Г. Габбе и А. И. Любарской на первую строку стихотворения И. И. Козлова — «Не бил барабан в предрассветный час...» — «Слышите? — говорил Самуил Яковлевич. — Он бьет, этот барабан. Да, да, отрицательная частица «не» не в силах заставить барабан замолчать: он грохочет, он бьет тревогу, хотя написано «не бил». Правда, интересно?» Так он пристально вглядывался в литературное произведение, вслушивался в его разноголосье, воспитывал в себе читательскую культуру слова и звука.

Чтение в зрелые годы стало для Маршака профессиональной необходимостью, но при этом он всегда оставался читателем на редкость искренним, непосредственным, с ярко выраженными эмоциями.

Маршак-читатель помогал Маршаку-поэту. Храня в своей богатейшей памяти множество сюжетов фольклора разных стран, стихов, рассказов и повестей, он по-хозяйски смело и расчетливо использовал это художественное наследие мира в своем творчестве. Словацкая народная сказка «Двенадцать месяцев» в пересказе Божены Немцовой послужила творческим толчком к созданию пьесы, в которой ясно прозвучали и мотивы русских фольклорных сказок — «Морозко», «Василиса Прекрасная», «Крошечка-Хаврошечка» и других. Сказка «Угомон» вобрала в себя образы русского фольклора — Сон, Дрема, но в то же время несет на себе печать датской народной сказки в обработке Андерсена об Оле-Лукойе, волшебном хранителе снов.

«Разноцветная книга» — еще одно свидетельство тесного переплетения читательских и писательских интересов ее автора. Еще живя в Англии, поэт познакомился с оригинальной «Книгой радужных рассказов», в которой цветовая гамма радовала маленьких читателей. Позднее, на одном из занятий в ДДЛ 12-летний Толя Бобков прочел свою «Книгу зимы»:

Белая страница
За окном открыта —
Чисто-белая бумага,
А к утру как ни бывало,
Вся бумага в запятых,
Точках всяких не простых,

Зяец бегал, волк пришел,
Да сорока пролетела,
Отдохнула, посидела,
Посидела, улетела,
Не забыв махнуть хвостом¹¹.

Талантливые ребята, по мысли Маршака, были своеобразными аккумуляторами, которые несли в себе мысли и чувства многих сверстников, их ощущения Вселенной. Когда он писал «Белую страницу», то несомненно учел опыт видения зимы ребенком:

Это — снежная страница.
Вот прошла по ней лисица,
Заметая след хвостом.

Тут вприпрыжку по странице
В ясный день гуляли птицы,
Оставляя след крестом.

.. Цепь следов на снежной глади
Остается как строка.
В чистой, новенькой тетради
Первого ученика¹².

В «Сказке о глупом мышонке» слышатся мелодии колыбельных песен, материнского фольклора и элементы японской народной сказки «Женихи крысы».

Начитанность и литературная эрудиция Маршака были залогом успешных трансформаций сюжетов, тем и замыслов, которые долго еще будут радовать не одно поколение советских детей.

13 июля 1936 года ЦО «Правда» в отделе «Хроника» опубликовала сообщение «Героический поступок на пожаре».

«Вчера днем в одной из квартир 4-го этажа дома № 20 по Рождественскому бульвару в Москве взорвалась керосинка. Пламя сразу охватило комнату, в которой гладила белье 24-летняя М. П. Аникеева... Огонь быстро распространялся и вскоре отрезал выход из комнаты. Аникеева закричала о помощи. Неожиданно для всех из проходившего мимо вагона трамвая выскочил на мостовую какой-то гражданин. Аникеева кричала, что огонь подбегает к ней и что она будет прыгать вниз. Гражданин громко крикнул ей не прыгать, а вылезть на карниз. Сам же он подбежал к водосточной трубе и стал по ней взбираться... с ловкостью акробата добрался по трубе до четвертого этажа и ногами стал на карниз. Затем сильным ударом ноги он выбил в окне соседней комнаты раму и на глазах притихшей тысячной толпы стал пробираться с Аникеевой по карнизу к выбитому окну. Это заняло несколько минут... Передав Аникееву работникам пожарной команды, гражданин незамедлительно вышел из дома и остался неизвестным».

На следующий день вездесущие газетчики разыскали неизвестного героя. Это был студент В. М. Бурацкий.

9 октября 1937 года в ЦО «Правды» появилось новое произведение С. Маршака — «Двадцатилетний... Современная баллада», написанное по следам газетной хроники. Позднее название было изменено автором — «Рассказ о неизвестном герое».

Поэт был очень требовательным и вдумчивым читателем собственных произведений, тщательно работал и перерабаты-

вал их в рукописи, в гранках, от издания к изданию. «Мистер Твистер», например, имеет более двенадцати черновых вариантов и претерпел существенные изменения в процессе переизданий.

Младшая сестра Самуила Яковлевича и его крестница в литературе Лия Яковлевна не раз помогала брату при сверке корректур и однажды написала шутовское стихотворение «Литературный багаж»:

Писатель сдавал в печать:
Лирическую тетрадь,
Пьесы,
Том переводов,
Сказки разных народов.
Прислали писателю верстку.
А срок, как известно, жесткий.
Просят: — Верните в печать
Лирическую тетрадь.
Пьесы,
Том переводов,
Сказки разных народов.
Вся типография плачет.
Курьер на квартиру скачет.
Редактор в отчаяньи стонет.
Телефон звонит и трезвонит:
— Верните скорее в печать
Лирическую тетрадь,
Пьесы,
Том переводов,
Сказки разных народов.
Отвечает писатель
Маршак:
— Скорей не могу
Никак!
Я правлю каждое
Слово.
Я все сочиняю
Снова!¹³

Читатель Маршак не только был поставщиком сюжетов и жизненно важных тем для поэта Маршака, он еще и оценивал их, а иногда сознательно избегал знакомиться с какими-то материалами. «К счастью, я не читал переводов Шекспира до того, как стал сам их переводить», — сказал мне Самуил Яковлевич 16 августа 1962 года. Поэт искал свою музыкальную тему в поэтических произведениях великого драматурга, с самого начала поставил перед собой цель переводить только те сонеты, которые его самого взволновали. Вначале хотел перевести 50, потом 100, а в результате перевел все 154, войдя в мир Шекспира-поэта. И эти переводы стали событием в культурной жизни страны, превзойдя все дореволюционные попытки донести до русского читателя сонеты Шекспира. В его прочтении и интерпретации шекспировские сонеты стали, по словам А. Фадеева, «фактами русской поэзии».

Но, пожалуй, особенно интересным был Маршак — читатель и слушатель своих собственных произведений — в рукописи, в корректуре, в напечатанном виде. В боковом кармане его пиджака всегда была очередная рукопись, так сказать, под рукой — в любой момент ее можно вытащить, прочесть собеседнику, лишний раз проверить читательское впечатление, исправить написанное.

Самуил Яковлевич любил слушать свои стихи со стороны. В последние годы жизни, когда зрение ослабело, просил читать вслух строку за строкой, четверостишие за четверостишием. Один и тот же цикл стихов обычно читало много людей — друзья и родные, критики и редакторы, поэты и переводчики.

В мае — июне 1964 года Самуил Яковлевич готовил к печати «Лирические эпиграммы» и многие из тех, кто бывал у него тогда, читали их по его просьбе, а он, жадно посасывая сигарету («Последние дни, голубчик, курю — врачи велют бросить»), слушал, спрашивал, вспоминал и комментировал.

Каждая лирическая миниатюра — сгусток мыслей и чувств, сжатая пружина, огромный мир в капле, поэма в зерне. В ней — аскетизм надписи на камне, когда каждое слово дорого досталось его автору. Читаю:

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа¹⁴.

«Это четверостишие — о целомудренности, о стыдливости, понятно, правда? А что здесь привлечет внимание читателя?» — «Мне кажется — тепло стыда. Это сказано так точно и в то же время так необычно: ведь стыд это что-то студеное...» — «Мне даже кажется, что у слов «стыд» и «остуда» — один корень», — делает наблюдение автор*.

Чтение продолжается. После каждой лирической эпиграммы — неторопливое раздумье или страстный монолог, или лирическое воспоминание о прошлом.

Он был на редкость верный человек — верный во всех своих друзьях и недругах. И в литературе он имел свои многолетние привязанности. Из прозаиков он очень любил и перечитывал А. И. Герцена, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Чарльза Диккенса. Среди поэтов у него тоже были неизменные любимцы: А. Пушкин, А. Блок, Ф. Тютчев, Н. Некрасов, В. Хлебников, В. Блейк, Э. Лир, Д. Китс. Из современных поэтов ему были особенно близки А. Твардовский, Р. Гамзатов, Н. Матвеева. До конца дней Маршак следил за развитием советской детской литературы, радовался успехам В. Берестова, И. Ток-

* Беседа с С. Я. Маршаком 11 мая 1964 года.

маковой, Ю. Коринца, Н. Сладкова, Г. Снегирева, Н. Дубова, В. Голявкина и Р. Погодина.

Личная библиотека поэта насчитывает более тысячи томов. У Маршака-библиофила были свои привязанности и свои взгляды на собиране книг. В его собрании большое место занимают сказки разных народов, фольклорные и литературные — от афанасьевских сборников русских народных сказок до словацкой сказки о братьях-месяцах и сказок Топелиуса.

Постоянный интерес к устному народному творчеству выразился и в собрании сборников малых форм фольклора — пестушек, потешек, загадок, частушек и народных песен разных стран, многие из которых Маршак знал наизусть.

Характерной чертой библиотеки Маршака является присутствие в ней книг на иностранных языках — английском, немецком, итальянском, польском и других. До последних дней жизни книги оставались верными друзьями поэта, а его любимым занятием — чтение.

2 июля 1964 года за два дня до смерти поэт сдал в печать «Лирические эпиграммы», последний раз слушая и правя гранки. 3 июля беседовал с австралийским писателем Аланом Маршаллом, автором прекрасной детской книги «Я умею прыгать через лужи». До последнего дня он был окружен книгами и людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маршак С. Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. Избранные письма. М., 1972, с. 215—216.

² Маршак С. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. М., 1970, с. 7.

³ Маршак С. Щедрый талант. — «Лит. газета», 1952, 12 мая.

⁴ Маршак С. В начале жизни. Страницы воспоминаний. М., 1962, с. 69.

⁵ Маршак С. Автобиография. — В кн.: Советские писатели. Т. 2. М., 1959, с. 55.

⁶ Маршак С. Автобиография. — В кн.: Советские писатели. Т. 2. М., 1959, с. 55.

⁷ Маршак С. В начале жизни. Страницы воспоминаний. М., 1962, с. 155.

⁸ Маршак С. Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. Избранные письма. М., 1972, с. 33—34.

⁹ Николаев В. л. Великан. — В кн.: «Я думал, чувствовал, я жил...». М., 1971, с. 297—298.

¹⁰ Шварц Е. Из дневника. — В кн.: «Я думал, чувствовал, я жил...». М., 1971, с. 120.

¹¹ Стихи детей. Сб. М.—Л., 1936, с. 50.

¹² Маршак С. Собр. соч. в восьми томах. Т. 1. М., 1968, с. 157.

¹³ Ильина Е. Литературный багаж. — «Лит. газета», 1962, 15 декабря.

¹⁴ Маршак С. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. М., 1970, с. 147.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Ж. О. Комарницкая. Роль французской книги в формировании мировоззрения декабристов	6
И. Е. Баренбаум. Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50-х — начала 60-х годов XIX века	29
Б. Т. Уткин. К вопросу о распространении «Современника» в 1859—1861 гг.	45
Н. А. Костылева. Марксистская литература в среде российского пролетариата (70-е — начало 90-х гг. XIX вв.)	52
Н. Н. Житомирова. Читательские запросы и круг чтения учащихся средней школы предреволюционной России (конец XIX — начало XX века)	67
А. В. Блюм. Из истории массового чтения «знанийской» литературы	83
В. А. Фокеев. К вопросу о характеристике крестьянина первых лет Советской власти как читателя произведений В. И. Ленина	101
И. А. Шомракова. Крестьянский читатель 20-х годов	115
В. Д. Разова. Книга и чтение в жизни Маршака	136

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Выпуск 2

ТРУДЫ ЛГИК имени Н. К. КРУПСКОЙ
ТОМ XXXII

Научный редактор проф. *И. Е. БАРЕНБАУМ*

Редактор *Л. А. Итигина*
Техн. редактор *В. П. Галанова*
Корректор *Э. П. Карпёнок*

М-29338 Подписано к печати 31.12.1976 Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 3. Объем 9,5 печ. л. Тираж 1000. Заказ 943. Цена 90 коп.

Типография № 2 Ленуприздата. 192104, Ленинград, Литейный пр., 55.

Цена 90 коп.